

№ 26 (197) 2014
Выпуск 24

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

**Журнал входит
в Перечень ведущих рецензируемых
научных журналов и изданий,
выпускаемых в Российской Федерации,
в которых рекомендуется публикация
основных результатов диссертаций
на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук**

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Издатель:
НИУ «БелГУ».

Издательский дом «Белгород».

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

О. Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И. С. Константинов,
проректор по научной
и инновационной работе НИУ «БелГУ»,
доктор технических наук, профессор

Ответственные секретари:

В. М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических
наук, профессор

О. В. Шевченко
зам. начальника УНИД НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Главный редактор серии

А. П. Короченский,
декан факультета журналистики
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

Заместители главного редактора:

И. А. Нагорный,
профессор кафедры русского языка
и методики преподавания
историко-филологического факультета
НИУ «БелГУ», доктор филологических
наук, профессор

О. Н. Прохорова, директор Института
межкультурной коммуникации и между-
народных отношений НИУ «БелГУ»,
доктор филологических наук, профессор

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Belgorod State University

Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy

Psychology

Содержание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Коммуникативный модус и национальная идентичность в окружении разнополярного мира (на материале текстов старообрядцев-странников)

С. Ю. Нагорная 5

Корректирующая функция модально-персуазивных частиц

И. А. Нагорный 13

Жанрообразующие факторы исторического романа И. И. Лажечникова

Л. В. Проскурнина 23

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Проблемы культуры и духовности в романе Г. Гессе «Игра в бисер»

И. В. Бардыкова, Н. В. Бардыкова 32

Модификация цитат и фразеологизмов в современной англо-американской прессе

К. И. Бузлак, Д. В. Лагоденко 40

Особенности актуализации концептосферы “creativity” в психолингвистическом аспекте

А. Н. Доборович, В. А. Кузьмичева 46

Дейктическое смягчение в политическом дискурсе (на материале интервью российских и немецких политиков)

С. Ш. Каракулова 53

К вопросу об интертекстуальном характере древнегерманских библейских переводов

В. И. Карпов 57

Портрет героя в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

и Г. Бёлля «Групповой портрет с дамой» (опыт сравнительного анализа)

Л. А. Мельникова 65

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

«Элита» и «лжеэлита» как системные понятия медиационной культуры

И. В. Анненкова 71

PR-сопровождение: понятие и концепция

Т. А. Воробьева 75

Выражение культурно-просветительских смыслов в текстах прикладных коммуникаций

А. А. Горячев 80

Познавательное-просветительская медиаречь: репрезентация коммуникативного сценария трэвел-медиа-текстов

Л. Р. Дускаева 85

Стиль образовательного корпоративного издания: интенционально-стилистический подход

Ю. М. Коняева 93

Особенности конструирования социально значимого события в медиатекстах новостных выпусков телеканала «Дождь»

Т. Р. Красикова 98

Особенности функционирования рекламного издания на региональном медиарынке (на примере журнала «Торговля и производство Белгородской области»)

В. А. Мельникова 110

Социально-исторические типы человека в публицистике П. Н. Ткачева

В. Ю. Меринов 119

ПЕДАГОГИКА

Вопросы профессионального самовоспитания при подготовке специалистов правоохранительной системы

В. Н. Котляр 123

Качество учебного процесса в медицинском вузе: психолого-педагогический подход

М. В. Носкова, Е. П. Шихова, Д. С. Андрега 128

И. Ф. Исаев,
доктор педагогических наук, профессор
НИУ «БелГУ»

В. В. Гребнева, заведующая кафедрой
психологии педагогического факультета НИУ
«БелГУ», кандидат психологических наук,
профессор

Члены редакционной коллегии:

М. Геруля,
доктор гуманитарных наук, профессор
Силезского университета, Катовице
(Польша)

К. Жиро,
доктор философии, профессор Барселон-
ского Автономного университета, директор
Департамента средств массовой информации,
коммуникации и культуры (Испания)

В. И. Лозовая,
доктор педагогических наук, профессор
Харьковского национального университе-
та, член-корреспондент Академии педаго-
гических наук (Украина)

У. Перси,
доктор филологии, профессор
Университета Бергамо (Италия)

А. А. Тертыйный,
доктор филологических наук, профессор
факультета журналистики Московского
государственного университета

А. В. Фёдоров,
доктор педагогических наук, профессор,
проректор по научной работе Таганрог-
ского государственного педагогического
института

Консультант

Е. А. Кожмякин,
заведующий кафедрой коммуникативи-
стики, рекламы и связей с общественно-
стью факультета журналистики Белгород-
ского государственного национального
исследовательского университета,
доктор философских наук, профессор

Ответственный секретарь

И. И. Карпенко,
доцент факультета журналистики
Белгородского государственного
национального исследовательского
университета, кандидат
филологических наук

Оригинал-макет *И. И. Карпенко,*
Н. А. Гапоненко

e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 26.12.2014
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact.
Усл. п. л. 21,39
Тираж 1000 экз.
Заказ 349

Подписной индекс в каталоге агентства
«Роспеать» – 81470

Оригинал-макет тиражирован
в издательском доме «Белгород»
Адрес: 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Пути формирования готовности детей старшего дошкольного возраста к художе-
ственно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства
Г. В. Тришина 133

Особенности использования активных методов обучения с применением компь-
ютерно-информационных технологий в процессе профессиональной подготовки
учителей географии **Ю. Ю. Чикина 140**

Генезис феномена духовности в педагогическом и психологическом аспектах
воспитания личности **Е. Шагаринова 17**

ПСИХОЛОГИЯ

Методика исследования редукции достижений в условиях педагогической дея-
тельности (СОРД): методология и технология стандартизации

В. Б. Никитшина, А. А. Кузнецова 154

Влияние детско-родительских отношений на выбор подростками копинг-
стратегий **Е. А. Овсянникова, Н. С. Ткаченко 162**

Формирование манипуляционных уязвимостей в сознании подростков с помо-
щью современных виртуально-коммуникативных средств

А. Ю. Петухов, Н. С. Чупракова 169

Сведения об авторах 177

Информация для авторов 180

№ 26 (197) 2014

Issue 24

Scientific reviewing journal

Founded in 1995

The Journal is included into the nomenclature of the leading reviewing journals and publications issued in the Russian Federation that are recommended for publishing the key results of the theses for Doctor and Candidate degree-seeking.

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher professional education «Belgorod National Research University»

Publisher:

Belgorod National Research University.
Belgorod National Research University Press.

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May 19, 2005.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod National Research University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Assistant Editors

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod National Research University, Doctor of Geographical Sciences

O.V. Shevchenko,

Deputy Head of Department of Scientific and Innovative Activity of Belgorod National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor:

A. P. Korochenskiy,

Dean of Faculty of Journalism, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

Deputies of chief editor:

I. A. Nagorniy,

Faculty of History and Philology, Department of Russian Language and Teaching, Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod National Research University)

**Belgorod State University
Scientific bulletin**

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика

Психология

Contents

RUSSIAN PHILOLOGY

Communicative Modus and national Identity in bipolar World (by text Materials wanderer Old Believers) **S. Y. Nagornaya 5**

Correction function of modal particles of Persuasiveness **I. A. Nagornyy 13**

Genre Factors of historical Novels by I. I. Lazhechnikov
L. V. Proskurnina 23

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

The problems of Culture and Spirituality in the Novel "The Glass bead Game" by Hermann Hesse **I. V. Bardykova, N. V. Bardykova 32**

Modification of quotations and phraseological Units in modern Anglo-American Press
K. I. Buglak, D. V. Lagodenko 40

Psycholinguistic Insights into structuring the Concept of Creativity
A. N. Dobrovich, V. A. Kuzmicheva 46

Deictic Mitigation in the political Discourse (by the Material of the Interviews of Russian and German Politicians) **S. S. Karakulova 53**

On the intertextual Nature of the old German Bible Translations **V. I. Karpov 57**

The Portrait of the Personages in F.M. Dostoyevsky's Novel "The Brothers Karamazov" and H. Böll's Novel "Group Portrait with Lady" (an Experience of a comparative Analysis) **L. A. Melnikova 65**

JOURNALISM AND PR

"Elite" and "False-Elite" as system Concept of mediacentric Culture
N. F. Annenkova 71

PR-Support: the Term and the Concept **T. A. Vorobyeva 75**

Expression of cultural and educational Meanings in the Texts of applied Communications **A. A. Goryachev 80**

Educational media Speech: Representation of the communicative Script of travel media Texts **L. R. Duskaeva 85**

Style of educational corporate Journal: intentional stylistic Approach
Yu. M. Konyayeva 93

Construction of socially significant Events in Media Newscasts of the TV Channel "Dozhd" **T. Krasikova 98**

The features of functioning of advertising publications regional media market (by the material of the magazine "Trade and production Belgorod region" **V. A. Melnikova 110**

A social historical Types of Man in Tkachev's Publicism **V. Yu. Merinov**

PEDAGOGICS

Questions for Self-Preparation of professionals for law enforcement System
V. N. Kotlyar 123

Quality of Teaching in the medical School: psychological and educational Approaches
M. V. Noskova, E. P. Shihova, D. S. Andrega 128

The formation ways of senior preschoolers readiness to participate in an art and design activities by means of the fine arts **G. V. Trishina 133**

O. N. Prohorova,
Director of Institute of Intercultural
Communication and International Relations,
Doctor of Philological Sciences, Professor
(Belgorod National Research University)

I. F. Isaev,
Faculty of Psychology, Head of Department
of Pedagogics Doctor of Pedagogical Scienc-
es, Professor (Belgorod National
Research University)

V. V. Grebneva, Head of Department of
Psychology, Faculty of Pedagogy, Professor
(Belgorod National Research University)

Members of Editorial Board:

M. Gierula,
Doctor of Humanities, professor
of Silesian University, Katowice, professor
of High School of Humanities, Sosnowiec
(Poland)

X. Giro,
PhD, professor of Autonomous University
of Barcelona, director of Department
of Mass Media, Communication and
Culture (Spain)

V. I. Lozovaya
Doctor of Pedagogy, professor of Kharkov
National University, member of Academy
of Pedagogical Science (Ukraine)

H. Persi,
Doctor of Philology, professor
of University of Bergamo (Italy)

A. A. Tertychniy,
Doctor of Philosophical Sciences,
professor of Faculty of Journalism
of Moscow State University

A. V. Fedorov,
Doctor of Pedagogy, professor, vice-rector
of Taganrog State Pedagogical Institute,
president of Russian Association
of Media Pedagogy

Consultant:

E. A. Kozhemyakin,
Faculty of Journalism, Head
of Department of Communication Studies,
Advertising and Public Relations,
Doctor of Philosophical Sciences,
professor (Belgorod National Research
University)

Responsible secretary:

I. I. Karpenko,
Associate Professor of the Faculty
of Journalism (Belgorod National
Research University)

Dummy layout by *I. I. Karpenko*,
N. A. Gaponenko
e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Passed for printing 26.12.2014
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 21,39
Circulation 1000 copies
Order 349

Subscription reference in Rospechat' agency
catalogue – 81470

Dummy layout is replicated at Belgorod
National Research University Publishing
house "Belgorod"
Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

Specific features of Applying active teaching Methods using computer and information
Technologies in the Context of geography teachers' professional Training

Yu. Yu. Chikina 140

Genesis of spirituality Phenomenon in psychological and pedagogical Aspects of Educa-
tion **E. Shagardinova 147**

PSYCHOLOGY

Method of the subjective Assessment of reduction Achievements in the Conditions of
pedagogical Activity (SARA): methodology and technology of Standardization

V. B. Nikishina, A. A. Kuznetsova 154

Influence of parent's Attitude on teenager's Choice of Coping-Strategy

E. A. Ovsyanikova, N. S. Tkachenko 162

Constructing manipulation vulnerabilities in the minds of young people with modern
virtual-communication tools.

A. Y. Petukhov, N. S. Chuprakova 169

Information about Authors 177

Information for Authors 180

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 811.161.1

КОММУНИКАТИВНЫЙ МОДУС И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОКРУЖЕНИИ РАЗНОПОЛЯРНОГО МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ СТАРООБРЯДЦЕВ-СТРАННИКОВ)

С. Ю. Нагорная*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
nagornaya@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются актуальные в мировой ситуации глобализации и интенсификации межкультурной коммуникации особенности коммуникативного поведения представителей ярко выраженного антиассимилятивного культурного поведения – старообрядцев-странников в аспекте осознания и сохранения этнокультурной самоценности.

Ключевые слова: старообрядчество, самосознание, коммуникативные стратегии и тактики.

Введение

В современной мировой ситуации глобализации и активных интеграционных процессов, интенсификации международного общения все острее декларируются проблемы самоидентификации, сохранения национальной самобытности и самосознания. Интеграционные процессы заставляют носителей языка задуматься об утрате самобытности при культурной ассимиляции. Полярный модус интеграции заключается в изоляции от чуждого культурного пространства, при которой происходит консервация и сохранение национальных доминант. Оба пути могут расцениваться как экстремальные.

Показательным примером ярко выраженного антиассимилятивного культурного поведения является особая часть русского этноса – старообрядчество, которая эксплицитно уникальнейший опыт в аспекте коллективных и индивидуальных речеведческих тактик.

С одной стороны, в старовой с момента раскола русской православной церкви, т. е. с XVII в., доминировала установка на изоляцию от «инаковерующих», для сохранения «чистоты веры», с другой стороны, объективная реальность вызвала к жизни развитие коммуникативных стратегий и тактик, не только с контрагентами, но и иноверцами, и иноземцами.

Старообрядцы переселялись в поисках обетованной земли *Беловодья* не только на незаселенные земли Урала и Сибирской тайги, но обосновывались среди иноверцев: бурят в Забайкалье, алтайцев в Горном Алтае, за пределами Российского государства (именно поэтому сегодня старообрядцы живут в более чем 20 странах мира). Таким образом, старообрядчество представляет собою уникальнейший опыт в плане меж-

культурной коммуникации, эксплицируя возможность сохранения культурной и конфессиональной специфики и жизнеспособности в постоянно изменяющихся социосистемах, уникальные адаптационные и стабилизирующие механизмы [1]. Пристального внимания заслуживает опыт одного из малоизученных направлений в староверии – страннического согласия, которое характеризуется, с одной стороны, постулированием ярко выраженного антиассимилятивного культурного поведения, стремлением к изоляции, оппозициональным отношением к официальным властям и иноверцам, с другой стороны, при всем пафосе мироотрицания, на практике демонстрирующее успешное включение в сферы бытия.

Основная часть

Для достижения в межкультурном и межконфессиональном общении полноты взаимопонимания и взаимодействия староверам приходилось вырабатывать самобытную речевую стратегию. Старообрядец, освоивший и усвоивший когнитивный опыт, который был выработан в его национальном сообществе, при международной коммуникации встречался с необходимостью понять и усвоить иную концептуализацию мира, иной когнитивный опыт, закрепленный в другом языке, структуру другого этикета. Для этого он должен был изучать культурные стереотипы иноплеменников, знакомиться с их нравами, особенностями, изучать их коммуникативные стереотипы.

Вступая в международный коммуникативный процесс, старообрядец определяет стратегию своего речевого поведения исходя из пресуппозиции получателя речи. Под речевой стратегией нами понимается комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели. Речевыми стратегиями могут управлять определенные установки субъекта, его системы ценностей, убеждений. Эффективность речевых стратегий определяется «результатами или последствиями социального взаимодействия, независимо от того, является ли данный результат преднамеренным, осознанно планируемым» [2, с. 60]. Изучение коммуникативных стратегий позволяет увидеть зависимость выбора и реализации той или иной коммуникативной стратегии от коммуникативного, социального опыта продуцента и его индивидуальных особенностей. Общечеловеческая ситуация предполагает разные тактики поведения в различных этнокультурных языковых общностях. Для каждой тактики характерны определенные клишированные средства знакового выражения, как вербальные, так и невербальные.

Ориентация речевого замысла говорящего на достижение взаимности выражается и в системном преобразовании начальной прагмалингвистической ситуации.

Тексты XVIII в. идеолога страннического согласия инока Евфимия представляют собою уникальный опыт коммуникативного взаимодействия как с единоверцами, так и иноверцами.

Основная коммуникативная цель Евфимия – убедить и своих последователей, и своих оппонентов в правильности своего поведения, оправдать единственно возможный свой выбор – отмежевание от старообрядческого согласия филипповцев и образование нового толка «истинно верующих».

Коммуникативная стратегия убеждения, имеющая кроме основной цели еще и желание избавиться от подозрений и обвинений реализуется с помощью следующих коммуникативных тактик:

- оправдания;
- убеждение в своей искренности;
- отрицание предыдущих обвинительных пресуппозиций;
- апелляция к авторитету;
- апелляция к чувствам, к отношениям, к качествам;
- апелляция к категориям Добра/Зла; Вреда/Пользы;
- построение оппозиции «свои»/ «чужие»;
- обвинение.

Так, отклонение необоснованных обвинений строится через метаописание коммуникативной ситуации: Евфимий через номинацию *оговорка* выражает оценку пресуппозиции, используя данный коммуникативный прием с намерением отрицать обвинения, необоснованные претензии:

Сицневъмазъкако и откуду, праизыденанасъбъдствуещиx таковое вышемърноесълнодерзостноенепцеваніе. понеже нъцыиоглаголуеще, таковыи-нанасъпроизносеть глас. Якобы мы послѣднѣишии расколу, иразвращениюцрковно-мувинъподлежаще, и оческому преданію несогласнысотворяшеся. того ради нас сосуждаещетакооглаголуют. [невнимаеще ниже смотряещевъсценная писанія. Инималослышати хотяще. Еже занесогласнае писанію разумъніе, ИСО оцызане-единомыслие], кто таковым развратам и расколом црковнымвинъподлежати будет. Итаковым отступническим именем порицатися может (510: л. 2).

Для старообрядцев любого согласия авторитарная топика является незабываемым образцом поведения. Любой поступок должен оцениваться через прецедентный сакральный текст, который используется также и в обосновании адаптационных практик в современных авторах условиях, служат защитой от произвольных интерпретаций и модификаций. Образцовым текстом для авторов-странников были тексты Св. Писания, святоотеческий поучений, раннего староверия: *глющеисправити. Но зрите лебезніи вкормчейнаLISTY (67 м) показуетсясице: правдънесуци, сми-теніе немало ввещехъградски(хо и начальствуемы(х) б(ы)вае(т)[коль паче вирков-ныхъ] о(т) вышеписаннаго же матфеоваписма, явъпоказуется ваше неисправление тако просто вирквиостаеся б(ы)ти (510, 132); якожеглапрбныи максим испавѣдникъ к патрикію (510: 132 об.)*

Структурирование социума путем построения оппозиции «свой – чужие» имеет давние социокультурные традиции. Наряду с общечеловеческими ценностями представители любого этноса ориентируются еще и на коллективные ценности-интересы. Само сообщество устанавливает для своих членов нормы, правила, законы, регулирующие поведение. По словам О. С. Иссерс, «сама манипулятивная природа социума является базой для управления им, в том числе и посредством речевого воздействия. Это находит отражение в одной из базовых семантических категорий персуазивной коммуникации – в категории «свой круг»» [2, с. 45], основными концептами которой являются дихотомически противопоставленные единицы *свой – чужой*. В этой системе координат устанавливаются отношения между я говорящего, собеседником и третьими лицами.

Воздействующей силой обладает прием отождествления, или идентификации, формирование *своего круга*, что осуществляется через прямую номинацию, разграничивающих *своих* и *чужих* на основе символов Добра и Зла, соответствующих модели мира говорящего: *чрез невѣрных учинили (510: 124 об.) Сицежеионьшихъ сто статіи, общим же братиямсовѣтомустаменишася. аво оных статіяхихъ нам присмотрис, Яко законъ наших оцъпремънися. понуждежнашедшаго сего временезаконъфедосеевъстароженческіи, и новожженческіи утвердися. чесо ради азъбывшаго сними втомвподписанія статей их сообщенія, яко с ними сторожены иновоженысообщихся (510: 7 об.).*

Идентификация строится на сближении по свойствам, или с помощью атрибуции. Через указание на признаки, присущие объекту, устанавливается его принадлежность к своим или чужим: *Токмо оспасеніи вѣрныхледейбжіихъ до всего нашего православнагосословія неотложнъ касается (510: 131 об.).*

Персонификация реализуется через обозначение «я-мы», подтверждающее общность модели мира, общие пресуппозиции: *ибо сего настояцагомногогорбнаго-плачевнаговремене, внеприсудствіи православныхъ архипастырей, хотящим пребывативправаславійвѣрѣ. и усердствующим всовершенномънамъреніи назиданія добродѣтелей, спасеніе намъ свое промышляти, неинако от оцъпреда она бысть, точіе якожевпредирѣхом, двѣственноебезженное иноческое чистое проходити нам*

предаша житіе. запреступленіе же и нехраненіе своего объта, повельшаотцквиотлучати, иотнюдьнепріимати, дондежепробываютьвътаковом безоконном савокупленіи по III, правилу великаговасилія (510: 75 об).

Автор использует эмоционально-настраивающие тактики, имеющие цель установить кооперативную коммуникацию: *Присемъжепріидеми нужда, иванъмихаилычьивасилеимихаилычь, и к вашему бголебію опроисшедшем нашем свами договоръпабесъдовати: еже прошедшаго, ЗСПИ году, февраля, в 3 днь, в иткъ. по приъздеискимрыандреяиванова, тогда вы пришедшее комнъвъкълю, иглашасице: топерьюнасочехочетъмиръ чинитя, и ты де бга ради оче моего намъ не здълайпрепятія в том, тыде погоди покамеріиматисязадховноедъство. Иегда де внасмрѣ устоитя, то де тогоже часу немъшкавотебъкотцуандреанучлка пошлем спровителнымотбратскагосовѣтаписмом немедленно. о разръшеніи сним вашего дъла. такоже и ты к нему напиши от себя своеручное писмоспокореніем постомусимеонуфесалоницкомуприпадателное. а онъ тебя хотя разръшит или нетътаде твое дъло братством разръшитсяатебъ де токмо и патерптътобудетъндльдесять, какъ от оцапрідетъизвъстіе (510: 123 об.).*

Убеждение Евфимий строит на основе тактики обвинения, выраженного как эксплицитно, так и имплицитно: *и тъммногя вас признают нарушителемъ и нехранителем своего слова и объта. и егда вы вътакое себя состояніе определите, то овсемкъстаранію все братъствоподвигнетъ (510: 131).*

Следует подчеркнуть условия данной стратегии. Обвинение носит публичный характер, но осуществляется через опосредованный контакт, так как обвиняемые присутствуют в ситуации лишь «потенциально». Таким образом, речь идет о косвенном адресате. При этом обязательным участником коммуникации становится *наблюдатель*, т.е. читатель, являющийся прямым адресатом высказывания. Данные условия коммуникации усложняют ситуацию: Евфимию, во-первых, требуется дискредитировать оппонента в глазах читателя, во-вторых, задеть чувства оппонентов. Успешность коммуникативной стратегии, ее результативность возможна только при решении обеих задач.

Обвинения Евфимий выстраивает исходя из установки, что читатель может оценивать его оппонентов либо положительно, либо нейтрально, из чего вытекает главная цель автора – убедить читателя согласиться со взглядами адресанта.

Даже структурирование целого сборника, автором которого является инок Евфимий, подбор и расположение в нем всех текстов отражает целенаправленность интенции, сознательное намерение автора выделить причинно-следственные связи описываемых событий. Так, сборник начинается посланием Евфимия к филипповскому московскому наставнику Ивану Алексееву «*збратіе*».

Продуктивными коммуникативными приемами тактики обвинения являются **прямые обвинения**. При этом автор сборника чаще всего использует прямые обвинения в адрес другого лидера филипповского согласия, в котором он некоторое время состоял.

Коммуникативной целью автора является индуцирование желательной семантики, для чего используется оценочная лексика с отрицательной коннотацией, экспрессивность: *и вто(м) нареко(х) его которнино(м). и призна(х) засамовольствовоево, яко о(т)самыяморовыя язвы, о(т)него вспроисходящя б(ы)шавъцрквикоторы и расколы такореко(х) ему (510: 5 об.).*

Приемами прямых обвинений являются: установление желательных причинно-следственных связей; навязывание скрытого дедуктивного вывода; антитеза.

На антитезе и аллюзии строятся **обобщения**.

В адрес Алексея Яковлева Евфимий редко использует прямые обвинения, здесь чаще отмечаются **косвенные обвинения**. Целью косвенных обвинений является создание желательных для говорящего (адресанта) ассоциаций, сравнений.

Аллюзия выражает соотношение содержания текста с прецедентным фактом, является средством выражения оценки.

Развернутая метафора может быть оценена как инструмент познания действительности, выражает сложность умозаключений. Перенос наименования с одного объекта на другой позволяет характеризовать последний, выразить к нему отношение.

Авторы используют как кооперативные стратегии, так и конфронтационные. К кооперативным стратегиям относятся прежде всего стратегии ритуальные, традиционные, этикетные, имеющие цель установить контакт, эмоционально настроить коммуникантов на кооперацию, такие стратегии традиционно относят к прагматическим, например, обращение, приветствие, пожелание, прощание, поддержание добрых отношений

Риторические/ этикетные установка на кооперативную коммуникацию, контактоустанавливающие тактики, эмоционально-настраивающие: *и я вамъ лебезнии (510: 124)*. При обвинении: *и тако видите лебезнии (510: 129 об.)*; обращение: *Гдѣ Исѣ хрѣте снѣ бжѣм помилуй нас Честному оцу и единовѣрному охъ брату Ивану алексеиче, грѣшныи старецъ Евфиміи, жѣлае вам мира здравія и дшевнаго спасенія, и охртѣ Исѣ радоватися (510: 128)*. *Гдѣ Исѣ хрѣте снѣ бжѣи помилуй нас. О хртѣ смиренному оцу и брату Евфимію, многогрѣшныи Иванъ зовамыи Матфей, и лице земно предстапами вашими себя полагаюся, и всо грѣшеніих моих ваших молитвъ всеусердно прошу, равно же и благодарность мою заваше прѣятство приношу (510: 130)*; пожелание: *Гдѣ Исѣ снѣ Бжѣя помилуй нас Честнѣишему оцу и брату Ивану алексеиче збратіе радоватися*; прощание: *и за сим писавы грѣшныи предбгомъ, и послѣдніи вчеловѣцѣхъ старецъ, воумиленіи ислезахъ стопам ногу твое кланется (510: 129 об.)*

Коммуникативный ход сообщение о непонимании, цель которого отрицать пресуппозиции, Евфимий реализует через номинацию оговорка, выражая тем самым оценку пресуппозиции: *Сицѣ невѣмазъ како и откуда, праизыденанасъ бѣдствуещи таковое вышемъ рное сълно дерзостно енепщеваніе. понеже нѣцѣи о глаголуеще, таковыи нанасъ произносетъ глас. Якобы мы послѣдныиши расколу, и развращенію црковному винъ подлежаще, и оческому преданію несогласныи сотворявшеся. того ради нас сосуждаеще тако о глаголуют. [невнимаеще ниже смотряеще въ священна писанія. Ини малослышати хотяеще. Ежѣ занесо гласнае писанію разумнѣе, ИСО оцы зане единомыслие], кто таковым развратом и расколом црковным винъ подлежати будет. И таковым отступническим именем порицатися может (510: л.2)*

В убеждении Евфимий используется и путь интенсификации сильных сторон собеседника и слабых собственных сторон, т.е. речевая тактика строится на принижении сильных своих сторон: *нанасъ бѣдствуещи, мы грубо немыслии и послѣдніи старецъ Евфиміи, аще изълогрѣшенемъ предбгомъ, послѣдніи, и хуждѣиши всѣх, азъ недостойныи (510: 128)*, *грѣшныи предбгомъ, и послѣдніи вчеловѣцѣхъ старецъ (510: 129 об.)*; *И в том прошу вас послѣдніи, и хуждѣиши всѣх, милостивное и всемирное братолюбное о нас учинить споболѣніе (510, 30б.)*

В данном случае пресуппозиция отправителя и получателя речи совпадает в старообрядческой и китайской традиции. Старообрядцы продолжают традиционную для средневековой Руси тактику самоуничтожения, которая в современной России претерпела коренные изменения, а в китайской культуре, например, существует и сегодня. В китайском языке есть поговорка: «*Вьлетавищю птицу стреляют*», означающая, что те, кто демонстрируют свои способности слишком открыто, рискуют быть осужденными другими. Есть и другие высказывания, восхваляющие скромность человека: «*Рисовые колосья созревают и низко склоняются*». Подразумевается, что лучше быть скромным и вежливым, нежели высокомерным, даже если ты более зрелый, опытный и образованный человек.

Убеждение, как одна из частотных стратегий данного дискурса, заставляет ста-

рообрядцев-странников постоянно совершенствовать коммуникативные тактики в зависимости от конкретного адресата.

Таким образом, в старообрядчестве наблюдаются несовместимые, но, в то же время, сосуществующие когнитивные модели: изоляция от мира для сохранения «древлеправославного благочестия» и себя как истинно праведных христиан и развитие коммуникативных стратегий и тактик, детерминированное объективной реальностью. При этом сохранялась внутренняя идентификация, основанием которой были архетипические стереотипы нравственно-религиозных установок.

Процесс поляризации понятий «свой» — «чужой» в реальности оказался динамичным. Данная универсальная оппозиция входит в концептуальную картину мира старообрядцев наряду с альтернативными пространствами царства Бога и царства антихриста.

Оппозитивность в суждениях и оценках, ярко выраженная биполярность обусловлены восприятием мира как двойственности бытия с параллелизмом идеального и материального. Дуализм оценивается как норма и отражается на всех уровнях жизни. Взаимообусловленные оппозиции охватывают основные значимые концепты (вера, пространство, мир и т.д.), постулируя определенное видение мира. Ю.М.Лотман и Б.А.Успенский, как известно, усматривали ее историко-культурные истоки в отсутствии в православии понятия чистилища, т.е. в отсутствии промежуточной зоны между грехом и святостью [3].

Следует отметить и то, что радикальные староверческие согласия, такие как странническое, вели активную пропагандистскую деятельность. Поэтому они должны были уметь говорить на языке своих оппонентов.

Странники, или бегуны, выделяются из староверия во второй половине XVIII в. и становятся одним из влиятельных направлений старообрядчества. Они отличались наибольшим радикализмом в отношении к государству и официальной церкви, особой строгостью устава. Специфика страннического вероучения определялась проповедью необходимости и правомерности для истинных христиан побега из царства антихриста, наступление которого в России они связывали с реформами Петра 1, ср. в тексте XIX в.: *ни единой власти ниповинуемся и непокаряемся какъ никона еретика, и алексея отступника, а наипаче всехъ перваго Петра императора изаличнаго папу антихриста, за самого сатану осмотысящнаго, и его намъ стника... и все ево законо уложение антихристово богоотступно отъ брѣаем и попираем и проклинаем* [5, с. 3].

По теории расчлененного антихриста, принятой странниками, со смертью Петра 1 зло не исчезает из России, оно передается от монарха к его последующему приемнику «до скончания века» [5, с.34]. Спасти свою душу во время царствования антихриста, по мнению идеолога данного конфессионального сообщества Евфимия, можно либо смелым исповеданием веры перед его силами, обличением его словом и делом, либо бегством из мира [6, с.19]. Путь бегства расценивался как универсальный и единственно верный образец поведения в «последние времена». Уход из мира антихриста не просто вызов, а активное социальное действие, т.е. бегуны пропагандировали деятельное странничество: *небесловесно мы скитаемся, и странническое претъ брѣваемъ житие. Скитаемся убо, и бгородное житие живемъ трехъ ради сице вывнѣ* [7, с. 130].

Путь борьбы с антихристом реализовывался в проповедях и сочинениях, которые имели большое влияние в среде не только единоверцев, но и приверженцев официальной церкви, так, активизация бегунов «являлась существенным элементом общественно-политического кризиса в Сибири 1850 – 1860 гг. Призывы странников о необходимости активной борьбы с царизмом, о неподчинении законам находили поддержку среди эксплуатируемого населения кабинетных земель Томской губернии» [8, с. 68]. Царское правительство было всерьез обеспокоено подобной пропагандой «религиозных бунтовщиков». Специально для противодействия ей в Томске был создан в 1857 г. секретный комитет по делам о пропаганде раскола.

Таким образом, для достижения своих прагматических задач, странники выбирают речевые стратегии с целью не только воздействовать на реципиентов, но даже трансформировать стереотип представления адресата в желательном для говорящего направлении [9, с.70].

При этом, согласие странников отличалось достаточно сложной внутренней структурой, в которую входили: 1) «истинно православные христиане странствующие», т. е. те, которые приняли крещение в странствование; 2) «оглашенные», т. е. те, которые готовятся принять крещение и постриг; 3) «странноприимцы», те, которые живут пока «в миру антихриста» и обязаны помогать истинным христианам в исповедании веры, но дали обет со временем «уйти в странство». Подобная разветвленность заставляла активизировать межличностные коммуникативные тактики. Мирские странники, включенные в социальную структуру «инаковерующего» общества, вынуждены были адаптироваться в данной среде.

Ценностные императивы, максимально значимые связи для языковой картины мира позволяли старообрядцам реинтерпретировать новые ситуации, а универсальный медиатор традиционного опыта позволял увеличивать коммуникативную активность и эвокационные способности.

Непрерывная духовная практика и ценностная ориентация данного дискурса способствовали акцептации мира и себя в условиях полной или частичной изоляции в России и иносреде. Несмотря на эсхатологическую насыщенность вероучения, старообрядчество доказало свою жизнеспособность.

До сих пор старообрядцами сохраняется такой принцип уклада жизни, когда вероисповедание и быт составляют одно целое, являясь частями единой системы. Духовная практика никогда не подвергалась упрощению, т. к. жизненные модулы не знали секуляризации.

Образцом действия, по которому сверяются индивидуальные поступки в данном дискурсе, была и остается авторитарная топика. С одной стороны, это дает уверенность в жизни, ценностях, особенно во времена исторических потрясений, не допускает до фрустрации, давая понимание себя и окружающего мира; с другой стороны, возлагает ответственность за действия конкретного человека не него самого. Не случайно в языке данной конфессиональной группы нет специфических слов, связанных с идеей вероятности, квазиответственности, таких как *образуется, обойдется, авось, на всякий случай, а вдруг* и т.д.

Владение традиционным языком православия в устном и письменном узусах – церковнославянским, восприятие его как сакрального языка, позволяет старообрядцам пользоваться когнитивной базой христианской культуры, не упрощать духовную практику, а также вербализовывать религиозный опыт.

Кроме того, в данном дискурсе кроме церковнославянского языка используется русский язык. Соотношение церковнославянского и русского языков также составляет уникальный кумулятивный и коммуникативный опыт, позволяющий оценивать и реализовывать полярные коннотации.

При этом язык не остается без изменений. Хотя для средневекового сознания приверженность внешнему ощущалось как соответствие внутреннему содержанию, время показало, что внешняя форма может изменяться без нарушения доминантного когнитивного признака, заложенного во внутренней форме и исполняющего роль стабилизатора когнитивной структуры, без нарушения внутренней сущности православия и заповедей предков. История старообрядчества эксплицирует дальнейшее развитие древнерусских традиций в условиях новой культурной ситуации, когда духовная концептуализация, являясь опорой этнического самосознания, сформировала уникальный субэтнос.

Данный дискурс, отражающий полярные установки, прежде всего такие, как, с одной стороны, декларативное полное отрицание адаптации, пуризм, а в реальности – уникальный опыт межкультурной коммуникации, представляет возможным

исследовать коммуникативные стратегии и тактики в различных аспектах: синхроническом (в том числе, на уровне межличностного дискурса, изучение речевого целого), в диахроническом (старообрядчество вчера и сегодня), в прагмалингвистическом (описание дискурса как особым образом организованной открытой системы), в структурном (как часть межкультурной коммуникации, дискурсивной практики русских). Все это позволит получить более адекватное представление о реальном состоянии вербальной коммуникации в этносе, определить общий вектор эволюции смыслов – их расширение и переосмысление как механизм приспособления к новым эпохам, новым отношениям.

Выводы

Социально-исторический опыт старообрядчества с национальным приоритетом ценностей духовного порядка необходим для дальнейшего изучения речеповеденческих стратегий и тактик с целью оптимизации межличностной и международной коммуникации.

Старообрядчество с неоспоримостью свидетельствует, что при значительной интенсификации межкультурной коммуникации возможно сохранение национальной самобытности при условии осознания этнокультурной самоценности и непрерывной духовной практики.

Список литературы

1. Нагорная С. Ю. Странники: пространство в старообрядческих текстах / С. Ю. Нагорная // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – № 1. – 2007. – С. 99 – 104.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Омск: Изд-во ОмГУ, 1999. – 284 с.
3. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М.: Индрик, 2005. – 1040 с.
4. Лотман М. Ю., Успенский Б. А.. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды. – Т.1./ М. Ю. Лотман., Б. А. Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – 432 с.
5. Отвѣтъ христiанской; властѣм; богопротивным по вопросу, РГБ, собр. Е. В. Барсова, ф.17, № 523 (Примеры в работе приводятся без сохранения авторской орфографии). – 210 л.
6. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII веке / Н. Н. Покровский. – Новосибирск: Наука, 1974. – 294 с.
7. Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII – первой половине XIX в. / А. И. Мальцев. – Новосибирск: «Сибирский хронограф», 1996. – 268 с.
8. Тестамент наказательный возлюбленному сну моему (Собрание рукописных книг при старообрядческой церкви г. Новосибирска).
9. Должиков В. А. Сибирь и «русский вопрос» / В. А. Должиков. // Русская идея. – Барнаул: АГУ, 1992. – С. 63 – 78.

COMMUNICATIVE MODUS AND NATIONAL IDENTITY IN BIPOLAR WORLD (BY TEXT MATERIALS WANDERER OLD BELIEVERS)

S. Y. Nagornaya

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nagornaya@bsu.edu.ru*

The article discusses the current situation in the world of globalization and the intensification of cross-cultural communication features of communicative behavior of representatives pronounced non-assimilatory cultural behavior – old believers strangers in terms of awareness and preservation of ethnic and cultural self-worth.

Keywords: old believers, self-awareness, communication strategy and tactics.

УДК 811.161.1

КОРРЕКТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ МОДАЛЬНО-ПЕРСУАЗИВНЫХ ЧАСТИЦ

И. А. Нагорный

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

В статье анализируется корректирующая функция модально-персуазивных частиц как репрезентаторов точки зрения говорящего в аспекте достоверности сообщаемого. Модально-персуазивные частицы рассматриваются в качестве средств, корректирующих позицию высказывания на модальной шкале степеней достоверности между полюсами утверждения и отрицания.

Ключевые слова: модально-персуазивные частицы, модальная шкала степеней достоверности, функция, утверждение, отрицание, предположение, сомнение.

Введение

Русские персуазивные частицы включаются в группу модальных, служат для выражения авторского отношения к достоверности сообщаемого. Их яркая функциональная семантика, базирующаяся на факторе антропоцентризма, широкая гамма эксплицируемых в высказывании модусных смыслов обусловили закономерный интерес к данным частицам как вероятностным квалификаторам сообщаемого.

К модально-персуазивным частицам (далее – МПЧ) относятся **собственно-предположительные** (как бы, чай, авось, небось, никак, поди, что ли); **сомнительно-предположительные** (едва ли, вряд ли); **сравнительно-предположительные** (будто, как будто, точно, словно, словно бы, вроде, ровно); **избыточно-предположительные** (едва ли не, вряд ли не, чуть ли не); **вопросительно-предположительными** (разве, неужели, неужто); **эвиденциально-предположительные** (мол, дескать, якобы, де).

Данные частицы способны фиксировать высказывание на так называемой модальной шкале степеней достоверности на отрезке между смысловыми полюсами утверждения и отрицания.

Основная часть

В лингвистике имели место попытки построения шкалы достоверности. Одна из первых принадлежит датскому лингвисту О.Есперсену. В своем труде «Философия грамматики» он подчеркивает то промежуточное положение, которое занимает «сомнительная ступень» **В**, расположенная между «положительной» и «отрицательной» ступенями (**А** и **С** соответственно) [1, с. 373 – 374]. Правда, О.Есперсен, используя логический подход, не исследует более частные вариации обозначенной им ступени **В**, но сам факт, что эта ступень была выделена как самостоятельная, было указано на то, что она «допускает большое количество частных подразделений» [Там же, с. 375], представляется весьма значительным. Позже также предпринимались попытки построения шкалы достоверности. Например, авторы «Теории функциональной грамматики» предложили шкалу, включающую три степени вероятности в зависимости от типов ситуаций: вероятность осуществления ситуации оценивается как высокая, средняя или невысокая. Крайними точками этого семантического континуума являются значения «вероятность равна нулю» и «вероятность равна единице» [2, с. 163 – 165].

Определимся в понимании модальной шкалы степеней достоверности (МШСД). Данная шкала – условное градуальное построение векторного типа, отправной точкой которого выступает значение нейтральной достоверности, выражающее констатацию говорящим факта действительности. Грамматически оно представлено

утвердительными и отрицательными конструкциями, зафиксированными на полюсах утверждения и отрицания.

Промежуточное положение на указанной шкале отводится модальным значениям, которые базируются на смысловой трансформации нейтрально-констатационного способа представления информации (Ср.: *Ребенок действительно (безусловно, конечно, может быть) ходит в школу; Ребенок небось (чай, якобы, авось, вряд ли, едва ли* т. д.) *ходит в школу*). Сюда относятся условно зафиксированные модальные значения категорической и проблематической достоверности, которые представляют собой пограничные пункты МШСД, отделяющие указанные значения от модального значения нейтральной достоверности (констатации). Модальные значения категорической и проблематической достоверности представляют собой градуированные сущности с линейной протяженностью смысловых компонентов: 1) от полюса достоверности (констатация факта: грамматическая представленность – утвердительное предложение) до зоны «предположение» (смысловое пространство категорической достоверности); 2) от зоны «предположение» до полюса достоверности (констатация факта: грамматическая представленность – отрицательное предложение) (смысловое пространство проблематической достоверности (вероятности)).

Заметим, что МШСД – образование не формального, а семантического уровня. На шкале дифференцированно фиксируются не формальные средства выражения модально-персуазивной квалификации (аспект модальной парадигмы предложения), а смыслы, эксплицируемые этими средствами в высказывании в рамках модального значения проблематической достоверности. Тем не менее данные смыслы вербализуются (в том числе и при помощи МПЧ), поэтому не вести речь о средствах выражения модального значения, составляющего костяк одного из отрезков МШСД, мы не можем.

Лексико-грамматические средства выражения модальных значений фиксируют высказывание на МШСД в порядке уменьшения степени сомнения и, следовательно, постепенного увеличения доли уверенности говорящего в соответствии высказываемого действительности, реальному положению дел (Ср.: *Он поедет отдохнуть – Естественнее всего (конечно же), он поедет отдохнуть – Вполне возможно (весьма вероятно), он поедет отдохнуть – Чай (поди, небось* др.) *он поедет отдохнуть – Вряд ли (едва ли) он поедет отдохнуть – Он не поедет отдохнуть*). Высказывания с МПЧ, выражающие модальное значение проблематической достоверности, занимают на указанной шкале отрезок между смысловыми полюсами утверждения и отрицания, ограниченный с одной стороны оттенком глубокого сомнения в сказанном, семантически приближенным к отрицанию факта действительности (*Я едва ли хотел его смерти* (Ю.Семенов); *-Ты скоро подружишься с ним. -Нет, вряд ли* (А.Чехов)), а с другой – зоной модального значения категорической достоверности (акцентированной уверенности говорящего в сообщаемом), грамматическим средством выражения которого являются модальные слова и частицы с соответствующей семантикой (*Несомненно, с этим приходилось считаться* (В. Шшиков); *Действительно, это так* (А. Толстой); *Даже более того – семь десятин, – в запальчивости говорил Федор* (Ф.Панферов)). Иначе говоря, рассматриваемые нами высказывания фиксируются на МШСД в ряду высказываний со средствами выражения модальности с предположительным значением.

Лексико-грамматические значения МПЧ различных групп обуславливают лишь самые общие критерии фиксации высказывания на МШСД. Известно, например, что МПЧ сомнительно-предположительной группы предназначаются для выражения, скажем, того или иного оттенка сомнения (*-Интересно: мне кажется, я помню все это. – Иван кивнул в сторону огородов. -Что? – не понял Ефим. -Деревню. -Ну-у, навряд ли!* (В. Шукшин); *Имя Анатолия Шайкевича вряд ли скажет что-то современному читателю* (журн.текст)), в то время как МПЧ собственно-предположительной или вопросительно-предположительной групп более сориентированы на экспликацию оттенков предположения (Ср.: *-Куда я, в самом деле, бегу? –*

подумал он. – **Как будто** уже все пропало (Н. Гоголь); **-Ты верующий, что ли?** (В. Шукшин)). Конкретный же оттенок модального значения проблематической достоверности без учета всех (в том числе и прагматических) факторов вряд ли может быть выведен только на основе классификации формальных средств, фиксирующих высказывание на одном из отрезков МШСД. Поэтому указанная фиксация в достаточной степени условна. Она предполагает не установление конкретного смыслового оттенка, актуализируемого той или иной частицей в конкретном высказывании, реализованном в конкретной речевой ситуации, а прежде всего обоснование общих критериев: во-первых, – развития отношений между МПЧ и другими средствами выражения модального значения проблематической, категорической и нейтральной (констатационной) достоверности; во-вторых, – фиксации места, отводимого высказываниям с МПЧ на указанной модальной шкале; в-третьих, – фиксации основных квалификативных смыслов, реализуемых МПЧ различных групп в пределах МШСД, и в этом аспекте соотносимых с другими смыслами, возникающими, например, в рамках категорий утверждения/отрицания и уверенности/неуверенности.

Основанием для фиксации высказывания на отрезке МШСД, отведенном модальному значению проблематической достоверности, служит степень достаточности знания говорящим условий, которые позволяют квалифицировать описываемое событие по критерию соответствия его истинности/ложности. Для высказываний с МПЧ в этом аспекте характерно четкое соответствие объективному (неполное знание условий) и **субъективному** (недостаточное владение информацией о событии) критериям знания. Другим серьезным основанием для фиксации может служить степень авторской уверенности/неуверенности в сообщаемом, которая соотносится с данными критериями знания.

Если критерий знания является объективным основанием модального значения проблематической достоверности, то уверенность/неуверенность – субъективное, личностное основание данного модального значения. Первое основание – это база для реализации второго (субъективного) основания модальной квалификации события.

Определяя свое отношение к действительности, говорящий в большинстве случаев основывается на знании определенного факта. В то же время он может и не обладать в полной мере таким знанием. В этом случае авторское отношение устанавливается уже из косвенных источников: контекстно-языковой ситуации, степени знания обстоятельств, сопровождающих высказываемую мысль. Информация, полученная таким образом, не всегда достоверна, поэтому говорящий акцентирует свою недостаточную осведомленность в каком-то конкретном случае вводом дополнительных интонационных или грамматических показателей с соответствующей семантикой, например: **-Сегодня, – с сомнением произнес Вадим. – Хотя, может быть, и получится** (журн.текст); **Вероятно, мне следовало бы к ней подойти, но я не знал, как это лучше сделать** (Г.Марков); **Неужели, Вень, ты больше не помнишь ничего? Неужели ты сразу погрузился в тот сон, с которого начались все твои бедствия?..** (В.Ерофеев); **Вряд ли кто видел, чтобы из летчиков получались путные водители, – стоит на своем Саня-сан** (О.Гончар). Так создается в предложении модальный фон вероятности. А в связи с тем, что персуазивность предполагает квалификацию излагаемой информации именно с этой стороны, закономерно возникает вопрос об уверенности/неуверенности как смысловом компоненте модально-персуазивной квалификации и, соответственно, как факторе, влияющем на положение высказывания на МШСД.

Уверенность является определяющей модального значения нейтральной и категорической достоверности, а неуверенность – модального значения проблематической достоверности (вероятности).

Необходимо отличать, с одной стороны, авторскую уверенность от самой достоверности факта действительности, а с другой, – неуверенность от недостоверности (вероятности) сказанного. В определенном речевом контексте и при соответствующем

интонационном оформлении большая доля авторской уверенности может присутствовать и в высказываниях с модальным значением вероятности. Подобное наблюдается, например, в высказываниях, где имеются дополнительные формальные показатели авторской уверенности (*Нет, **вряд ли** нам это поможет* (Б. Зотов); *Поэтому я **вряд ли** узнаю об этом* (Б.Сарнов); *Да **разве** не знает он, что мы уже сорок лет в службе и всего, слава богу, насмотрелись?* (А. Пушкин); *Утром наконец-то закончил главу... – **ц как будто** не напрасно* (К. Чуковский); *Она **поняла**, что **вряд ли** скажет ему сейчас то, что хотела сказать минуту назад* (К. Паустовский).

В плане содержания смысловые отношения уверенности/неуверенности присутствуют каждому предложению. Однако в плане выражения они проявляются не всегда, потому что обязательного наличия специальных языковых показателей требует только неуверенность говорящего в достоверности информации [3, с. 37]. Констатация факта действительности обычно никакими специальными языковыми знаками не сопровождается, за исключением особых случаев, где необходимо введение в состав высказывания акцентированного подтверждения достоверности информации, например: ***Действительно**, я пойду туда; **Несомненно**, мне это нравится.*

Следует отметить, что намеренное удаление из высказывания лексико-грамматического средства выражения акцентированной авторской уверенности в достоверности излагаемого гораздо менее ощутимо для трансформации смыслового поля. Высказывание при этом остается стабильно зафиксированным на полюсе достоверности (Ср.: ***Естественно (конечно, несомненно)**, я пойду в школу – Я пойду в школу*). В случае же удаления из структуры лексико-грамматического средства выражения проблематической достоверности смысловое поле высказывания претерпевает существенную трансформацию. Высказывание при этом примыкает к одному из смысловых полюсов, в то время как ранее было четко обозначено лишь его промежуточное положение (Ср.: *Я **вряд ли (вроде, авось, может быть, вероятно)** др.) пойду в школу – Я пойду в школу*). Данный процесс подтверждает предположение о том, что лексико-грамматические средства выражения проблематической достоверности несут в высказывании большую смысловую нагрузку, нежели средства подтверждения достоверности сообщаемого. Это обусловлено тем, что влияние первых – корректирующего характера, в то время как влияние, осуществляемое лексико-грамматическими средствами выражения категорической достоверности, – подтверждающе-уточняющее.

Понятия достоверности/вероятности и уверенности/неуверенности хотя и обладают взаимообусловленной семантикой, тем не менее не являются идентичными. С одной стороны, смысловые отношения уверенности/неуверенности, как и модальное значение достоверности/вероятности, имеют прямое отношение к квалификации события. В этом аспекте они, несомненно, сближаются друг с другом. С другой стороны, это не должно явиться поводом для их отождествления. Необходимо в этом плане выделить исходное и результат. В роли исходного выступают смысловые отношения уверенности/неуверенности, а уже на их основе – как результат соответствия высказывания той или иной степени авторской уверенности или неуверенности – возникает одно из модальных значений категорической или проблематической достоверности. Более того, как раз авторской уверенностью/неуверенностью определяется градация модальных оттенков как категорической, так и проблематической достоверности (Ср.: - *А все-таки интересно знать, как же вы с князем-то?.. **Неужто** так и объяснения у вас никакого не было за лебедей?* (Н. Лесков) (предположение с оттенками недоумения, удивления); -*Есть, есть девочка. Хворает, как же. Замучила лихоманка. Ты мать, **что ли**, ей?* (В. Слепцов) (слабо обоснованное предположение); *Смололи муки на муку, И хлеб **как будто** вышел... А я поверить не могу. Мы ни при чем. Все – свыше!* (Р. Казакова) (обоснованное предположение с оттенком кажимости); *Так второгодник начнет **едва ли** хватать пятерки...* (Р. Казакова) (обоснованное сомнение); *Но **разве** продается Полмира за пятак И что-нибудь дается На свете про-*

сто так? (И. Василькова) (предположение с оттенками неодобрения, осуждения или колебания); **Едва ли не сосед справа первым заговорил о предстоящих холодах** (газетн. текст) (избыточное предположение).

Уверенность/неуверенность, как и возникающая на ее основе квалификация, – чисто индивидуальный фактор в том смысле, что уверенность одного индивида не равна уверенности других индивидов. Таким образом, уверенность/неуверенность – это всегда право выбора субъектом способов вербализации своей позиции, одним из которых является модально-персуазивная квалификация события.

Уточним, что речь ведется только об аргументированной уверенности/неуверенности (даже если степень аргументации при этом минимальна). Такая уверенность/неуверенность базируется на прямых/косвенных объективных данных или субъективных ощущениях, которые не расходятся с возможным (вероятным) положением вещей. Основой уверенности/неуверенности, таким образом, должен быть признан критерий знания, точнее – степень знания, которая служит показателем степени осведомленности говорящего в сообщаемом. Явная либо скрытая мотивировка причин вводимой субъектом квалификации оказывается важной для того, чтобы высказывание могло занять отводимое ему место на МШСД.

Неаргументированная, т.е. ничем не обоснованная уверенность/неуверенность, не имеющая оснований для своего проявления, в расчет приниматься не должна, потому что она фактически непредсказуема, может проявиться когда угодно (так как не зависит от условий знания) и относительно чего угодно (так как не имеет четко сориентированного на пространственно-темпоральной оси объекта своего приложения).

Большинство речевых высказываний построено на авторской уверенности. Сюда относятся все фактические высказывания, которые имеют место в повседневной речевой деятельности всякого индивида. Предложения типа *Вон едет машина; Включи свет; Я пошел на работу* заключают нейтральную, констатационную уверенность в сказанном. Более того, они достоверны фактически, и их достоверность определяется восприятием индивидом информации при помощи органов чувств или эмпирически. Уверенность автора всегда вытекает из определенной коммуникативной ситуации, проявляется с опорой на какие-то знания, восприятие, факты действительности и т.п.: *Он придет* (я знаю, уверен, имею сведения, что он не может не прийти); *Дождь идет* (Вижу, знаю, уверен, что дождь идет).

Неуверенность в достоверности информации опирается на нечеткость самой информации, ее отсутствие, невозможность прогнозирования развития ситуации, невозможность прямого восприятия объекта квалификации. Неуверенность, как и уверенность, качественно присуща в целом человеку. Она проявляется в определенных речевых ситуациях, которые заставляют говорящего использовать именно такой способ оформления мысли. Неуверенность имеет место тогда, когда квалифицируемая информация не относится говорящим к разряду фактической. Это может быть обусловлено разными причинами информативного, психологического, прагматического характера. Важно подчеркнуть то, что неуверенность проявляется как фактор выбора между «да» и «нет». Фактор же выбора ведет к зависимости конечного результата (квалификация высказывания) не только от объективных, но и от субъективных критериев.

Степень уверенности/неуверенности говорящего в сообщаемом имеет градуальный характер. Дифференциация степеней уверенности в высказываниях с МПЧ соотнесена с оттенками категорической и проблематической достоверности, фиксируемыми на МШСД. Диапазон изменения степеней уверенности/неуверенности широк: от полной уверенности в сказанном до уверенности в обратном: *-Расскажите... расскажите... кто там эту кражу совершил? Сапоги там какие-то, что ли?* (А. Куприн)(предположение); *Предположение это как будто подтвердилось* (А. Казанцев) (предположение со слабой степенью обоснованности); *-Вы опять так утверждаете, что как будто и я там была? ...Разве не видно, что была?*

(Н. Лесков)(обоснованное предположение); *-Она, видно, работа-то, не мед, — говорили соседи. -Небось была бы мед, кабы хозяин попался путный!* (И. Бунин)(обоснованное предположение); *-А ты был свехоптимистом и вряд ли задумывался над тем, что смертен, как и все* (В. Головачев)(обоснованное сомнение); *Так начинается стремительный творческий расцвет Куприна, создавшего на стыке двух веков едва ли не все самые значительные свои произведения* (О. Михайлов) (избыточность).

Если степень уверенности есть величина переменная, то универсального средства для ее выражения быть не может. Таких средств в арсенале говорящего множество, и ему остается выбрать из них только то, которое наиболее точно подошло бы для выражаемой им мысли. В этом аспекте необходимо признать, что лексико-грамматические средства не всегда способны выразить все нюансы авторского отношения к высказываемому со стороны уверенности/неуверенности в сообщаемом. Поэтому мы редко не наблюдаем в предложении взаимодействия МПЧ со средствами других уровней языка, в первую очередь – интонационного.

Еще один важный аспект, находящийся в тесной связи с проблемой фиксации высказываний с МПЧ на МШСД, составляет проблема соотношения модального значения проблематической достоверности с категорией утверждения/отрицания.

Вопрос о соотношении категорий утверждения/отрицания и модальности до сих пор в лингвистике не решен однозначно. Исследователями формулируются две противоположные точки зрения на данную проблему. Высказывается достаточно веских аргументов как в пользу того, чтобы категорию утверждения/отрицания считать модальной [4; 5; 6; 7], так и в пользу того, чтобы не считать ее таковой [8; 9; 10]. Следует внимательно отнестись к достаточно веской аргументации сторонников обеих концепций. В то же время необходимо отметить, что категория утверждения/отрицания не выступает определяющей объективно-модального значения предложения, так как само это противопоставление «накладывается» в предложении на модальное значение реальности/ирреальности [9, с. 146].

То, что категорию утверждения/отрицания рассматривают как субъективную, конечно, сближает ее с модальностью. Приписывать же ей основное, инвариантное модальное значение не следует, хотя нужно заметить, что противопоставление предложений по признаку утвердительности/отрицательности составляет оппозицию, которая обнаруживается во всех типах предложений. Однако это не служит поводом для признания того, что другие виды модальных характеристик организуются вокруг утверждения/отрицания. Последнее – оппозиция не модального, а абстрактно-смыслового плана. Ее следует рассматривать на логико-грамматическом уровне, ибо утверждение/отрицание прямо связано с суждением. Для выражения модальности, в принципе, нет различия в структурах *Мальчик умеет плавать – Мальчик не умеет плавать*. Здесь реальное модальное значение одинаково выражено формами изъявительного наклонения. Напротив, в логике мыслительный акт раскрывается именно посредством утверждения и отрицания.

Ни утверждение, ни отрицание говорящим реальности/ирреальности факта не выражают модальной квалификации содержания предложения. И утверждение, и отрицание в равной степени констатируют факт действительности. Отнесение утвердительно/отрицательных смысловых отношений к объективно-модальному значению предложения является неправомерным. Как правило, модальность в этом случае понимается как категория широкая, и даже как целый комплекс категорий. Но если в логике категория утверждения/отрицания проявляется четко и однозначно в суждениях (истина есть то, что не ложь), то в лингвистике дело может обстоять иначе. Некоторым типам предложений категория отрицания вообще не свойственна (например, односоставные номинативные). Другие, напротив, могут иметь только отрицательную форму (безлично-отрицательные, некоторые безлично-инфинитивные). Третьи по форме утвердительны, а по содержанию приближаются к отрицательным

(Ср.: *Рассказиками этими **едва ли** можно было прошибить здорового* (А. Солженицын); *Среди великих людей мира сего **едва ли** найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью* (М. Горький)).

Между предложениями утвердительного и отрицательного типа различий с точки зрения реальности их содержаний нет. В модальном плане они равноценны. Различия здесь – исключительно в содержании концептов смысловой структуры суждения: утверждение выражает наличие связей между явлениями действительности, а отрицание – отсутствие таких связей.

МПЧ могут корректировать местоположение предложения на смысловой оси «утверждение/отрицание». Однако являясь средствами выражения субъективной модальности, данные частицы не могут изменять объективно-модальное значение предложения – переводить его из плана реальности в план ирреальности и наоборот. Двухкомпонентная схема модальной классификации предложений по признаку «реальность/ирреальность» с ведением в состав конструкции лексико-грамматического модального квалификатора остается стабильной: *Степан **небось** опомниться до сих пор не может* (Ф. Панферов); *Сижу – **вроде** думаю, а вот так спроси – не знаю, о чем* (В. Шукшин); *-Так вас ждать или нет? -Не знаю, хотя **вряд ли*** (Ю.Семенов). С точки зрения объективной модальности вышеприведенные предложения равноценны: в них выражено значение реальности. В противоположность им, скажем, предложения наподобие *Ты, **чай**, придешь к Лизаньке?* (А. Островский); *Я **едва ли** стал бы это делать* (В. Шишков); *О мощный властелин судьбы! **Не так ли** ты над самой бездной На высоте, уздой железной Россию поднял на дыбы?* (А. Пушкин); *-Разве тебе, – плачет, – ее не жаль? Видишь, как она ко мне жметя* (Н. Лесков) обладают ирреальной модальностью, их содержание соотносится с планами желаемого и возможного (Ср.: *Я **вряд ли** хотел – Я **вряд ли** хотел бы; Я **словно** знал – Я **словно** бы знал* и т.п.).

Утвердительная и отрицательная формы констатационных предложений типа *Дождь идет; Машина едет; Студенты учатся* (структурный признак такого предложения – значимое отсутствие субъективно-модального квалификатора) служат для выражения нейтральной (констатационной) достоверности, ибо в смысловом плане данное модальное значение содержит уверенность. Это либо уверенность в утверждении какого-то факта действительности, либо в его отрицании.

Таким образом, и утверждение, и отрицание соотносятся с уверенностью автора в достоверности сообщаемого. Принадлежностью категории модальности будет именно эта уверенность говорящего, – во-первых, и констатация утвердительного или отрицательного факта как достоверного или вероятного, – во-вторых. В этом состоит аспект соотношения утверждения/отрицания с персуазивностью, для которой характерной оказывается сниженная степень уверенности говорящего в сообщаемом. В последнем случае это констатация (утверждение), но констатация факта модальной квалификации события («я утверждаю, что я так считаю»): *Однако ж ведь они и сами хороши: Сидят и про себя, **чай**, думают: **авосьли** Над легковушкой их мы похочем, – после* (А. Грибоедов); *-Умная женщина, – сказал Джума Хак со странной интонацией, глядя ей вслед. – **Едва ли** мы ее убедим* (В. Головачев); *Между тем животные стояли на месте, помахивая хоботами, и **словно** совещались друг с другом* (В. Обручев). Уверенность же в значительной степени обусловлена степенью знания говорящего о квалифицируемом событии со стороны соответствия или несоответствия этого события действительному положению вещей. Это составляет другой аспект соприкосновения утверждения/отрицания и модального значения проблематической достоверности.

Приближение предложений с МПЧ к смысловым полюсам утверждения/отрицания во многом зависит от типа конструкции: при утвердительной форме – явная тенденция приближения к констатационному полюсу утверждения, при отрицательной – к полюсу отрицания. Ср.: *Струсивший солдат **как бы** дал вам понять,*

какая опасность вас ждет впереди... (В. Шукшин) – Он **как бы** не видел ее (К. Паустовский); – Ты **вроде** мне говорил об этом (В. Шишков) – А **вроде** и не знал, – задумчиво бормочет дед (В. Шишков); – Ты **небошь** слышал, какое у нее несчастье приключилось? (В. Катаев) – **Небошь** и не хочется совсем идти в такую даль? (газетн. текст); – Ты, молодка, **чай**, уже и расхотела со мной дело иметь? (В. Слепцов) – Он, **чай**, и не рад уже, что пришлось взяться за перевоспитание? (К. Булычев); – Да **поди** забежит еще на днях (газетн. текст) – А вы не слышали, наверное, что вышло? И соседи **поди** не слышали? (журн. текст).

Как известно, в качестве утвердительных в языке выступают такие предложения, в которых связь между явлениями действительности утверждается как реально существующая. Они не имеют специальных языковых средств, которые фиксируют утвердительность. Предложение является утвердительным тогда, когда в нем не зафиксированы формальные показатели отрицательности, т. е. утвердительность определяется по смыслу. Уже в этом определении косвенно указано на двойственную природу конструкций с *едва ли*, *вряд ли*. Во-первых, данные предложения в формальном аспекте действительно относятся к утвердительным. В пользу этого говорит основополагающий аргумент – отсутствие как частицы *не*, так и других средств отрицания. Однако если за основу брать не формальную, а смысловую характеристику предложения, то придется признать небезоговорочность причисления данных предложений к ряду утвердительных.

Признание постулата объективной действительности заставляет рассматривать в качестве объекта отрицания факт отсутствия его в действительности. Отрицание указывает, что соответствующее утвердительное предложение отвергается говорящим как ложное. Таким образом, отрицание – элемент значения предложения, указывающий на отсутствие связи между явлениями, о которых идет речь. Но и этот аргумент нельзя признать определяющим в смысловой характеристике конструкций с *едва ли*, *вряд ли*, так как в них нет достоверного указания на факт отсутствия связи между явлениями действительности. Отсутствие такой связи лишь предполагается, что может быть как подтверждено, так и опровергнуто в конечном счете: *Сегодня мы едва ли успеем доплыть до реки Макшеева* (В. Обручев); – **Вряд ли** что-нибудь скажут ей все эти терновчанские наши истории (О. Гончар); – *Слушай, а как думаешь: Льва Толстого он читал?* – Ну, **вряд ли**, – удивился учитель. – *Не думаю* (В. Шукшин).

Сказанное не позволяет отнести предложения с *едва ли*, *вряд ли* к таким, в которых однозначно выражается утверждение или отрицание как смысловое констатирующее значение. Введение *едва ли*, *вряд ли* в состав предложения не нарушает его структурной схемы, но актуализирует какой-либо оттенок, близкий в семантическом плане утверждению обратного: *Вот люди, есть ли им подобные? Наверяд...* Ну, между ними я, конечно, **зауряд** (А. Грибоедов); **Едва ли** наши астрономы службы пространства слушают в этом диапазоне (В. Головачев); *Колька знает, что Валюша едва ли выглянет, но нарочно зовет* (В. Шукшин). Включая в предложение модально-персуазивный квалификатор, говорящий ориентирует адресата на то, что он хотя и сомневается в совершении определенного события, но тем не менее и не утверждает, что последнее не может произойти вообще. Немаловажным оказывается здесь то, что говорящий выбирает все-таки утвердительную форму конструкции, которая предполагает наличие определенной доли допущения утверждения по поводу факта действительности. Последнее значительно ослаблено в силу введения в структуру предложения частиц *едва ли*, *вряд ли*: это утверждение авторского сомнения. То есть при положительной структурной организации предложение начинает обладать семантикой, приближающейся к отрицательной. Рассматриваемые конструкции – яркий пример того, что семантический и структурный аспекты не всегда прямым образом взаимообусловлены. Именно поэтому предложения с *едва ли*, *вряд ли* при их смещенности в семантическом плане к отрицательным в структурном отношении остаются тем не менее утвердительными предложениями.

Таким образом, схема «утверждение/отрицание» в логике значительно расширяется в лингвистике. Данная оппозиция должна быть даже в самом общем виде представлена не как двух, а как трехчленная. Однако и это лишь начальный вариант, так как количество переходных случаев гораздо больше, и по смысловым характеристикам они гораздо разнообразнее той промежуточной ступени, которая была предложена О. Есперсеном. Отношения между членами этой ступени усложняются тем, что последние находятся в оппозиции не только к смысловым категориям утверждения и отрицания как языковому воплощению модального значения нейтральной (констатационной) достоверности, но и внутри себя, выступая, таким образом, в роли самостоятельных компонентов смысловой (МШСД) и формальной парадигм. Например, модальное значение проблематической достоверности противопоставлено значению категорической достоверности (вероятности) как авторское предположение (сомнение) акцентированной авторской уверенности в сказанном; проблематическая и категорическая достоверность в свою очередь противопоставлены модальному значению нейтральной достоверности, а последнее тоже составляет оппозицию, представленную на абстрактно-смысловом уровне констатационно утвердительными и отрицательными конструкциями. В этой сложной иерархии предложения с МПЧ занимают место на МШСД между двумя смысловыми констатационными полюсами. Частицы участвуют в противопоставлении предложений по модальным свойствам, являются одним из лексико-грамматических средств выражения модально-персуазивной квалификации, приобретают важную роль как смысловые концепты, корректоры семантического поля предложения и фиксаторы его места на указанной шкале.

Выводы

Резюмируем сказанное. С одной стороны, утверждение/отрицание тесно сопрягается с персуазивностью, особенно на уровне средств выражения, и в этом аспекте трудно переоценить роль МПЧ как корректоров смыслового поля предложения. С другой стороны, сами виды модальных характеристик не организуются вокруг категории утверждения/отрицания даже в тех предложениях, где она четко выявлена на конструктивном уровне. Утвердительный и отрицательный типы предложения предстают лишь формальной базой для выражения модального значения нейтральной, констатационной достоверности, потому что в семантическом плане данное модальное значение содержит уверенность как смысловой компонент фактической констатации. Предложения же с МПЧ как при утвердительной, так и при отрицательной форме конструкции не соотносятся с модальным значением нейтрально-констатационной достоверности. Они отражают сниженную степень уверенности говорящего в сообщаемом и, как следствие этого, занимают промежуточное положение между смысловыми полюсами, фиксирующими значение нейтральной достоверности. В совокупности с другими лексико-грамматическими показателями персуазивности МПЧ служат для выражения смысловых комплексов, образующих самостоятельную сферу, фиксируемую на МШСД.

Список литературы

1. Есперсен О. Философия грамматики / О. Есперсен – М.: Изд. иностр. л-ры, 1958. – 404 с.
2. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Под ред. А. В. Бондарко. – Л.: Наука, 1990. – 262 с.
3. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис / Т. В. Шмелева – Красноярск: Изд. КГУ, 1988. – 54 с.
4. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / В. Г. Адмони – М.: Изд. лит-ры на иностр. яз, 1955. – 392 с.

5. Распопов И. П. К вопросу о модальности предложения / И. П. Распопов // Ученые записки Благовещенского педагогического института. – Т. 8. – Благовещенск: Изд. Благовещ. пед. ин-та, 1957. – С.177 – 197.
6. Панфилов В. З. Грамматика и логика (Грамматическое и логико-грамматическое членение простого предложения) / В. З. Панфилов – М.: АН СССР, 1963. – 79 с.
7. Реформатский А. А. Введение в языковедение / А. А. Реформатский. – М.: Просвещение, 1967. – 542 с.
8. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории / Т. П. Ломтев. – М.: Изд. МГУ, 1972. – 198 с.
9. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г.А.Золотова.– М.: Наука, 1973. – 351 с.
10. Бондаренко В. Н. Отрицание как логико-грамматическая категория / В. Н. Бондаренко – М.: Наука, 1983. – 212 с.

CORRECTION FUNCTION OF MODAL PARTICLES OF PERSUASIVENESS

I. A. Nagorny

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
nagorny@bsu.edu.ru*

The article analyzes the correction function of modal particles of persuasiveness as representator of point of view of the speaker in the aspect of uncertainty. Modal persuasiveness particles are considered to be a means of correcting the position statements on modal scale degrees of reliability between the poles of affirmation and negation.

Keywords: modal particle persuasiveness, modal scale degrees of reliability, function, approval, denial, assumption into question.

УДК 821.161.1

ЖАНРООБРАЗУЮЩИЕ ФАКТОРЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА И. И. ЛАЖЕЧНИКОВА

Л. В. Проскурнина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
proskurnina@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается специфика воспроизведения исторического прошлого в романах И. И. Лажечникова «Последний Новик», «Ледяной дом». Внимание сосредоточено на жанрообразующих факторах исторического романа писателя – «театрализации» и «драматизации», которые подчиняются более общей тенденции «романизации» исторического прошлого отечества.

Ключевые слова: жанр, исторический роман, романизация, героизация, драматизация.

Введение

Проблема жанрового своеобразия исторического романа И. И. Лажечникова остается актуальной, свидетельством чему становятся регулярно возобновляющиеся научные дискуссии и публикации.

Неоспоримым является факт эволюции в произведениях И. И. Лажечникова способов создания образа национального прошлого, воплощаемых, прежде всего, специфическими жанровыми формами.

Эволюция жанра романа в русской литературе соответствует общим тенденциям развития европейской литературы первой половины XIX в. в последовательном рождении и сосуществовании художественных стилей и направлений – от предромантизма к романтизму, критическому реализму и их переходным формам.

На фоне названных тенденций ключевым для эстетического понимания оказывается присутствие в литературном процессе именно жанра романа и возникшего под его влиянием феномена «романизации» всего литературного и «окололитературного» пространства, жанров, языка.

В соответствии с теорией жанра М. М. Бахтина, в присутствии романа все жанры начинают звучать по-иному, то есть освобождаются «от всего того условного, омертвевшего, ходульного и нежизненного, что тормозит их собственное развитие, от всего того, что превращает их рядом с романом в какие-то стилизации отживших форм» [1, с. 213].

«Романизация» жанров выражается в том, что они становятся свободнее и пластичнее, их язык обновляется за счет внелитературного разноречия и за счет «романных» пластов литературного языка, они «диалогизируются», в них широко проникают смех, ирония, юмор, элементы самопародирования, роман вносит в жанры проблемность, специфическую смысловую незавершенность и живой контакт с неготовой, становящейся современностью.

Каждый жанр конкретизирует, локализует общую концепцию человека и мира, свойственную тому роду литературы, к которому относится. При романизации локализованная концепция романа оказывает влияние на иные концепции, при этом имея возможность их также воспринимать и по-своему трансформировать. Однако следует подчеркнуть, что «романизация» может проявляться как в непосредственном влиянии жанра романа на литературные и эстетические феномены, так и в вовлечении романа в свою орбиту иных жанров и жанровых мотивов и образности литературного происхождения и из нехудожественных сфер.

Отмеченные тенденции подтверждают особую насыщенную жанровую жизнь, обусловленную присутствием романа и появлением на свет новых жанровых образований, синтетических форм для воплощения актуальной для того или иного времени идеологии.

Основная часть

Специфика исторических романов И.И. Лажечникова в исследованиях филологов традиционно объяснялась внутрижанровыми аналогиями, прежде всего, аналогиями с «готическим романом».

На наш взгляд, влияние готического романа на произведения И. И. Лажечникова могло быть не только непосредственным, но и опосредованным, через формы, усвоившие «эстетику ужасного», оссианические и радклиффианские традиции, – свидетельства русской предромантической прозы.

Начиная с «карамзинского периода», русская предромантическая повесть прошла путь от «поэтики авантюры» к «эстетике ужасного», от карамзинских «Натальи, боярской дочери» и «Острова Борнгольм» к каменевским «Софье» и «Инне», к циклу «рыцарских» повестей А. Бестужева-Марлинского и волшебной сказке в прозе В. Одоевского и А. Вельтмана, романы которого исследователи называли фольклорно-историческими.

Однако влиянием одного только жанра «готического» романа, на наш взгляд, невозможно объяснить, например, факты введения И.И. Лажечниковым в свои исторические романы «драматизированных сцен» и целого ряда эпизодов, выстроенных по драматическому образцу.

Очевидно, что на каждом этапе своей жанровой истории изменяются факторы, образующие роман. На наш взгляд, для исторических романов И.И. Лажечникова такими факторами необходимо считать «театрализацию» исторического прошлого и его «драматизацию», которые, впрочем, репрезентируют «романный» взгляд на прошлое, подтверждают мощный потенциал романизации, свидетельствуют о способности романа для своих целей привлекать и трансформировать едва ли не любой эстетический и внеэстетический материал.

По-видимому, романский арсенал художественных средств для воплощения исторической тематики пополняется не только из опыта готического романа, исторических повестей, героических поэм, национального эпоса, но также из родственных литературе эстетических областей: театра и драматургии, более того из сферы внехудожественной реальности.

В эпоху романтизма, к которой в целом принадлежит романное творчество И. И. Лажечникова, именно искусство оказывается областью моделей и программ для нехудожественной реальности. «Жизнь избирает себе искусство в качестве образца и спешит «подражать» ему» [2, с. 181]. Самосознание человека, как правило, проявляется сквозь призму живописи, поэзии или театра. Культура, безусловно, оказывает влияние и на то, как писатель видит и описывает свое время или историческое прошлое.

Особую роль в общеевропейском масштабе в культуре первой трети XIX в. сыграл театр. Исследователи данной эпохи пишут о ее тотальной театрализации, о том, что формы сценичности весьма активно подчиняют себе жизнь. Вторгаясь в жизнь, театр оказался способным мощно перестраивать бытовое поведение людей. По утверждению выдающегося культуролога Ю. М. Лотмана, в конце XVIII – начале XIX в. люди «строят свое личное поведение, бытовую речь, в конечном счете, свою жизненную судьбу по литературным и театральным образцам» [2, с. 183].

Историческое прошлое в романах И. И. Лажечникова также, на наш взгляд, подвергается подобной «театрализации». Романские события, персонажи – исторические или вымышленные – их поведение, речь, мышление (по аналогии с целостно театрализованной современностью писателя) изображаются сквозь призму театрального искусства.

Для подтверждения этого тезиса необходимо уточнить используемую нами терминологию и рассмотреть несколько важнейших аспектов заявленной проблемы.

Термин «театрализация» понимается нами как видение и интерпретация истории по аналогии с театральной сценой, на которой «разыгрываются мировые драмы».

Культура актуализирует идеологию в том числе и в сценическом виде; на язык театра переводится то, что оценивается в культуре как высокое, значимое, имеющее историческое значение, а за пределами театра оставалось все неважное, бытовое. По мысли Ю. М. Лотмана, самосознание эпохи соединило представление об исторически значимом именно с театром. Писатель совершал такой отбор материала, который поддавался «театрализации».

Термин «драматизация» сводится к формам воплощения «театрализации» и к конкретным художественным средствам: жанру, композиции, образу, языку. В процессе «романизации» произведения И. И. Лажечникова активно вовлекают жанровый потенциал мелодрамы в «Последнем Новике», романтической драмы – в «Ледяном доме» и романтической трагедии – в «Басурмане».

Выделим для рассмотрения следующие аспекты проблемы:

- 1) «драматизация» композиции романов;
- 2) взаимодействие романов с мелодраматической формой;
- 3) «карнавализация» зрелищных форм;
- 4) проникновение эстетического и «театрального» момента в изображение придворного этикета и войны;
- 5) типология игрового поведения персонажей в зависимости от социального статуса.

Не могут остаться незамеченными факты введения И.И. Лажечниковым в свои романы «драматизированных сцен», эпизодов, выстроенных по драматическому образцу. Это оформление художественной речи в виде реплик, высказываний по ролям, уменьшение в драматизированных частях повествования доли авторской речи, присутствие в тексте ремарок («задумавшись», «выступая вперед», «оглядываясь» и т.п.), предварение каждой реплики именем действующего лица или указание на говорящего (Карла, старый солдат, молодой солдат, солдат). Например, в романе «Последний Новик»:

«Старый солдат. Не все хорошей славе на сердце лежать, а дурной бежать; и добрая молва по добру и разносится. От всего святого русского воинства нашему князю похвала <...>».

Карла (*запрыгав и забив в ладоши*). То-то молодец, то-то удалец! Умрет, да не умрет! (*Скидает шляпу*)» <...>» [3, с. 161].

В целом композиция романа «Последний Новик» может рассматриваться как последовательное выстраивание «сцен», «явлений», «актов». Так, например, четыре части романа – это своего рода четыре акта драмы, объединенные единой сюжетной линией, со своим развитием действия, кульминацией, финалом.

Во II части романа писатель дважды прибегает к оформлению повествования в виде драматизированных сцен:

в главе II «Посланник» – разговор шута графа Шереметева с солдатами;

в главе III «Офицерская беседа» – беседа офицеров на развалинах замка.

в главе IX «Праздник» изображается собственно «театральное представление» с участием ряженных в образе Флоры – древнеиталийской богини цветов, весны и полевых плодов, Помоны – римской богини фруктовых и ореховых деревьев и Аполлона – греческого бога, покровителя наук и искусств (для героини романа Луизы).

Там же ставится «спектакль» сельской свадьбы: «За музыкантом и дружками <...> ехали разряженные жених и, позади его, боком, на той же лошади, невеста, ухватившись за кушак его правой рукой» [3, с. 277].

В III части даже в названии главы IV фиксируются драматические жанры: «Комедия и трагедия» и т.п.

Приведенные примеры свидетельствуют не только о внутрилитературном феномене «драматизации» композиции, но и об особенностях дворянского быта первой трети XIX в. – времени, когда создавались романы И. И. Лажечникова. Это распро-

страненность любительских спектаклей и домашних театров, а также мелодрамы, сыгравшей особую роль в истории романного жанра.

Жанр «мелодрамы» весьма молод, он возник в XVII в. в Италии для обозначения оперы. Во Франции XVIII в. мелодрама получила второе значение – как пьеса с ограниченным количеством действующих лиц, декламация которых сопровождалась музыкой, авантюрным сюжетом с внезапными острыми сценическими положениями и с приподнятым, эмфатическим стилем. В русской литературе жанр мелодрамы распространился в начале XIX в. в пьесах Н. В. Кукольника, Н. А. Полевого, Р. М. Зотова, П. Г. Ободовского.

Исследователи отмечают способность мелодрамы проникать в другие жанры, вести диалог с другими жанрами на уровне структуры, образности, идеологии: «Формы мелодрамы оказались необыкновенно «вместительны» и легко вступали во всевозможные жанровые сплавы» [4, с. 12].

Неизмеримо более вместительной является и романная форма, которая также легко вступает во взаимоотношения с другими жанрами как на уровне поэтики, так и на философско-эстетическом уровне. Общеизвестно, что исторический роман начала XIX в. подготовлен историческими повестями, предромантической прозой, прежде всего, «готическим» романом, и, по нашему убеждению, родственной ему по предромантическому генезису – «мелодрамой» (неслучайно источниками сюжетов для мелодрамы в период становления жанра были именно «романы ужасов» и «тайн»: Ф. Г. Дюкре-Дюминиф – во Франции, А. Радклиф – в Англии и др.). В историческом романе И. И. Лажечникова доведены до художественного апофеоза основные черты предромантической поэтики.

Во-первых, это «занимательная интрига», движимая «эмоциональными ситуациями»: потерями и обретениями детей, родителей, влюбленных и т.д. (в романе «Последний Новик» это потеря и обретение Владимиром своей родины, потеря и обретение Луизой своего возлюбленного; подлогами (в романе И. И. Лажечникова это путаница с братьями Траутфеттерами), обвинениями невиновных, роковыми клятвами; предательствами друзей, незаконнорожденными детьми и т.п.

Во-вторых, структура повествования основывается на чередовании контрастных ситуаций, вызывающих эмоциональную реакцию у читателя (зрителя); за счет принципа контраста (рельефа) осуществляется динамика повествования (действия); присутствие элементарных конфликтов, общепонятных читателю (зрителю) в силу своей «примитивности». Например, в начале одной из глав дано описание осады Мариенбурга («Четвертого августа подошли русские к Мариенбургу. В следующие дни прорывы апроши с трех сторон залива, в котором стоял остров с замком; на берегу зашевелилась земля; поднялись сопки, выше и выше; устроены батареи, и началась осада; двадцать дней продолжалась она» [3, с. 426]), которая сменяется описанием свадьбы Катерины Рабе и Вульфа («Невеста и жених стали на свои места. Пастор с благоговением совершил священный обряд. Слезы полились из глаз его, когда он давал чете брачное благословение» [3, с. 431 – 432]), а в конце главы изображается смерть Вульфа («Его могилою был порох – стихия, которою он жил. Память тебе славная, благородный швед, и от своих, и от чужих!» [3, с. 441]).

В-третьих, определяющая роль в сюжете (действии) принадлежит «мотиву тайны», и мрачному колориту, и эмоциональной атмосфере, и «мотиву страшного преступления».

«Тайной» окутана вся жизнь Новика, скрывающего свое имя и происхождение. «Мотив страшного преступления» связан с покушением Владимира на Петра I, вследствие чего он вынужден был бежать, покинуть родину и скитаться в чужой стране. Аффективное эмоциональное состояние Новика прослеживается в его монологах о родине: «При повторенном слове *отечество*, вся сила души его вылилась наружу, как будто в этом роковом слове заключалась единственная власть, могущая приводить его в движение. Он затрепетал; глаза его засверкали, как молния на мрачном небе; лицо

его, доселе помертвевшее, оживилось пробежавшим по нем румянцем; его стан распрямился; изгладились следы бедствий с лица его и заменились печатью возвышенных чувств» [3, с. 61]. Таким образом, появляются мотивы грусти, тоски, скитаний.

В-четвертых, прямое эмоциональное воздействие музыки, так как особая музыкальная партитура способствовала раскрытию драматического замысла, сопровождая роли типажей специфическими музыкальными темами. Примечательным компонентом драматизированных эпизодов («сцен») романа «Последний Новик» становится «мелос» – жанр песни. На протяжении всего произведения И. И. Лажечникова песня сопровождает жизнь персонажей, часто становясь кульминационной точкой в развитии сюжета глав и частей. Песни в романе часты и разнообразны: и одноголосое пение, и хоровое, песни народные и салонные романсы. Поют, запевают, распевают, напевают многие персонажи романа: ямщик («Ты дубрава моя, дубравушка, // Ты дубравушка моя зеленая»), солдаты («Из славного из города из Пскова // Подымался царев большой боярин»), крестьяне («У кого такая милочка, как у братца моего?»), крестьянка Ильза («Отворяй, барон, ворота: // Едем в гости к тебе») и другие.

Лейтмотивом романа становится песня о тяжелой судьбе, о тайне рождения русского Новика, которую поет князь Вадбольский: «Сладко пел душа-соловушка // В зеленом моем саду»).

В-пятых, расстановка персонажей осуществляется в соответствии с принципом контраста: «жертва» и ее «группа поддержки» (Владимир, Конрад и т. д.), «злодей» и его «группа содействия» (генерал-вахтмейстер Шлиппенбах); мелодраматические роли – традиционный набор амплуа – исполняют и персонажи романа, которые сохраняют упрощенность, схематизированность основных типажей.

Нельзя отрицать влияния мелодраматической формы на специфику разработку романских образов персонажей. «Мелодраматизм», безусловно, их упрощает и схематизирует, но при этом не лишает характеров, раскрывающихся, усложняющихся, обольщающихся на всем протяжении романа. Кроме того, по нашему мнению, мощно заявляет о себе романский принцип «умножения героя», в соответствии с которым появляются целые ряды персонажей: «положительные»: Новик – Петр I – Паткуль; ряд «злодеев»: раскольник Андрей Денисов – Шлиппенбах; ряд комических персонажей: шут – Мартын (Мартышка) и т.п. Функция принципа умножения – специфически жанровая романная типизация.

В-шестых, «мелодраматически» четкая, морально-дидактическая установка находит выражение в утверждении в романе жизненных норм путем эмоционально заостренного волнующего повествования (действия); дидактическая установка, подтверждаемая «счастливым финалом», то есть разоблачением и наказанием порока, торжеством и награждением добродетели, окончательная победа русского оружия над шведским; утверждение героического образа монарха, Петра I; коронация Екатерины Рабе; примирение Петра и Новика и пр.

Дидактизм сопрягается в романе с патриотической идеей, которая подчеркивается «мелодраматическими» средствами, в том числе специфическим языком мелодрамы – возвышенным, патетическим, эмоциональным, при этом особое значение придается монологам, помещенным в «ударных» местах текста (финальный монолог, монолог перед разлукой и др.). Особой эмоциональностью отличается монолог Владимира перед Екатериной, женой Петра I: «Государыня! Последний Новик мог ли забыть ту, которую знавал с десятилетнего ее возраста прекрасною и великою и которой высокое назначение тогда уже слышал из пророческих уст своего друга? Радостно следил я твое возвышение и теперь, видя тебя на другой день твоей коронации, в гостях у меня, столь же радостно приветствую твой приход словами вдохновенного слепца: «И се на главе твоей лежит корона!» <...> Ах! Зачем спрашиваете меня о том, что я хотел бы забыть навеки, что отравляет лучшие часы моей жизни? <...> Все тут, чего просил изгнанник, что он покупал ценою унижения и трудов необыкновенных! Мои со-

отечественники, православные, не откажут мне в могиле на общем кладбище, между ними» [3, с. 570].

В-седьмых, картина мира мелодрамы основана, как правило, на устойчивых, доступных пониманию большинства основ бытия. «Мелодрама – своего рода утопия, пытающаяся вернуть окружающий нас мир к состоянию первичной гармонии и изначальной простоты» [5, [http](#)].

Мелодраматизм исторического романа равносителен «ретроспективной утопии», что обуславливает героизацию прошлого.

Так, в «Последнем Новике» показана «бурная» эпоха, когда «народы враждуют, брань кипит <...> мечи на крест, музы через них умеют подавать друг другу руки» [3, с. 31].

В романе отражено петровское время, так как Петр I представляет вполне подходящую фигуру, во-первых, для «исторической идилизации» в «народном духе» и, во-вторых, для типично жанрового, романного, исследования связей личности и общества, личности и судьбоносных для Отчизны событий. Поэтому И. И. Лажечников и определял, соответственно, свою задачу: «Чувство, господствующее в моем романе, есть любовь к отчизне. В краю чужом оно отсвечивается сильнее... везде родное имя торжествует, нигде не унижено оно – без унижения, однако, неприятелей наших того времени...» [3, с. 13].

Таким образом, предромантическая «мелодраматизация» повествования в произведении И.И. Лажечникова оказывается одним из свидетельств такого всеобъемлющего явления, как «романизация» литературы первой половины XIX в., следовательно, можно полагать, что и образ исторического прошлого подвергается такой же мелодраматизации.

По наблюдению Ю. М. Лотмана, показательно «устойчивое стремление осмыслить законы жизни дворянского общества через призму наиболее условных форм театрального спектакля-маскарада, кукольной комедии и балагана, с чем постоянно встречаемся в литературе конца XVIII – начала XIX века» [2, с. 191].

Народно-праздничный, амбивалентный характер смеха в художественной литературе был отмечен М. М. Бахтиным, теоретиком и исследователем карнавала.

В ряде эпизодов романа «Ледяной дом» можно заметить следы карнавализации, элементы народной смеховой культуры, активно влияющие на формирование пространственно-временного мирообраза.

Под «карнавализацией» понимается «транспортировка карнавала на язык литературы» (М. М. Бахтин), перенесение форм народно-смеховой культуры на язык литературы. «Карнавал выработал, – пишет М. М. Бахтин, – целый язык символически-чувственных форм – от больших и сложных массовых действий до отдельных карнавальных жестов. Язык этот дифференцирован, можно сказать, членораздельно... выражал единое (но сложное) карнавальное мироощущение, проникающее все его формы» [6, с. 141]. Почвой, на которой произошла активизация фундаментальной традиции народно-смеховой культуры, было то состояние реальности, которое явилось следствием глубочайшего разлома жизни. В «Ледяном доме» такой разлом показан на примере действительности в эпоху «бироновщины». Хотя в романе И. И. Лажечникова карнавальная смех звучит не в полной мере, но его отголоски слышны и в подборе художественных образов, и на сюжетном уровне, и на примере отдельных слов и реплик персонажей.

Субститутом карнавала в романе становится стихия навязанного народу императрицей Анной Иоанновной праздника шутовской свадьбы шута Кульковского. В связи с этим событием Петербург охватывает стихия карнавала.

Развитие сюжета начинается мотивом карнавальности. В четверг святочной недели в доме кабинет-министра Волынского идут приготовления к масленичным игрищам, которые ему поручено устроить государыней: «Боже мой» Что за шум, что за веселье на дворе у кабинет-министра и обер-егермейстера Волынского-

го?» [7, с. 7]. Перед хозяином дома и его секретарем Зудой проходят вереницы пар представителей народов, живущих в России: «разнообразие одежд, лиц и наречий имело такую занимательность, что действительно могло оковать всякое прихотливое внимание» [7, с. 13]. В этом мы видим элемент карнавального шествия.

Одновременно с этим рядом с Адмиралтейством и Зимним дворцом выстраивается огромный ледяной дворец для празднования свадьбы шута императрицы: «Между адмиралтейством и Зимним дворцом, как бы по мановению волшебного жезла, встало в несколько дней дивное здание, какого ни одна страна, кроме России, не производила и какое мог только произвести суровый север наш с помощью жестокой зимы 1740 года. Все здание было из воды. <...> И когда солнце развернуло свои лучи на этом ледяном доме, он казался высеченным из одно куска сапфира, убранного фигурами из опала» [7, с. 156].

Пространство карнавала – площадь, улица. Свадьба проходит на площади перед Зимним дворцом. Особенность карнавала – всенародность, универсальность: «Праздник! Народный праздник! Какое магическое слово для толпы!». В описании свадебного шествия присутствуют элементы карнавальности: «В голове шествия – рота гвардейцев; треугольные шляпы солдат украшены еловыми и дубовыми ветвями, у офицеров лавры – так ходили они, возвратившись из славного турецкого похода» [7, с. 249]. Далее на огромном слоне едут новобрачные, которых радостно приветствует народ. За ними тянется «странный поезд»: пары из каждого народа России на животных: остяки на оленях, новгородцы на козлах, малороссияне на волах, чухонцы на ослах, татары на свиньях, финны на конях, камчадалы на собаках, калмыки на верблюдах и т.д. Каждая пара едет в своем национальном костюме.

Королем карнавала становится «дурак», в данном случае шут Кульковский. И ему воздают королевские почести: все господа кланяются и поздравляют со вступлением в законный брак. Шут и его жена «с самодовольством озирают все вокруг» [7, с. 250]. И лишь у народа это шествие вызывает смех, ведь сидят новобрачные, похожие на двух зверьков, на слоне в золотой клетке.

Стихия карнавала была естественной для придворной жизни при Анне Иоанновне. Яркое свидетельство этому – глава романа «Родина козы».

Как мы уже упоминали, под карнаваллизацией понимается перенесение форм народно-смеховой культуры на язык литературы. Одна из таких форм – профанация, т. е. система снижений официальных ценностей. В частности, в романе это пародия на обряд таинства рождения.

По приказу Анны Иоанновны устраивается карнавализованное представление – «родины козы»; вместо того чтобы заниматься государственными делами, присутствовать при невиданном и неслыханном шутовском представлении» должны все придворные. Шут-итальянец Педрилло говорит, что его жена, дочь придворной козы, родила вчера и всех приглашает на родины. Государыня хохочет от всего сердца. Карнавальный элемент площадности усматривается в том, что комната для празднества была превращена в сцену, на которую входят по ступенькам. Все было украшено «атрибутами из козых рогов, передних и задних ног, хвостов, связанных бантами и лентами» [7, с. 205 – 206]. На огромной постели лежали в чепце коза, а рядом спеленатая козочка. «От обоих концов кровати до авансцены расположены были в два ряда все придворные шуты» [7, с. 206], одетые в козы тулупы, с рожками на головах (отсылка к дионисиям – празднествам в Древней Греции в честь бога Диониса). Присутствовала даже повивальная бабка. Во всем этом усматривается кощунственное осквернение одной из христианских святынь – таинства рождения ребенка.

Все придворные и сама императрица активно принимают участие в этом балагане: спрашивают о здоровье роженицы, одаривают ее подарками. А те, кто отказываются от участия во всем этом (вельможи, сторонники Волынского) объявляются Биронном «опасными людьми» с «худыми намерениями».

Таким образом, в романе И. И. Лажечникова «Ледяной дом» элементы карнавализации не только присутствуют, но и, организуя образную систему произведения, выполняют композиционную функцию. Карнавализация стала формой «театрализации» исторического прошлого в романе И. И. Лажечникова.

Кроме того, сферами проникновения театрального фактора в нехудожественную жизнь была война.

Эстетизацию войны внесла в культуру наполеоновская эпоха. Очевидно, что зрелищная культура первой трети XIX в., зрелищность военных действий: битвы и парада – оказала непосредственное влияние на изображение войн прошлого у И. И. Лажечникова, в частности в романе «Последний Новик».

«Батальная» тематика сама по себе вносит в фабулу произведения специфическую напряженность. Например, описывая в «Последнем Новике» битву под Гумельсгофом, когда «калмыки, башкирцы и казаки первыми прискакали с ужасным криком на правый берег Эмбаха<...>» [3, с. 313], писатель противопоставляет описание поведения противника: «шведы, не в состоянии противиться силам неприятеля <...> образуют каре <...> отступают медленно, как бы на ученье» [3, с. 313 – 314]). Тем самым И. И. Лажечников образно передал различие военно-теоретических доктрин, ориентировавших армии либо на сражение, либо на парад, за которыми существовал еще один аспект, заставлявший воспринимать одну из этих доктрин как национально-русскую, а другую как «русскую».

Сражение и парад связывались в сознании современников писателя с театральными зрелищными формами: сражение – с романтической трагедией, а парад – с кордебалетом. Потому участники битвы с русской стороны инициативны, смотрят на себя как на людей, в руки которых отдана судьба Отечества, они по-боевому предприимчивы. Противник у русских весьма силен; но законы театральной зрелищности требуют характеризовать его действия с противоположной формы – парада («медленно, как на ученье»), а так как парад строго регламентировал поведение каждого человека, то жертвой такой регламентации стала боеспособность шведской армии.

Батальная тематика дополняется введением в сюжет еще и «шпионской интриги» – Новик как русский шпион в стане шведов: «Когда Вольдемар привел драгунские полки к месту битвы, он стал поблизости ее на холму, откуда можно ему было все видеть <...> Кровь его кипела; огонь зажигался в глазах <...>» [3, с. 210].

Заключение

Контексты с «театрализацией» и «драматизацией» повествования и образности в изображении прошлого в исторических романах И.И. Лажечникова убеждают в том, что эти авторские феномены повествования оборачиваются важнейшими жанрообразующими факторами.

Выдающийся писатель, представляя в своих произведениях жанровый образ прошлого России, подверг его «романизации», т. е. сблизил историю со своим настоящим, ибо сфера романа – даже исторического – это живой контакт с действительностью, актуализировал для своих современников ключевые моменты и фигуры прошлого.

И. И. Лажечников как никто из литераторов воплотил особенности видения истории сквозь призму мышления своего времени, сделав роман своего рода рупором в общественной полемике о своеобразии национальной идеи и пути России.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эпос и роман. – СПб.: Азбука, 2000. – 303 с.
2. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб.: Искусство, 1996. – 339 с.
3. Лажечников И. И. Последний Новик // Лажечников И. И. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Можайск – Терра, 1994. – Т. 3.

4. Шахматова Т. С. Традиции водевиля и мелодрамы в русской драматургии XX – начала XXI веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Казань, 2009. – 24 с.
5. Хайченко Е. Г. Великие романтические зрелища [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://19v-euro-lit.niv.ru/19v-euro-lit/hajchenko-romanticheskie-zrelischa/zolotoj-vek-anglijskoj-melodramy.htm>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.
6. Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. – М.: Сов. лит., 1979. – 320 с.
7. Лажечников И. И. Ледяной дом // Лажечников И. И. Собр. соч.: в 6 т. – М.: Можайск – Терра, 1994. – Т. 4.

GENRE FACTORS OF HISTORICAL NOVELS BY I. I. LAZHECHNIKOV

L. V. Proskurnina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
proskurnina@bsu.edu.ru*

The article discusses the specifics of the reproduction of the historical past in the novels of I.I. Lazhechnikov «Last Novik», «Ice house». It focuses on genre factors of historical novel writing – «theatricality» and «dramatization» that subject to the more general trend of «Romanization» of the historical past of the Fatherland.

Keywords: genre, the historical novel, romanization, glorification and dramatization.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

УДК 82.09(430):130.2

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОСТИ В РОМАНЕ Г. ГЕССЕ «ИГРА В БИСЕР»

И. В. Бардыкова
Н. В. Бардыкова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

e-mail:
Bardykova@bsu.edu.ru

В статье исследуется вопрос о многофункциональности рамочных и внерамочных компонентов «Игры в бисер», обязательность/факультативность которых определяется жанром философско-интеллектуального романа Гессе. Анализируются его моделирующие, архитектурные новации. Изучаются способы художественного воплощения проблемно-тематического комплекса романа через формально-содержательные структуры.

Ключевые слова: Гессе, культура, игра, духовность, архитектора, заголовочный комплекс.

Герман Гессе – один из создателей новой внутрижанровой модификации романа в мировой литературе XX ст., кульминационным образцом которого стала «Игра в бисер», тесно связанная с присущим немецкой культуре философствованием в литературном творчестве. Роман, вобравший в себя широчайший культурологический диапазон размышлений автора, – итог длительной трансформации взаимодействия традиционного и новаторского. Гессе философски осмыслил и художественно запечатлел духовный опыт западной культуры первой половины XX в., во многом предугадав ее эволюцию.

«Игра в бисер» с ее пафосом ответственности духа перед историей – сложнейший феномен искусства прошлого века, в котором вопросы «психогигиены» личности, самопознания и самореализации исследовались на глубинном уровне аналитической психологии, этики, личной совести, бессознательного. Проблемы культуры (как части мирового целого), культурной самоидентификации, творческой активности духа, имевшие корни в немецкой философии конца XVIII – начала XIX вв. (Кант, Гердер, Гумбольдт), неслучайно сквозные в наследии Гессе, для которого культура – и понятие, и образное представление в его художественно-эстетическом мышлении, и личное переживание («Письма по кругу»).

Писатель видел, что в Германии 1930-х гг. главным орудием отторжения цивилизованного наследия и разрушения существующих культурных оснований стала однозначно-авторитарная, антагонистическая социокультурная модель и восходящий к ней принцип негативации. Одной из кардинальных задач автора «Игры в бисер» было неприятие эрзац-культуры, авторитарных, агрессивных националистических идеологов, формировавших духовно одномерного немца, отчужденного от всего многообразия культурных ценностей. Историко-культурным инструментарием достижения данной цели явилась как философия немецкого романтизма, так и восточная философия (древнеиндийская, древнекитайская).

Сложность проблемно-тематического комплекса «Игры в бисер» обусловила своеобразие архитектоники, в которой особую нагрузку несут рамочные и внерамочные компоненты, усиливающие внутреннее единство произведения.

Для формирования художественного замысла философско-интеллектуальной прозы Гессе из элементов заголовочного комплекса (заглавие, подзаголовок, посвящение, эпиграф), совокупность которых определяется как рама произведения, чрезвычайно важными оказываются образные заглавия с усложненной семантикой. К их числу относится и заглавие рассматриваемого романа, которое, называя и идентифицируя, представляет «свой» текст читателю, способствует диалогу автора и читателя.

Заглавия многих книг Гессе – имена главных героев («Петер Каменцинд», «Гертруда», «Клейн и Вагнер», «Герман Лаушер», «Демиян», «Кнульп», «Нарцисс и Гольдмунд»). «Игра в бисер», на первый взгляд, нарушает сложившуюся традицию, связанную со специфической для Гессе формой «биографии души». Только подзаголовок указывает на то, что и здесь писатель имеет дело с историей отдельной личности, с ее внутренним формированием и эволюцией. Доказательством служит и сам авторский поиск предварительных эксплицитных заглавий романа («Йозеф Кнехт» → «Магистр Игры в бисер» → «Магистр Игры»), и перенесение в окончательном варианте имени героя в подзаголовок («Опыт жизнеописания магистра Игры Йозефа Кнехта с приложением оставшихся от него сочинений»).

Таким образом, подзаголовок берет на себя функцию основного носителя предметно-логической информации о тексте, подразумевает жанровое обозначение, являющееся важнейшим регулятором эстетической коммуникации, акцентирует связь с литературной традицией романа воспитания в духе Гете и аттестует Кнехта как человека, заслуживающего того, чтобы хроника его жизни была сохранена для потомства. Но подзаголовку, стилистически оформленному в виде предложения нарочито старомодной конструкции, присущи интонации осторожного ученого и добросовестного историка-летописца. Однако несмотря на всю важность биографического аспекта, Гессе отдал предпочтение идее игры, обозначенной в заглавии.

Круг идей, соотносимых с его первым элементом («игра»), достаточно убедительно освещен в немецкой критике (В. Дюрр, Т. Зиолковский, Э. Хорнунг). Отечественные исследователи понимают под игрой в бисер некое универсальное творчество (Н. С. Лейтес), особую знаковую систему, включающую все сферы умственной жизни человечества, и обмен всеобъемлющими знаковыми образами (В. Д. Седелник). Игра в бисер – аналог разнообразных достижений цивилизации, а сам бисер (точнее, стеклянный искусственный жемчуг) – символ формообразующего принципа духа (А. Г. Березина). Констатируется и близость игры в бисер к абсолютной идее Гегеля, к его абсолютному духу (Г. Гротхоф). При этом нельзя не отметить некоей двойственности восприятия: стекло (как мертвая материальность) ассоциируется с идеей стерильности и безжизненности касталийской духовности и согласуется с подзаголовком, представляющим «оплодотворенную» этим духом душу Йозефа Кнехта, что вполне отвечает одной из задач автора: «показать царство духа и души в его зримом существовании, в его несокрушимости». Соединив в заглавии и подзаголовке идею игры и биографический аспект повествования, Г. Гессе тем самым предвосхитил дихотомную структуру романа и подчеркнул диалектическое единство противоположностей.

Третий рамочный компонент – посвящение («Паломникам в Страну Востока») фактически оказывается приемом автоцитирования и заимствуется из повести 1932 года «Паломничество в Страну Востока». Ее персонажами были деятели культуры (Гофман, Брентано, Арним, Г. Вольф), заключившие тайный союз единомышленников, в который вступили и литературные герои (Дон Кихот, Тристрам Шенди, Генрих фон Офтердинген), в том числе герои самого Гессе, скрывающегося под инициалами Г. Г. (Сиддхартха, Клигзор, Гольмунд). Гессев романе вторично апеллирует к утопии духовного братства, которая служит темой обеих книг, к проблематике ответ-

ственности духа перед жизнью. При этом открытая цитация, сама аллюзия Востока функционируют в тексте не в качестве фрагментарного, а тематически значимого и сюжетообразующего элемента. Тема Востока фигурирует как доминантная и в предисловии, во многом определяя его семантический потенциал. Являясь отправной точкой развертывания смысловой перспективы всего художественного пространства, она с наибольшей силой заявляет о себе в приложении («Три жизнеописания»), использующем коды прошлых культур. В итоге посвящение, дублирующее заглавие ранней повести, призвано усилить идею культуры как игры, введенную в роман под влиянием шиллеровской теории искусства как игры («Письма об эстетическом воспитании человека») и книги Й. Хейзинги «Homo Ludens» («Человек Играющий»), которую Гессе детально изучал в 1940 г.

Другой элемент рамки – эпиграф (как «текст в тексте, обладающий собственной семантической и образной структурой» [1, с. 167]), состоит из двух частей и занимает целую страницу. Это развернутая мнимая цитата, стилизованная под схоластическую латынь и данная на двух языках (латинском и немецком). Ее авторство приписывается вымышленному средневековому мыслителю Альберту Секундусу II, якобы принадлежавшему к предтечам Игры. Само его имя намекает на известного средневекового ученого-энциклопедиста, учителя Фомы Аквинского Альберта Великого (1193 – 1280), стремившегося к всеобъемлющему духовному синтезу и к стройному упорядочению всей суммы интеллектуальных ценностей своей эпохи, то есть к тому идеалу, который Гессе воплотил в образе Игры в бисер. Эпиграф – ключ к раскодированию легенды о Кнехте, изложенной в центральной части романа, которая открывается внерамочным компонентом – предисловием «Опыт общепонятного введения в историю Игры в бисер».

Теоретики литературы, относящие предисловие не к основному, а к побочному тексту, как правило, сближают его функцию с введением, однако предисловие в системе романа Гессе в соответствии с авторскими интенциями выходит за рамки традиционного введения и представляет собой популярное изложение истории и сущности игры стеклянных бус, написанное в форме культурологического обзора.

Гессе насыщает текст предисловия именами философов, теологов, математиков, музыкантов, поэтов и писателей. Часть этих имен прямо названа, другая группа подразумевается. Самый значительный философско-религиозный круг составили Пифагор, Платон, Сократ, Пьер Абеляр, ЛюйБувэй, Фома Аквинский, Николай Кузанский, Лейбниц, Гегель, Ницше. Подразумеваются гностики, О. Шпенглер и Ганс Кайзер. Второй по объему – круг близких Гессе по духу композиторов и литераторов: И. С. Бах, Моцарт, Гендель, Бетховен, Ф. Куперен, Г. Шюц, И. Пахельбель, И. В. Гете, Новалис. Этот культурологический контекст, состоящий из выдающихся имен мировой культуры, противопоставляется представителям «фельетонной эпохи», к которой отнесено возникновение элитарной республики: «Писатель вычленил культуру из общества, придал ей автономные формы и поместил в особую область – Кастилию» [2, с. 78].

В предисловии Гессе, «аналитик декаданса» (Т. Манн), подверг острой критике буржуазную («мертвую») культуру первой трети XX ст., нарисовал картину распада традиционных социокультурных структур, «девальвации слова», «добровольной капитуляции» и «деморализации духа», целеустремленного оголения социального пространства от культурного наследия, в котором традиционно проявляла себя и утверждала человеческая духовность. Но Гессе наметил здесь и пути преодоления «культурной ярмарки» с помощью духовной аскезы и медитативной «муштры» духа, воплотившейся в символической игре экстрактами культуры.

Целью воспитания в утопической Кастилии стал человек с богатым интеллектуальным багажом, способный виртуозно играть всеми формами науки и культуры, то есть заниматься игрой стеклянных бус, впоследствии замененных системой знаков и формул. При этом правилами Игры предусматривался отказ от поисковой активно-

сти, а проявление творческого начала допускалось лишь в узкой сфере комбинирования, сочетания, перестановок уже созданного, что дало основание Плинию Дезиньори утверждать, что «игра – рецидив века фельетона, пустая и безответственная игра с буквами <...> вся она состоит из одних ассоциаций, играет одними аналогиями» [3, с. 257].

В условиях тотальной «фельетонизации» духовных ценностей возрождение веры в дееспособность духа и бережное его «культивирование» осмыслились историком-хроникером (как и самим автором) в качестве первоочередной задачи, решение которой было возможно только в рамках сообщества («ордена») людей, преданных идеалам духа. Касталия и Орден, выполняющие культурно-дисциплинирующую, организующую и «гигиеническую» функции, оказываются частью сложного нормативно-ценностного континуума «культура – цивилизация» и миропорядка в целом. Подтверждением служит главная часть романа – «Жизнеописание магистра Игры Йозефа Кнехта».

«Жизнеописание...» включает в себя двенадцать глав, в своей совокупности дающих представление о «процессе индивидуации, заключающемся в продвижении «внешней личности» к психическому центру индивидуальности, называемому «Самостью» [4, с. 121]. Как подметила Н. С. Павлова, Кнехт, в конце концов, является носителем биполярного мироощущения, героем, как бы объединяющим в себе противоположные принципы бытия. Эта биполярность и тенденция к примирению антиномий наблюдается и в структуре образов Гарри Галлера («Степной волк»), Гольдмунда («Нарцисс и Гольдмунд»), Лео («Паломничество в Страну Востока»), Синклера («Демиан»).

Идея биполярности, восходящая к религиям и философиям Востока, даосизму и китайско-японскому дзен-буддизму, легла в основу моделирования системы антитетичных и вместе с тем неразрывно связанных между собой образов «Игры в бисер» (Кнехт – Дезиньори, Кнехт – патер Иаков, Кнехт – магистр Музыки, Кнехт – Старший Брат, Кнехт – Тегуляриус). Все персонажи – «неоспоримая принадлежность души протагониста, ориентированы на него и лишены способности существовать вне этой связи» [5, с. 242 – 243]. Не случайно в финале «Легенды» – двенадцатой, заключительной главки «Жизнеописания...» – летописец пытается превратить биографию в легенду и обосновать жертвенную смерть героя (ушедшего в мир и погибшего при спасении своего ученика) как подвиг.

В этой части романа Касталия предстает как идеальное государство в государстве, обитель мудрости и созерцательной духовности, территория, над которой не властно время. Но Гессе, давший провинции мифологическое наименование, осознавал утопичность Касталии как автономного герметического пространства интеллектуалов и «духовных аристократов», выключенных из реально-исторического процесса. В древнегреческой мифологии это имя нимфы, дочери речного бога Ахелоя, которая, спасаясь от домогательств Аполлона, превратилась в источник на горе Парнас, у которого Аполлон водил хороводы с музами и в воде которого омывались паломники, приходившие в Дельфы. Использование мифологической образности – не только прием актуализации мифа как культурного феномена и интертекстуального элемента, не только форма взаимодействия с памятью культуры, но и прогнозирование будущей гибели главного героя.

С учетом содержания мифосюжета создается следующее семантическое поле: нимфа Касталия – речной бог – горный источник – Аполлон (бог *предсказаний*, покровитель искусств) – музы – паломники – утонувший в волнах горного озера Кнехт. Суть данного семантического ряда, базирующегося на мифологической аллюзивности, может быть раскодирована как растворение данного героя в природной стихии, которая в итоге оказывается для него притягательнее изощренного и бесстрастного умствования в «музее трофеев былой рассудительности, гербарии духа» [6, с. 112]. Мифологемы горы и воды функционируют в романе Гессе в качестве способа предвиде-

ния трагического финала жизни Йозефа в «миру», а также в виде намека, предсказания будущего перехода касталийской утопии в стадию саморазвенчания. Подобная концепция касталийского бытия как бы иллюстрирует правомерность слов Гегеля об иронии истории – цивилизационном парадоксе, состоящем в разительном несовпадении целей и результатов человеческой деятельности.

Структурным компонентом, следующим за хроникой жизни «служителя духа», являются «Сочинения, оставшиеся от Йозефа Кнехта» (с уточняющим подзаголовком: «Стихи школьных и студенческих лет»). Из прозаической части романа культурологическая проблематика перемещается в поэтический раздел из тринадцати стихотворений и выступает в качестве инвариантов лейттем основного повествовательного массива «Игры в бисер».

В Касталии, где всякое индивидуальное творчество не поощряется и никто не обретает поэтического вдохновения (в отличие от мифического Кастальского ключа в Дельфах), стихи Кнехта воспринимаются как нарушение законов Провинции и Ордена. Йозеф заметил как-то в письме магистру Музыки: «...доказательством бессмыслицы всего нашего духовного образования и отношения к жизни является наше сознательное бесплодие. Например, вы анализируете законы, стили и технику всех музыкальных эпох, а сами не создаете никакой новой музыки. Вы читаете и толкуете Пиндара и Гете, и стыдитесь сами сочинять стихи» [7, с. 112]. Сам же Кнехт пишет поэтический цикл, большинство произведений которого трактует проблему культуры как знаковой системы, которая основывается на формальных условностях и интерференциях, не поддается социокультурной атрибуции и «прочтению» непосвященными. Особенно показательны в этом отношении «Буквы» (в пер. С. К. Апта), или «Алфавит» (в пер. С. С. Аверинцева), «Ступени», «Читая одного старого философа», в которых тема «игры буквами» взаимодействует с мотивом неиссякаемой потребности духа существовать и возрождаться:

Но над юдолью мерзости и смрада
Дух светоч свой опять возносит страстно.
И борется с всесилием распада.
И смерти избегает ежечасно.

(«Читая одного старого философа», пер. С.К.Апта) [3, с. 548].

Проблема игры в разных ее аспектах и семантической неисчерпаемости – магистральная и в стихотворениях «Последний умелец игры в бисер», «По поводу одной токкаты Баха», «Игра в бисер».

Волшебных рук мы отдаемся тайне,
Где все, что в жизни существует врозь,
Все, что бушует и бурлит бескрайне,
В простые символы слилось.

(«Игра в бисер», пер.С.К.Апта) [3, с. 555].

Чем яснее культура осознает себя как игру, тем больше у нее, по мнению молодого Кнехта, автора «Мыльных пузырей», шансов устремиться в область «последних вопросов» и отразить «вечный свет»:

Все те же сны, и нет у них значенья:
Но в них себя узнает и в ответ
Приветнее заблещет вечный свет.

(«Мыльные пузыри», пер.С.С.Аверинцева) [7, с. 427].

Молодой поэт сравнивает творчество с выдуванием мыльных пузырей и призывает деятелей культуры не включаться во всеохватывающую систему хитроумной фальсификации всего на свете. Эти мысли созвучны начальным строкам стихотворения «Читая одного старого философа»: в них культура трактуется как хрупкая ценность, духовное зерно которой постоянно утрачивается.

... и нотный ряд

Немотствует: сцепление созвучий

Непоправимо сдвинуто, и лад

Преобразуется в распад трескучий.

(«После чтения старинной философской книги», пер. С. С. Аверинцева) [7, с. 422].

Тема «сна культуры» решается и в самом объемном стихотворении цикла – «Сон», где она переплетается с темами жизни и смерти, Адама и рая, мастера и ученика, книги и знака (иероглифа). Лирический герой, окруженный томами книг в монастырской библиотеке, ищет в них ответы на многие вечные вопросы бытия. Йозеф вводит в свой поэтический космос романтические идеи эфемерности жизни и тайны смерти, ее неизбежности, и, фактически, Кнехт-поэт остается в пределах концепции культуры немецкого романтизма, о чем убедительно писали А. Карлсон, К. Вайбель, Г. Деккер. Позиции Новалиса, Жан-Поля, Гельдерлина, Эйхендорфа были близки и самому Гессе, поэтическое творчество которого С. С. Аверинцев метко назвал «просроченной романтикой» [8, с. 350].

Однако программным стихотворением будущего магистра Игры можно считать «Ступени», в котором отдельные фазы биографического цикла, наделенные пространственными характеристиками, именуются «ступенями», или «пространствами» (см. также статью «Ступени вочеловечивания»). Так, в жизни Кнехта каждая встреча с Дезиньори, патером Иаковом (стилизованный и идеализированный образ швейцарского историка культуры Якоба Буркхардта), Старшим Братом была определенной фазой познания и формирования характера. При этом свое понимание жизни как «пересечения одного пространства за другим» Кнехт связывает с организацией времени в музыке как разновидности «легальной магии». Таким образом, тринадцать стихотворений объединяются общей проблемой судеб культуры, постановка и решение которой на двух уровнях текста (прозаическом и поэтическом) способствует его целостности.

Финальная часть художественного пространства «Игры в бисер» – второе приложение «Три жизнеописания» о людях времен матриархата, раннего средневековья и древней Индии. Здесь по-прежнему главенствует мысль о том, что духовная ипостась человека не исчерпывается его эмпирической личностью, пребывающей в природно-социальном континууме времени-пространства. «Кудесник», «Исповедник», «Индийское жизнеописание» – три перевоплощения Кнехта, три возможные его «жизни», сложившиеся в разные исторические эпохи. Об этом, в частности, свидетельствует тождество имен персонажей: Йозеф Кнехт – заклинатель дождя Слуга – отшельник ЙозефусФамулюс (латинизированная форма имени и фамилии главного героя) – индийский юноша Даса (на санскрите имя обозначает «раб», «прислужник», т. е. то же, что и «Кнехт», и «Фамулюс») [9, с. 478]. Подчеркнем, что особенностью данных биографий, которые сам Гессе называл «легендарными плоскостями других жизней Кнехта», является наличие черт жанрового канона притчи. К ним прежде всего следует отнести взаимное обособление мысли и образа, мысль, задающую образ, который по отношению к ней иллюстративен, аллегоричность, нравоучительность, выявление вечных истин, составляющих суть второго (смыслового) плана как доминирующего над первым (образно-предметным) и отсутствие развитого сюжетного движения.

Благодаря этому циклу «парадигматических биографий», Гессе раздвигает временные рамки романа, «играет» с временем и пространством, сопрягая разновременные пласты. Писатель добивается того, что частные воплощения единого жизненного пути Кнехта воспринимаются в контексте целого, приобретают надвременной характер, осознаются как «витки» протекающего над временем бесконечного жизненного процесса. А магистральная проблема всего романа – ответственности культуры перед «большим миром» – осознается на примере людей разных стран и эпох.

Так, в «Исповеднике» дана ее иномформа в специфически житийном контексте. Знающие, мыслящие, вкусившие с древа познания, но дорожащие своим отшельничеством и не желающие вмешиваться в жизнь, есть истинные грешники. При этом для автора ни Кнехт, ни Даса, совершающие принципиально разный выбор, не могут претендовать на владение конечной истиной, абсолютность которой понимается писателем как химера.

«Игра в бисер» – попытка писателя преодолеть границы традиционного романа – жанра, рожденного европейским позитивистским знанием. Новаторство Гессе во многом определяется жанровыми и архитектурными новациями, «экспериментальной дерзостью» (Т.Манн). Это «собор с огромным нефом, высоким сводом, длинными галереями вокруг хором, с запутанными и глубокими криптами» [10, с. 249].

В прихотливом строении романа особая роль отводится рамочным и внерамочным компонентам, усиливающим его внутреннее единство. В качестве важнейшего индикатора ведущей темы выступает уже заглавие, которое организует смысловую и композиционную структуру, но которое пока еще осознается как относительно автономное, без учета своего символического значения. Его метафорическая заданность и семантическая «перспектива» в полном объеме раскроются лишь в предисловии.

Подзаголовок, представляющий собой своего рода второй член двойного заглавия, дает читателю дополнительную информацию о жанре («жизнеописание») и протагонисте романа (верховном магистре Ордена), а также дублирует ключевую тему, заявленную заглавием.

Значительно многофункциональнее оказывается посвящение-автоцитата («Паломникам в Страну Востока»). Прежде всего оно выявляет адресат – имплицитного читателя, воображаемого собеседника-паломника, имеющего общий с автором интеллектуальный кругозор. Посвящение подключает текст «Игры в бисер» к тексту-источнику, обнаруживает интертекстуальное пространство, запускает механизм культурных ассоциаций. Не менее важна его диалогическая функция: посвящение указывает на возможность диалога автора с самим собой и с определенными типами культуры (восточной и западноевропейской эпохи романтизма). И в целом посвящение (наряду с заглавием и подзаголовком) создает определенный «горизонт ожидания» (Х. Р. Яусс), который должен соответствовать объему культурной памяти читателей («паломников»).

Эпиграф (ложная цитата), как бы маркирующий авторскую мысль, опорные точки мироощущения Гессе, на деле оказывается элементом литературной игры автора с читателем, авторским приглашением к игре, образ которой формируется в предисловии и переводится на более глубокий семантический уровень – символический.

Именно в предисловии-эссе игра в бисер интерпретируется как «игра со всем содержанием и со всеми ценностями культуры», ставятся проблемы духовности и культуры. При этом точка зрения на них передоверяется безымянному летописцу-интеллектуалу из XXIV ст., от лица которого написана и «биография души» Йозефа Кнехта.

Таким образом, совмещая романические и нероманические формы (историческую хронику, роман воспитания, эссе, обзор, жизнеописание, легенду, притчу, философскую лирику), монтируя разнородные микроструктуры, внутренне прочно спаянные общей культурологической проблематикой, в единую макроструктуру, Гессе создает роман «об испытании идеи» (выражение М.М.Бахтина), о сложности, множественности и многотрудности «испытаний» концепции культуры как «игровой функции». А его сюжет становится формой художественного воплощения данного процесса.

Список литературы

1. Кожина Н. А. Заглавие художественного произведения: Онтология, функции, параметры типологии / Н. А. Кожина // Проблемы структурной лингвистики. 1984. – М.: Наука, 1988. – С. 167 – 183.

2. Седелник В. Д. Герман Гессе и швейцарская литература / В. Д. Седелник – М.: Высшая школа, 1970. – 94 с.
3. Гессе Г. Степной волк. Игра в бисер / Пер. С. К. Апта / Г. Гессе – М.: Гудьял-Пресс, 1999. – С. 119 – 654.
4. Гессе Г. Письма по кругу / Г. Гессе – М.: Прогресс, 1987. – 400 с.
5. Каралашвили Р. Г. Мир романов Германа Гессе / Р. Г. Каралашвили – Тбилиси: СабчотаСакартвело, 1984. – 262 с.
6. Хильшер Э. Поэтические картины мира: Г. Манн, Т. Манн, Г. Гессе, Р. Музиль, Л. Фейхтвангер / Э. Хильшер – М.: Худ. лит., 1979. – С. 85 – 119.
7. Гессе Г. Игра в бисер / Пер. Д. Каравкиной и Вс. Розанова / Г. Гессе. – М.: Худ.лит., 1969. – 543 с. (Перевод стихотворений С. С. Аверинцева).
8. Аверинцев С. С. Герман Гессе / Аверинцев С. С. // Поэты. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 327 – 354.
9. Седелник В. Комментарии / Г. Гессе // Собр.соч.: В 8 т. – М.: Прогресс-Литера; Харьков: Фолио, 1994. – Т.5. – С. 467 – 478.
10. Сенэс Ж., Сенэс М. Герман Гессе, или Жизнь Мага / Ж. Сенэс, М. Сенэс – М.: Молодая гвардия, 2004. – 277 с.

THE PROBLEMS OF CULTURE AND SPIRITUALITY IN THE NOVEL “THE GLASS BEAD GAME” BY HERMANN HESSE

I. V. Bardykova
N. V. Bardykova

*Belgorod State
Research University*

*e-mail:
Bardykova@bsu.edu.ru*

The article deals with the functions of structural content components and narrative strategies in Hesse's philosophical novel “The Glass Bead Game”. The study is focused on analysis of different unity forming elements that help to create the novel as an aesthetic whole and embody its problems.

Keywords: Hesse, culture, game, spirit, structure, means of representation.

УДК 811.161.1'371

МОДИФИКАЦИЯ ЦИТАТ И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В СОВРЕМЕННОЙ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПРЕССЕ

К. И. Буглак
Д. В. Лагоденко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
lagodenko@bsu.edu.ru*

В работе рассматриваются проблемы модификации крылатых единиц и их функционирование в газетных статьях современной качественной англо-американской прессы. В центре внимания исследования оказываются вопросы изменения семантики и структуры модифицированных крылатых единиц. Кроме того, в исследовании подробно излагаются и систематизируются приемы модификации крылатых выражений.

Ключевые слова: крылатые фразы, дискурс, модификация, узуальная форма, окказиональная форма.

Модифицированные крылатые единицы представляют собой новое, малоизученное лингвистическое явление в языке. На данный момент не существует общепринятой классификации данных трансформированных высказываний. Проблемой систематизации трансформированных афоризмов занимались многие ученые (В. З. Санников, В. П. Жуков, А.И. Молотков). В нашем исследовании мы опираемся на классификацию, предложенную Н. М. Шанским, которая, на наш взгляд, является наиболее полной.

В центре внимания при исследовании модифицированных крылатых выражений оказываются изменения семантики и структуры фразеологического единства. Многие приемы трансформаций фразеологизмов, влияющие на изменение структуры и семантики устойчивых выражений, изучены и подробно описаны лингвистами в художественной литературе. Однако в публицистических текстах модифицированные фразеологизмы все еще вызывают огромный интерес со стороны исследователей.

Предметом нашего исследования является газетно-публицистический дискурс, для которого экспрессивная функция является важнейшей, чем и обуславливается высокая потребность в выразительных средствах. Газетные тексты изобилуют огромным количеством крылатых единиц, как в стандартном, так и трансформированном виде. Коммуникативно-прагматический потенциал функционирования фразеологических выражений в печатных изданиях средств массовой информации вызывает интерес у отечественных и зарубежных ученых. По мнению ряда исследователей, проблема воздействия на адресата является первостепенной и выходит сегодня на первый план, обретая статус одной из наиболее актуальных проблем для каждого человека современного общества.

Фразеологические единства, являясь дискурсивными единицами, проявляют свой коммуникативно-прагматический потенциал в дискурсивной действительности. В процессе изучения дискурса ученые предлагают разные определения данного понятия. Так, например, З. Харрис определяет дискурс в своей работе «Дискурс – анализ» (середина XX в.) как последовательность высказываний, отрезок текста больший, чем предложение [9, с. 474 – 494]. В. А. Звегинцев с точки зрения структурно-семантического подхода считает дискурс как два или несколько предложений, которые находятся в смысловой связи [3, с. 13 – 21]. Мы считаем, что данные определения дискурса в равной степени могут быть отнесены и к определению текста. Четко разграничить понятия «дискурс» и «текст» стало возможным благодаря французской школе дискурса (П. Шародо, М. Пешё, П. Серио, Э. Бенвенист). Э. Бенвенист впервые рассматривает дискурс в ракурсе антропоцентрического подхода как «функционирование языка в живом общении». Таким образом, дискурс им определяется как «речь,

присваиваемую говорящим» [2, с. 296]. Он относит дискурс к процессуальной стороне речевой деятельности: дискурс – «это неповторимый, единичный результат процесса, зависящего от говорящего и от условий речепроизводства». Н. Д. Арутюнова говорит о дискурсе как о «связном тексте в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами» [1, с. 109]. Под дискурсом в узком смысле мы понимаем особую речевую деятельность, которая осуществляется в конкретных прагматических условиях.

Следует отметить, что дискурс печатных изданий средств массовой информации представляет собой особый интерес для исследования в настоящее время. Поэтому исследование в области коммуникативно-прагматического потенциала английских афористических высказываний в дискурсе современной качественной англо-американской прессы, с целью выявления случаев узуального и окказионального использования фразеологических единиц, а также приемов, участвующих в модификации фразеологических единств представляется актуальным. Под модификацией мы понимаем изменение структуры или значения фразеологического единства, которые отклоняются от стандартного значения и формы фразеологизма, зафиксированной в словарях. Подобные модифицированные фразеологические единицы также называются окказиональными вариантами или индивидуально-авторскими преобразованиями, которые противопоставляются их языковым вариантам. «Речевые инновации в сфере фразеологии не абсолютно произвольны, ибо могут осуществляться лишь в пределах тех потенциалов, которые заложены в самой языковой системе и допускаются ее законами» [7, с. 78]. Стоит отметить, что различные приемы модификации крылатых слов и выражений существуют как общеречевые факты, индивидуальным же является предпочтение тех или иных приемов, частота их употребления, семантическая насыщенность и т. д. В работе «Средства окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов» Н.Л.Шадрин говорит о том, что «выявить и систематизировать многочисленные способы и приемы этих преобразований невозможно, так как нет общего для них признака» [7, с. 80]. Согласно классификации Н. М. Шанского [8, с. 149 – 150] можно выделить следующие виды трансформации:

- 1) наполнение новым смысловым содержанием при сохранении у фразеологического оборота лексико-грамматической целостности. Семантика высказывания меняется, а лексико-грамматическая целостность остается;
- 2) замена одного из элементов фразеологизма синонимом, или расширение устойчивого состава фразеологизма новыми лексическими единицами;
- 3) использование крылатого высказывания в качестве свободного сочетания слов;
- 4) создание новых индивидуально-авторских оборотов по аналогии с существующими фразеологизмами;
- 5) использование устойчивого выражения как фразеологического оборота, и как свободного сочетания слов;
- 6) использование образа фразеологического оборота;
- 7) контаминация двух фразеологических выражений, которая может быть двух видов. В одном случае, два фразеологических оборота, в составе которых имеются в качестве компонента одни и те же слова или слова-омонимы, могут сливаться вместе. Во втором случае, объединяются фразеологические единицы с синонимами или антонимами.

Крылатые единицы могут использоваться как в узуальной форме, так и окказиональной. В ходе проведения лингвистического исследования нами было проанализировано более 300 статей качественной англо-американской прессы (*New York Times*, *The Guardian*) и найдено около 200 иллюстраций фразеологизмов, 63 из которых – модифицированные. Большинство встречаемых фразеологических единств в газетных текстах представляют собой узуальные единицы (около 80% примеров): *A fossil, decidedly male, and old as the hills* (*The New York Times*: 2003, 5 December); *Westray, sly as a*

fox, and Reiner, his face jutting into the frame like a cathedral gargoyle, share bloody tales that only make ghastly sense later (The New York Times: 2013, 24 October); She married, divorced and vowed to marry again “*when the pigs fly*” (The New York Times: 2013, 25 October); Familiar with the «never – always» problem? That’s when you lay down a hard and fast rule, and then *eat your words* (The New York Times: 2013, 28 March).

Что касается творчески модифицированных крылатых устойчивых выражений, то в ходе систематизации нами были выявлены следующие типы трансформации фразеологизмов:

1) семантические трансформации (другими словами семантико-стилистические трансформации, которые не изменяют лексико-грамматическую структуру высказываний);

2) структурно-семантические трансформации (напротив, касающиеся смысла высказывания, а также влияющие на изменение состава лексики и грамматической структуры фразеологических выражений).

Известно, что семантические и структурно-семантические трансформации осуществляются благодаря различным приемам. Наиболее выразительный и часто встречающийся при семантической модификации фразеологического высказывания является прием двойной актуализации –: *Rubies blaze, diamonds sparkle, pearls glow from the windows of hundreds of Hong Kong jewelry shops. Hong Kong is a serious competitor in the world’s jewelry markets, offering values unmatched in New York or in Europe.*

But all that glitters here is not gold. Fakes proliferate, along with charlatans and second-rate workmanship. As in all comparative shopping, it is important to learn something about the kind of jewelry you're going to buy before going if you're going to make any major expenditures, or to shop with someone who is knowledgeable. Mistakes in jewelry are expensive (The New York Times: 2008, 26 March). В этом примере стилистический эффект достигается благодаря одновременной актуализации фразеологического и буквального значений в устойчивом выражении. Читателю на ум приходит сначала наиболее частое, общеупотребимое, переносное значение устойчивого высказывания, что вступает в противоречие с дальнейшим осмыслением значения, в котором употребляется высказывание и, как следствие, становится неожиданностью для читателя.

Антипословицы, пародии на традиционные пословицы и поговорки – следующая группа примеров семантической модификации крылатых единств, которые встретились нам в ходе исследования: *If money’s the root of all evil I’d quite like a root in my garden* (*Money is the root of all evil*), (The Guardian: 2003, 17October); *The Nation: Women’s Place – At the table, but not for dinner* (*A woman’s place is in the house*), (The New York Times: 2002, 28April), *The pen is mightier than the sword, but it’s always as well to have a sword handy* (*The pen is mightier than the sword*), (The Guardian: 2002, 11 November).

В статьях современной качественной англо-американской прессы используются индивидуальные авторские выражения, которые были созданы на основе существующих традиционных устойчивых единиц в языке. Рассмотрим подробнее такие приемы, благодаря которым появляются творческие выражения и афоризмы: *It was a doubly clever idea, given that John Gay’s assault on 18th-century immorality had already been updated once by Brecht and Weill into a satire on Weimar Germany. Ayckbourn took the idea a stage further, reflecting the you-scratch-my-back-I’ll-scratch-yours philosophy of the 1980s, through the petty internal politics of the am- dram crowd* (*You scratch my back, I’ll scratch yours*), (The Guardian: 2004, 22 July). В приведенном примере происходит трансформация крылатых выражений в лексемы (прием лексикализации), что усиливает стилистическую окраску высказывания, и, тем самым, оказывает большое эмоциональное влияние на читателя.

Фактический материал выявляет использование аллюзии, специфика которого заключается в том, что от автора требуется определенное языковое мастерство для того, чтобы «зашифровать» ту или иную фразеологическую единицу. Кроме того, дан-

ный прием трансформации, автор всегда должен полагаться на читательскую осведомленность. Знание данного фразеологизма *Little things please little minds* помогает распознать в следующем заголовке аллюзию на эту устойчивую единицу: *Tiny things please tiny minds*. Лексическая единица «tiny» имеет большую коннотативную нагрузку, и выражает значение «extremely small», в отличие от лексемы «little», которая обозначает «not large in size/amount» [10]. Автор заменяет лексическую единицу «little» на «tiny», тем самым подчеркивая степень мелочности и уничижая субъект действия (mind). Используя аллюзию в данном примере, автор рассчитывает на наличие определенных фоновых знаний у читателя, и если процесс декодирования аллюзии произошел удачно – читатель получает большой эмоциональный заряд и удовлетворение от проведенной мыслительной работы.

Особого внимания заслуживает прием структурно-семантической аналогии, при котором синтаксические конструкции могут выстраиваться по принципу градации: *The help Governor Jeb Bush gave his brother during last year's disputed presidential election in Florida was a reminder that blood is thicker than water. But now he is in the White House, George Bush is proving that to a Texan with campaign debts, oil is thicker than blood* (The Guardian: 2001, 19 April). В этом примере при помощи приема структурно-семантической градации автору удалось достичь определенного иронического эффекта в высказывании, сделав акцент на том, что деньги оказываются выше родственных связей.

В проведенном исследовании также анализируются примеры, в которых структурно-семантическая аналогия выстраивалась по принципу антитезы, что усиливает эмоциональный эффект данного заголовка и тем самым выделяет его среди числа других статейных названий: *Money Talks, Women Don't* (The New York Times: 2004, 21 July). Больше всего было зарегистрировано случаев синонимии между узуальными и окказиональными единицами: *Make hay while the sun shines, they say. Or, in the oil major's case, pump oil while the prices rocket* (The Guardian: 2004, 29 October). *If you break my heart, I will break your jaw* (The New York Times: 2013, 17 July). В первых частях высказываний используются крылатые выражения в их узуальной форме, во вторых частях на основе традиционного высказывания образуются индивидуальные авторские выражения, что оказывает определенный эмоциональный эффект на читателя и привлекает его внимание к тексту статьи.

Кроме того, нами были зафиксированы примеры структурно-семантической инверсии, при которой осуществляется взаимозамена элементов, обозначающих компоненты фразеологического значения и занимающие разные синтаксические позиции в структуре фразеологической единицы. «Взаимозаменяемые компоненты обозначают лица, неодушевленные предметы, явления, как бы меняющиеся ролями» [8, с. 29]: *Cuttings; in the big city, a little pond and a big frog* (The New York Times: 2005, 13 June), *(A little frog in a big pond)*; *Plenty of evidence suggests that as we become richer, we become less content with ourselves. It is incorrect to say that necessity is the mother of invention. In the rich world invention is the mother of necessity. When people already possess all the goods and services they need, growth can be stimulated only by discovering new needs (Necessity is the mother of invention)*, (The Guardian: 2002, 5 September). Такого рода инверсия называется ролевой инверсией. Подобная модификация несомненно привлекает внимание читательской аудитории неожиданным порядком слов в высказывании (*necessity is the mother of invention- invention is the mother of necessity*) при полном сохранении всех лексических единиц фразеологического единства.

Замена, как прием структурно-семантической трансформации, также встречается нам в ряде трансформированных афористических единиц. При данном приеме происходит замена элемента фразеологического выражения с применением игры слов. Под языковой игрой в узком смысле, как правило, понимается языковая шутка, «словесная форма комического» [5, с. 16]. В нашем исследовании мы использовали типологию языковой игры, предложенную О.Ю. Коноваловой [4, с. 36], которая рассматривает ее как одну из репрезентаций общеполитического понятия игры, как раз-

новидность словотворчества, в основе которой лежат языковые средства, используемые для достижения определенного эстетического или художественного эффекта. Автор разграничивает понятия языковой игры (*play upon words*) и игры слов (*wordplay*). Под игрой слов понимается «намеренное или невольное употребление слова в определенном контексте, которое лишает однозначности интерпретацию значения этого слова, что придает двусмысленность речевому выражению и может привести к созданию различных художественных эффектов» [4, с. 9]. Игра слов – более узкое понятие, чем языковая игра. В игре слов участвуют две лексические единицы с собственным индивидуальным значением и определенной формой, в ходе которой получается языковое образование, соединяющее в себе несколько значений в одной форме. Каламбур – частый случай игры слов: *Nobodies? Perfect (Nobody's perfect)*, (*The Guardian*: 1999, 16 June). Используя данный прием, автор в значительной степени увеличивает эмоциональный эффект заголовка, привлекая внимание читателей к содержанию статьи. *But just remember – the «pun» is mightier than the sword! (The pen is mightier than the sword)*, (*The Guardian*: 2000, 28 April). В данном примере мы можем наблюдать обыгрывание паронимов – «pun» и «pen». В следующем примере обыгрываются омонимы: *Who pays the piper? (Who pays the piper, calls the tune)*, (*The Guardian*: 2001, 27 August). В данном случае автор использует несколько приемов преобразования известной поговорки. Первоначально эллиптируется конечная часть поговорки, что делает возможным употребление оставшейся части в качестве специального вопроса. Таким образом, в игру слов вступают слова-омонимы «who» (вопросительное местоимение) и «who» (относительное местоимение).

Итак, наше исследование творческого применения крылатых единиц в современной качественной англо-американской прессе выявило необходимость детального изучения, а также систематизации приемов, которые используются для создания индивидуальных авторских выражений и афоризмов на основе стандартных фразеологизмов. Их применение помогает журналистам полнее реализовать свой творческий потенциал, а также наиболее эмоционально выразить авторскую мысль. Проанализировав корпус авторских выражений, мы увидели как в процессе использования фразеологических выражений свое действие обнаруживают лингвистические и экстралингвистические факторы, когда мысли, взгляды, представления автора обретают оригинальную, колоритную, неповторимую и уникальную форму.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 276 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – 3-е изд. – М.: Эдиториал УРСС, 2009 – 448 с.
3. Звегинцев В. А. О цельнооформленности единиц текста / В. А. Звегинцев // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка, – Т.39. – №1, 1980. – 171 с.
4. Коновалова О. Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи. Монография. / О. Ю. Коновалова. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. – 196 с.
5. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 544 с.
6. Федоренко Н. Т., Сокольская Л. И. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – М.: Наука, 1990. – 416 с.
7. Шадрин К. Л. Средство окказионального преобразования фразеологических единиц как система элементарных приемов / К. Л. Шадрин // Лингвистические исследования, ч.2, 1972. – 144 с.
8. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка: Учебное пособие (4-е изд., испр. и доп.) / Н. М. Шанский. – Санкт-Петербург, 1996. – 192 с.
9. Harris Z. S. Discourse analysis / Z. S. Harris // Language – Vol.28, 1990. – 503 с.
10. Macmillan English Dictionary for advanced learners // Oxford: Macmillan Education, 2002. – 1692 с.

MODIFICATION OF QUOTATIONS AND PHRASEOLOGICAL UNITS IN MODERN ANGLO-AMERICAN PRESS

K. I. Buglak
D. V. Lagodenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
lagodenko@bsu.edu.ru*

The paper deals with the modification of colorful expressions and their functioning in newspaper articles of modern high-quality Anglo-American press. The main question that is being discussed in the article is semantics and structure changes of modified colorful expressions. In addition, the paper deals with modification methods systematization of phraseological units.

Keywords: Catch phrases, discourse, modification, usual form, occasional form.

УДК 811.111

ОСОБЕННОСТИ АКТУАЛИЗАЦИИ КОНЦЕПТОСФЕРЫ “CREATIVITY” В ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

А. Н. Доборович
В. А. Кузьмичева

*Белгородский государственственный
национальный исследовательский
университет*

e-mail:

doborovich@bsu.edu.ru

vkuzmicheva@bsu.edu.ru

В данной статье предпринимается попытка проанализировать психологические и лингвистические предпосылки структурирования исследуемой концептосферы “creativity”, что дает возможность сгруппировать абстрактные существительные, вербализующие названную концептосферу, и объяснить механизм её языковой репрезентации.

Ключевые слова: психоллингвистика, когнитивная лингвистика, концепт, теория прототипов, ассоциативный эксперимент.

Важный вклад в решение проблемы концепта вносят психоллингвистические исследования. Рассуждая о языке и сознании человека, известный в мире психоллингвист С. Пинкер утверждает, что язык – это не какой-нибудь атрибут материальной культуры, который мы постигаем так же, как и другие предметы окружающей действительности: «...язык – это сложный специализированный навык, который самопроизвольно развивается в ребенке и не требует осознанных усилий или систематических наставлений. Этот навык в равной степени свойственен каждому...» [5, с. 11]. Решающим аргументом в пользу этого утверждения автор считает тот факт, что сложно организованный язык универсален, потому что дети поколения за поколением фактически вновь изобретают его потому, что они просто не могут не делать этого.

Остановившись на принципе работы языка, автор утверждает, что в мозге каждого из нас содержится так называемый **ментальный словарь** (набор слов и понятий, которые эти слова выражают), а также набор правил, по которым эти слова сочетаются (**ментальная грамматика**) [5, с. 73]. В когнитивной лингвистике сейчас многие исследователи пользуются подобными терминами, связанными с сознанием, менталитетом человека. Одним из них является также термин «концепт». Данная статья посвящена изучению особенностей актуализации концептосферы “creativity” с позиции психоллингвистики.

Креативность является основной характерной чертой творческой личности или процесса и выражается в способности и желании создавать, порождать, изменять общество, культуру или индивидуальный опыт. Наибольшее распространение термин получил в психологии и психоанализе. Важный вклад в изучение вопросов, связанных с творчеством или же креативностью, творческим мышлением в психологии сделал Дж. Гилфорд. Он выделял два типа мышления – конвергентное и дивергентное. *Конвергентное* мышление приводит к единственно верному ответу, а благодаря *дивергентному* мышлению человек находит оригинальные и неожиданные решения. Ученый считал операцию дивергенции основой креативности как общей творческой способности.

Дж. Гилфорд выделил четыре основных особенности креативности:

- 1) оригинальность – способность продуцировать необычные идеи, образы, ответы;
- 2) семантическую гибкость – способность видеть объект совершенно с другой стороны, раскрывать его новые функциональные возможности;

3) образную адаптивную гибкость, т.е. способность изменять восприятие объекта таким образом, чтобы видеть его новые стороны;

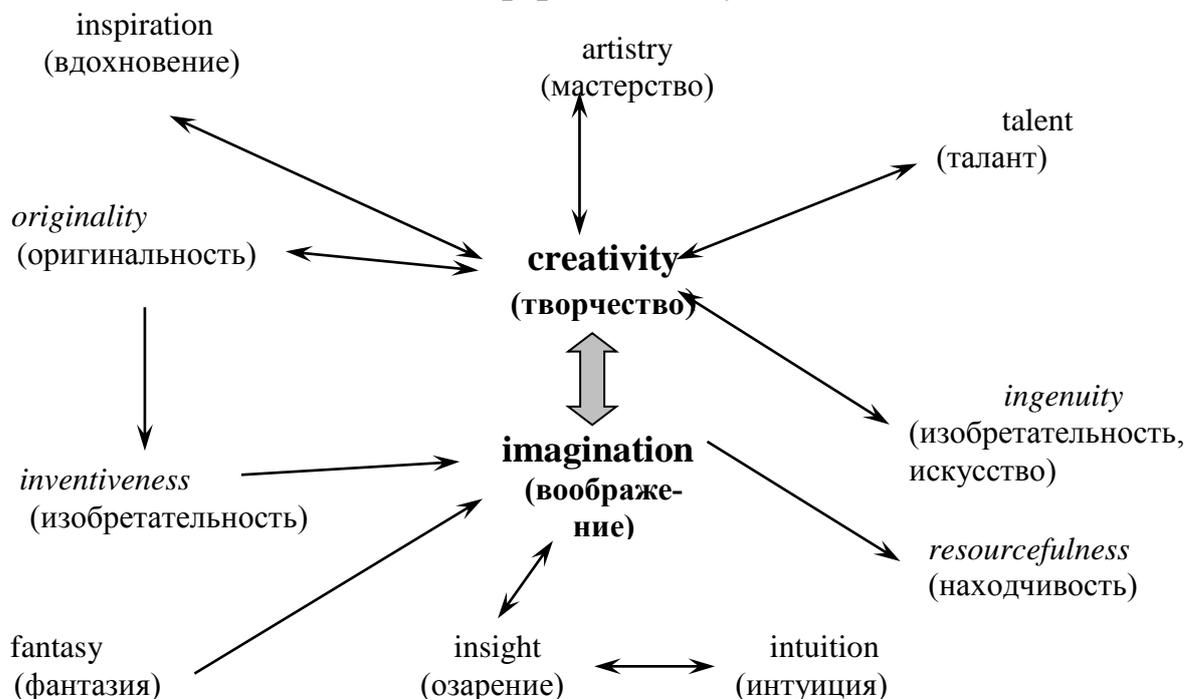
4) семантическую спонтанную гибкость; другими словами, – способность генерировать свежие идеи в неопределенной, непредсказуемой ситуации [1, с. 435].

В трудах психологов проблема креативности изучалась на протяжении многих лет. В гештальтпсихологии креативность понимается как способность к целенаправленной трансформации проблемной ситуации в целом. Психология, изучающая интеллектуальные процессы, рассматривает креативность как комплекс сложных интеллектуальных операций, направленных на производство недостающих звеньев при решении проблемной ситуации.

Проблема репрезентации данной концептосферы в английском языке абстрактными существительными решается с помощью результатов исследований в психолингвистике, когнитивной лингвистике и семантике. Следует отметить, что психолингвистические особенности являются основополагающими в процессе формирования концептосферы. Креативность обычно ассоциируется в общественном сознании с продуцированием новых идей, проявлением воображения, изобретательности, неконвенционального подхода к любому делу: “... the ability to make or otherwise to bring into existence smth. new, whether a new solution to a problem, a new method or advice, or a new artistic object or form ” [http://www.britannica.com].

Концептами-формантами концептосферы “creativity” являются ядерные концепты: “Creativity”, “Imagination” и периферийные концепты “Ingenuity”, “Inventiveness”, “Originality”, “Resourcefulness”. Трудно переоценить значимость психологических исследований процесса креативности, которые в тандеме с результатами дефиниционного анализа словарных и научных лингвистических статей помогли структурировать концепт “creativity”. Взаимобусловленность и взаимозависимость обозначенных концептов можно представить в виде следующей схемы:

Концептосфера “creativity”

Концепт актуализирует как предметы соотносятся друг с другом и как они категоризируются. Можно сказать, что концепт – ментальная репрезентация категории, что помогает нам группировать предметы по принципу схожести их значений. Мы выде-

ляем следующие категории, актуализирующие концепты-форманты: [State], [Event], [Object], [Instrument], [Property], [Amount], [Product]. В каждой категории выделяются наиболее типичные объекты – центры категорий – **прототипы** (prototypes), актуализирующие наиболее характерные признаки категории.

Теория прототипов впервые была представлена в работах Э. Рош. Её концепция строится на следующих основных тезисах:

- реальный мир не хаотичен, а структурирован, другими словами, в нем есть сходства, различия, составляющие его онтологию, которая отражена в сознании человека в виде определенной категоризации. Предметом исследования являются категории (природные “natural” – семантические “semantic”);
- члены категории неравноправны между собой. Степень психологической значимости (saliency) категорий – объект исследования в экспериментах Э. Рош;
- в каждой категории выделяются психологически наиболее выделенные объекты – центры категорий – **прототипы** (prototypes), актуализирующие наиболее характерные признаки категории [6, с. 48].

Размышляя о прототипической организации значения, М. А. Кронгауз отмечает, что такая организация обусловлена ограниченностью ресурсов человеческой памяти, так как количество подлежащих категоризации объектов бесконечно. Значит, прототипический подход рассматривает в системе проблему полисемии, которая описывается с помощью понятия семантической сети, в центре которой находится *прототипическое значение* [3, с. 314]. Так, П. Койвисто-Аланко считает, что полисемия представляется результатом когнитивной структуры категорий. Ученый предпринял попытку проанализировать прототипическую структуру концепта “wit” в диахронии в периоды LME и EModE. Исследователь отмечает, что в средне-английском языке и почти в течение всего ранне-новоанглийского периода базовым прототипическим центром был прототип COGNITION, под которым подразумеваются способности на ментальном уровне, ум, интеллект. В современном английском языке, как подтверждают исследования П. Койвисто-Аланко, смещение происходит в сторону прототипа EXPRESSION (в понимании автора гипотезы – актуализация концепта “wit”, как «быстрого проявления интеллекта», в речи и на письме) [10, с. 226].

Основными репрезентантами исследуемой концептосферы являются лексемы абстрактной семантики, что и послужило основной причиной нашего обращения к теории прототипов. Известно, что абстрактные понятия с трудом поддаются точному описанию, даже у носителей языка это зачастую вызывает определенные трудности. Считается, что, формирование большинства абстрактных концептов, происходит благодаря наглядно-образному восприятию мира, другими словами, абстрактное познается через конкретное. Однако, на взгляд Д. Симонс, Ф. Кайл, абстрактные объяснения могут быть функциональны без знания конкретных компонентов того или иного объекта [11, с. 131]. Для таких абстрактных понятий ключом к адекватной интерпретации значений лексем может послужить, на наш взгляд, теория прототипов и выделение наиболее характерных прототипических центров. Под прототипическим центром понимается некий кластер схожих значений внутри какой-либо категории [8]. В нашей работе была предпринята попытка выделения прототипических центров (далее ПЦ), актуализируемых лексемами-репрезентантами концептосферы “creativity”, которыми на наш взгляд, являются ПЦ [Cognition] и ПЦ [Embodiment]. Прототипические центры дифференцируются по характеру творческой деятельности, которая может быть *духовной (мыслительной)* или *практической (физической)*, а также по области применения творческих способностей. Под ПЦ [Cognition] подразумеваются лексемы, модифицирующие значения, связанные с духовной (мыслительной) деятельностью, а в прототипическом центре [Embodiment] группируются репрезентанты, актуализирующие значения, характерные для практической (физической) сферы творческой деятельности, соответственно, результаты творческой деятельности дифференцируются по тем же признакам – они либо **ментальны**, либо **овеществлены**.

Основанием для акцентуации прототипических центров лексем-репрезентантов концептосферы “creativity” послужили данные наиболее авторитетных аутентичных синонимических словарей и данные тезауруса Роже. К примеру, в синонимическом словаре “Cassel’s Modern Guide to synonyms and related words” определена следующая синонимическая цепочка лексемы “creative” – “imaginative”, “ingenious”, “inventive”, “original”, “resourceful”. В качестве основной лексем-репрезентанта концепта “creativity” представлено имя прилагательное “creative”, которое является наиболее рекуррентной лексемой-репрезентантом ядерного концепта. Остановимся на отличительных категориальных признаках (далее КП), актуализирующих каждый из представленных концептов.

Каждая из этих лексем-репрезентантов вербализует общий для всех концептов смысл – *активный, исследовательский ум и продукты деятельности такого рода*, причем все указанные лексем-репрезентанты играют роль определений, актуализирующих категорию [Property], и служат для описания самих творцов-создателей (субъектов творческой деятельности) или результатов/продуктов таковой деятельности, в процессе которой обычные вещи применяются неординарным способом.

Лексема “creative” вербализует, как правило, *весь творческий процесс*, в котором вещи/субъекты, не существовавшие ранее, приобретают форму и становятся реальными. У лексем-репрезентантов “original” более узкие рамки, она актуализирует более специфичные КП, указывая на творца не как на создателя, а как на источник: original mind продуцирует новые идеи, оригинальный подход. *Creative mind* имеет более широкие границы в языковом сознании носителя языка, как бы объединяя плоды жизненного опыта и воображения оригинальным способом с целью воссоздания реальности в новой форме [9, с. 129]. В то время как лексем-репрезентанты “creative” и “original” в тандеме актуализируют КП «ум/умственные способности», “creative” и “imaginative” номинируют КП «воображение». Так, великие литературные труды являются продуктом работы творческого воображения (**creative imagination**), но сами творцы/создатели таких трудов, как правило, детерминируются как *imaginative writers* (писатели, работающие в жанре художественной литературы, наделенные богатым воображением), но не creative. Лексема “creative” номинирует КП «выдающиеся способности», акцентируя особые творческие способности человека. К примеру, в рекламном агентстве creative people are the artists and writers, в отличие от бизнесменов, бухгалтеров. Стоит особо отметить, что в современном языковом сознании, лексема “creative”-репрезентант концепта “creativity” претенциозно применяется в рекламном бизнесе с целью вербализации понятия «что-то новое, другое/отличное от других»: e. g. *creative hair styling* – креативные прически.

Лексем-репрезентанты “imaginative” и “inventive” репрезентируют признак «фантазия/гибкость ума», обе лексем-репрезентанты вербализуют КП «чрезвычайно оригинальный». Но между ними также есть и отличительные признаки. Так, “*imaginative person – одаренный богатым воображением*” обладает способностью представлять/рисовать в своем воображении образы предметов, отличающиеся от их реального вида. “*Inventive person – изобретательный человек*” находит способ, как по-новому использовать привычные вещи/предметы. Таким образом, можно сделать вывод, что лексема “inventiveness” актуализирует практический признак концептосферы “creativity”, в то время как “imagination” является ключевой лексемой, номинирующей признак ментальной репрезентации исследуемой концептосферы.

“**Resourceful** mind – находчивый ум” разрешает проблемы, не смотря ни на какие существующие ограничения, применяя всевозможные, имеющиеся средства по достижению результата. К примеру, находчивый ребенок накрывает каким-нибудь полотном обычный столик, тем самым, превратив его в домик для своих игр [9, с. 130].

“**Ingenious** child – искусный (изобретательный+находчивый) ребенок/выдумщик” помимо того, что, например, такой ребенок изобретательный и находчивый, он к тому же ещё и необыкновенно умный. Проявление такого ума и,

возможно, изобретательности может быть абсолютно спонтанным, т. е. без особой для этого необходимости. Зачастую эта лексема является комплиментарной, одним из языковых средств выражения удивления/поражения по поводу необыкновенной способности человека умело, ловко разрешать проблему очень оригинальным способом.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что семантическое ядро лексем “inventive” и “resourceful” концептов-формантов “inventiveness” и “resourcefulness” принадлежит ПЦ [Embodiment], а семантема лексем “imagination”, “originality”, “ingenuity”, “creativity”, объективирующих одноименные концепты, формирует ПЦ [Cognition].

Поскольку исследуемые нами концепты относятся к категории абстрактных и актуализируют способности и качества человека, целесообразным было проведение анализа различных подходов к изучению **творчества** в философии и психологии, что подтверждается фактом о междисциплинарности когнитивной лингвистики. Анализ механизма творчества в философии и психологии позволил обнаружить аргументы в пользу акцентуации основных прототипов концептуальной сферы “creativity”, которые позволяют отразить её бинарные характеристики: “**cognition**” как совокупность ментальных (духовных) признаков и “**embodiment**” («овеществление») как комплекс материальных (опредмеченных) признаков концептосферы. На основании данных междисциплинарного анализа представляется убедительным предположение о том, что концепты “**creativity**” и “**imagination**” формируют **ядро концептосферы** “creativity”.

Методик исследования концептов довольно много, но особенно результативными являются комплексные лингвокогнитивные описания концептов, так как чем больше методов и приемов использует исследователь, тем больше признаков концепта он выявит и тем ближе к истине будет построенная модель концепта. Базовый образ концепта выявляется с помощью экспериментальных психолингвистических методов. По мнению А. А. Залевской, ассоциативный, параметрический, признаковый, прототипный и ситуационный подходы с ключевыми для них понятиями можно отнести к числу ведущих направлений при выявлении и описании значения как достояния индивида. Ассоциативный подход подразумевает выявление, изучение и анализ ассоциативного значения той или иной лексемы, репрезентирующей соответствующий концепт. Автор особо подчеркивает принципиальное различие в трактовке ассоциативного значения Аристотеля, «механистически трактующей ассоциацию как продукт частоты повторения некоторых смежных или сходных...элементов» и современным понятием *ассоциативного значения*, которое «сформировалось в ходе поисков специфической внутренней структуры, глубинной модели связей и отношений, которая складывается у человека через речь и мышление, лежит в основе «когнитивной организации» его многостороннего опыта и может быть обнаружена через анализ ассоциативных связей слова» [2, с. 216].

Джеймс Диз в работе «Структура ассоциаций в языке и мысли» обобщил опыт экспериментальных исследований ассоциативного, а также и категориального значения, которое проявляется при свободном воспроизведении слов через объединение их испытуемыми в семантически или тематически связанные группы («*кластеры*»). Методика ассоциативного подхода способна показать, по мнению Д. Диза, как «мысль отражается в языке» [7]. А. А. Леонтьев, в свое время, отмечал, что выделенные методом Д. Диза факторы можно интерпретировать как семантические компоненты слов, что служит доказательством принципиального единства психологической природы семантических и ассоциативных характеристик слов [4]. Такие ассоциативные характеристики формируют непосредственно *когнитивный слой* того или иного концепта. Следовательно, проведение свободного ассоциативного эксперимента является одним из наиболее важных и необходимых способов анализа концептов.

В проведенном нами эксперименте приняли участие реципиенты-носители английского языка в возрасте от 18 – 55 лет, являющиеся представителями сферы образования. Испытуемым предлагалось записать пришедшие им в голову реакции на сло-

во-стимул. Получено около 350 ассоциативных реакций. При обработке результатов сходные по смыслу ассоциаты обобщались. Полученные данные были распределены по семантическим группам/ кластерам:

1) ассоциаты по цвету: *colour, orange, lime green* (цвет ассоциируется с тем интерьером, в котором осуществлялся творческий процесс, генерирование идей – “creativity room”) – 2 %;

2) эмотивные ассоциаты: *loathing, pain, emotion, anguish, envy, exhilaration, frustration, fear, panic, excitement, depression* – 8 %. Спектр эмоций, испытываемых в процессе творчества, достаточно разнообразен: от позитивных до негативных. Объясняется это тем, что поведение человека слабо предсказуемо потому, что каждый человек, наделенный воображением, представляет себе свою цель и способ её достижения по-своему, но не может точно представить конечный результат своих усилий;

3) возрастные: *youth* – 1 %. Немногочисленный кластер, но у некоторых, тем не менее креативность, как способность творческой личности, ассоциируется с молодежью;

4) оценочные: *odd, unique, versatile, original, deep, practical, hard-working, modern, fashionable, not conventional, new, instinctive, productive, individual, virtuoso, genius, quality* – 7 %;

5) теологические ассоциаты: *God, Master* – 1 %. В современном языковом сознании, как показывают результаты данного эксперимента, а также анализ словарных статей, отмечается тенденция к постепенному смещению ядерного теологического компонента на место периферийного;

6) ассоциаты по профессиональной принадлежности: *architects, dramatists, artists, novelists, poets, students* – 9 %;

7) ассоциаты по сфере творческой деятельности: *graphics, writing, architecture, pop-art, art-deco, design, art, embroidery, knitting, craft, cooking, cubism, surrealism, drama, poetry, typography, industry, fashion, education, pottery, patchwork, flower arranging, cake decorating, music, singing, dancing, window displays, jewellery, garden design, opt-art, art-nouveau, sewing* – 35 %;

8) ассоциаты по психологическим способностям и качественным характеристикам: *imagination, individuality, intuition, insight, intelligence, inspiration, vision, thinking “outside-the-box”, flexibility, open-mindedness, knowledge, free-association, sensitivity, ingenuity, ability to produce fresh thoughts and ideas, inborn quality, talent, inventiveness, originality, eloquence, sensibility, optimism, thought, personal touches, personalization, creative potential, lateral thinking, talent* – 23 %;

9) ассоциаты по фазам механизма творческого процесса: *production, planning, innovate, advertise, people getting together, brainstorming, interaction, movement, exploration* – 5 %. В этом семантическом кластере, по мнению многих реципиентов, немаловажную роль играет совместная творческая деятельность/ продуцирование новых идей/ работа в команде;

10) ассоциаты по конечному продукту творческой деятельности (в основном, в искусстве): *painting, drawing, masterpiece, artistic expressions, sculpture, fabrics, creation, splashed paint, abstract creations, fabricating Scottish monsters, invention* – 8 %;

11) персонифицированные ассоциаты: *Picasso, my friend (Marina)* – 1 %. Эту семантическую группу представляют всего 2 ассоциата, т.е. в языковом сознании реципиентов процесс вербализации абстрактного концепта “creativity” осуществляется с помощью персонификации этого понятия.

В результате проведенного эксперимента можно сделать вывод о том, что когнитивный слой концепта “creativity” представлен, в основном, психологическими ассоциатами (mental skills – 23 %) и ассоциатами по сфере творческой деятельности (35 %), т.е. в какой конкретно области человек может реализовать свой творческий потенциал. Как подтверждают результаты проведенного эксперимента, ядро абстрактного концепта репрезентируется на когнитивном уровне посредством

конкретных понятий и представлений. Данные, полученные экспериментальным путем, убеждают нас в том, что методика ассоциативного эксперимента может широко применяться для выявления когнитивных слоев концептов, вербально репрезентированных в сознании носителей языка, а также наглядно свидетельствуют о том, что приводимые толковыми словарями сведения недостаточны для объективного структурирования концепта. Следовательно, создание наиболее полной языковой картины того или иного концепта заключается в умелом сочетании метода ассоциативного эксперимента с другими лингвистическими методами и приемами исследования концептов.

Список литературы

1. Гилфорд Дж.. Три стороны интеллекта // Психология мышления : Сб. переводов с нем. и англ. : пер. с нем., англ. / ред. А. М. Матюшкин ; вступ. ст. А. М. Матюшкин . – М. : А/О Издат. группа «Прогресс», 1965 . – С. 433 – 456.
2. Залевская А. А. Психолингвистические исследования: слово, текст: избр. тр. / А. А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
3. Кронгауз М. А. Семантика: учеб. для вузов. – М. : Изд-во РГГУ, 2001. – 399 с.
4. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 308 с.
5. Пинкер, С. Язык как инстинкт // пер. с англ. Е. В. Кайдаловой ; общ. ред. В. Д. Мазо. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 456 с.
6. Фрумкина Р. М. Семантика и категоризация. – М. : Наука, 1991. – 168 с.
7. Deese, J. The structure of associations in language and thought. – Baltimore : The John Hopkins Press, 1965. – 216 p.
8. Geeraerts, D. Diachronic Prototype Semantics : a Contribution to Historical Lexicography. – Oxford : Clarendon Press, 1997. – 207 p.
9. Hayakawa S., Fletcher P. Cassel's Modern Guide to Synonyms and Related Words. – London : Cassel, 1971. – 707 p.
10. Koivisto-Alanko, P. Abstract Words in Abstract Worlds: Directionality and Prototypical Structure in the Semantic Change in English Nouns of Cognition : Dis / P. Koivisto-Alanko. – Helsinki: Soc. neophilol, 2000. – 270 p.
11. Simons D. J. An Abstract to Concrete Shift development of biological thought: the insides story / D. J. Simons, F. C. Keil // Cognition. – 1995. – Vol. 56. – P. 129 – 163.
12. <http://www.britannica.com>

PSYCHOLINGUISTIC INSIGHTS INTO STRUCTURING THE CONCEPT OF CREATIVITY

A. N. Doborovich
V. A. Kuzmicheva

*Belgorod National
Research University*

e-mail:
doborovich@bsu.edu.ru
vkuzmicheva@bsu.edu.ru

The article is aimed at contributing to the literature on psycholinguistic analysis of concepts of abstract nouns. We first engage in a theoretical inquiry on psychological studies of creativity and, in particular, on the consecutive stages of the creative process. We further propose psycholinguistic grounds for concept representation. That enables us to group abstract nouns with an underlying concept of creativity and explain the mechanism of its concept representation, taking into consideration the results of the associative experiment.

Keywords: psycholinguistics, cognitive linguistics, concept, theory of prototypes, associative experiment.

УДК 81-114.2

ДЕЙКТИЧЕСКОЕ СМЯГЧЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНТЕРВЬЮ РОССИЙСКИХ И НЕМЕЦКИХ ПОЛИТИКОВ)

С. Ш. Каракулова*Волгоградский
государственный
университет**e-mail:
skarakulova@mail.ru*

В статье раскрывается дефиниционное содержание понятия дейксиса. Предпринимается попытка выявления основных характеристик дейктического смягчения в политическом дискурсе с точки зрения лингвистики. На основании изученного фактического материала делается вывод о том, что благодаря использованию политиком дейктических конструкций происходит отсылка к подразумеваемому предмету высказывания в целях избежания конфликтных ситуаций, сохранения положительного коммуникативного имиджа, а также создания благоприятного тона общения.

Ключевые слова: дейксис, дейктическое смягчение, митигация, политический дискурс, митигативный субститут.

Как известно, политика играет не последнюю роль в современном мире, охватывая все сферы деятельности человека, и управляя развитием государства и общества. При этом возрастает и конкуренция среди политиков, к которым предъявляется ряд требований, среди которых ораторское искусство. Именно поэтому политик сталкивается с такой необходимостью, как правильный выбор таких языковых средств, которые помогут ему привлечь аудиторию на свою сторону и удержать власть – базовый концепт политической арены.

Следует указать на то, что политическая коммуникация обладает определенным набором понятий, которые образуют так называемое тематическое ядро и формируют жанровую структуру. Е. И. Шейгал относит данные понятия к дискурсообразующим концептам [11, с. 24].

Дискурсообразующие концепты, как правило, носят прагматически обусловленный характер и отсылают к внеязыковым объектам. В политическом дискурсе существуют различные способы отсылки к таким концептам, одним из которых выступает дейксис.

Дейксис – «указание как значение или функция языковой единицы, выражаемое лексическими или грамматическими средствами» [6, с. 128]. При этом дейктическим считается такой элемент, в состав значения которого входит идентификация объекта (ситуации, места, момента времени, предмета и пр.) через его отношение к речевому акту и его участникам, или контексту [2, с. 16]. Как отмечает Н. Д. Арутюнова, дейксис принадлежит к прагматике, т. к. непосредственно связан с ситуацией речи, контекстом [1, с. 5-6]. Дейксис может включать в себя «указание на участников речевого акта (ролевой дейксис) – говорящего и адресата...; указание на предмет речи...; указание на степень отдаленности объекта высказывания...; указание на временную и пространственную локализацию сообщаемого факта (хронотопический дейксис)...» [6, с. 128]. Выделяют два вида дейксиса: собственно дейксис (парадигматический дейксис), ориентированный на внеязыковую действительность, и анафора (синтагматический дейксис), ориентированный на внутреннюю структуру текста (В. А. Виноградов, К. Бюлер, Е. М. Вольф, Е. В. Падучева и др.).

Как отмечает Е. М. Вольф, «под дейксисом обычно понимается указание на такие элементы ситуации, как говорящий, собеседник, время и место, а также все то, что может быть обозначено как непосредственно относящееся к акту речи (лица и предметы, присутствующие в данный момент, временные отношения непосредственно к акту речи и т. п.)», в то время как «под анафорой – указание на элементы

контекста (т. е. указание на идентичность одного акта речи или его элементов другому акту речи или его элементам)» [4, с. 6].

При этом грань между собственно дейксисом и анафорой не является незыблемой. По выражению Е. М. Вольф, подразумеваемый контекст при дейктическом указании соответствует эксплицитному контексту при анафоре [4, с. 6].

К. Бюлер, рассматривая поле дейксиса, выделяет три способа указания:

1) наглядный (*ad oculus*) – прямое указание при помощи жестов и указательных слов, которые относятся к конкретным чувственно-воспринимаемым объектам;

2) анафорический (*anaphora*) – указание с помощью вербальных средств в границах дейктического поля или текста;

3) дейксис к воображаемому (*deixis ad phantasma*) – указание на абстрактное или символическое место, находящееся в так называемых глубинах памяти [3, с. 75].

В современной лингвистике учеными выдвигаются различные виды дейксиса: социальный [5], количественно-оценочный [12], коммуникативный [8], дискурсивный или текстовый [7] и др.

В рамках настоящей статьи в фокусе нашего внимания оказывается дейктическое смягчение, которое является разновидностью митигации. С. С. Тахтарова определяет митигацию как «коммуникативную категорию, основным содержанием которой являются стратегии иллокутивного смягчения, служащие оптимизации речевого контакта» [9, с. 161].

Рассматривая феномен пропозиционального смягчения, мы отмечали, что в потенциально конфликтных ситуациях общения говорящий субъект вынужден смягчать пропозициональное содержание своих высказываний, чтобы сохранить позитивный фон беседы и не обидеть своего партнера по коммуникации. Данное смягчение может быть достигнуто путем использования самой широко-референтной лексики.

По словам С. С. Тахтаровой, «в случае использования данных слов в коммуникации происходит процесс дейктического указания на предполагаемый предмет сообщения, субституированный в высказывании указанной лексикой» [10]. Так, к примеру, такие неопределенные местоимения, как рус. *кое-что, что-то, это*, нем. *etwas, irgendwas, so etwas, so was, irgendetwas* могут выступать в качестве дейктического указания на то, что подразумевается, и тем самым заменять нежелательную лексику.

Политики могут не называть вещи своими именами, не обостряя тем самым и без того напряженную ситуацию в стране по ряду социальных вопросов, что наглядно можно проследить в следующих примерах:

- *Что же касается налогообложения сверхдоходов, сейчас у нас обсуждается идея так называемого налога на роскошь. Это, может быть, позволит отбалансировать какие-то социальные интересы* [14].

- *В общем, если всё будет нормально, если не будет каких-то драматических падений на фондовом рынке, то я считаю, что мы соберём приличные деньги* [14].

Как видно из примеров, понятно, о чем идет речь в высказываниях, но нельзя однозначно утверждать, какие конкретно «драматические падения», «социальные интересы» подразумевал Д. А. Медведев.

Аналогичную тенденцию в употреблении подобных митигативных субститутов можно наблюдать и в речи немецких политиков. Сравните:

- *Man mag sich punktuell dafür begeistern können, dass so etwas in kürzester Zeit entschieden werden kann. Wer aber ein Herz für die Menschen hat, sieht auch die Schattenseiten, die mit so etwas verbunden sind: zum Beispiel Menschen, die für ein großes Projekt aus ihren Vierteln vertrieben werden, auch die oft schwerwiegenden Umweltfolgen* [18].

- *Die wirtschaftspolitische Koordinierung in Europa ist viel zu schwach ausgeprägt, sie muss gestärkt werden, was etwas anderes ist als mehr Kompetenzen für Brüssel* [17].

Рассеивание фокуса внимания, так называемая деактуализация, может происходить, как было отмечено выше, и за счет использования безличных или неопределенно-личных форм *некоторые, кто-то, кое-кто, что-то*:

– *Каждая страна имеет право пускать или не пускать кого-то на свою территорию, это нормально, причём без объяснения причин [14].*

– *Кое-кто, не поняв, в чём дело, поднял крик, что Рогозин, мол, хочет слить Роскосмос и Объединённую авиастроительную корпорацию [15].*

– *Я не знаю, насколько это будет дискриминацией. Конечно, если вкладчики что-то потеряют, то это плохо. У нас тем более всё время просят оказать помощь Кипру [14].*

– *Если кто-то вдохновится нашей экономической ситуацией, я не вижу в этом ничего плохого [14].*

В немецких высказываниях в данном случае речь идет о таких безличных местоимениях, как *irgendwelche, jemand, irgendetwas* :

– *Ich akzeptiere ausdrücklich, dass sich jemand Gedanken macht, wie die CDU am meisten Stimmen bekommen kann [21].*

– *Irgendwelche zentralen Schalthebel zum Beispiel in Madrid oder in Berlin funktionieren da nicht [19].*

– *Mal war der Computer nicht gut genug, mal konnte man nicht reisen, immer war irgendetwas, das als Entschuldigung diente, weil man ja nun mal nicht konnte, wie man wollte [20].*

Но, помимо существования дейктической отсылки к предполагаемому предмету высказывания, данное смягчение может использоваться в тех случаях, когда субъект говорящий может называть не себя, а отсылать к некому неопределенному субъекту. Данный коммуникативный ход позволяет политику сохранить свой коммуникативный имидж. В речи это проявляется путем использования таких безличных конструкций, как рус. *так сказать, как говорится, как говорят*, нем. *wie man sagt, sozusagen* и др.

– *То есть в этом смысле мы вошли, так сказать, снова в мировую элиту зимних видов спорта [13];*

– *Как говорится, с больной головы на здоровую [15];*

– *Na ja, es ist ein Zugang, sich sozusagen kenntlich zu machen und auch gehört zu werden [16];*

– *Das Zweite, was wir bieten können als Land und als Staat, das ist eine gute Bildung, so dass jeder auch den Zugang hat, sich sozusagen gebildet genug fühlt, da mitzumachen [16].*

Таким образом, дейктическое смягчение проявляет себя в процессе коммуникации как коммуникативная деактуализация, когда происходит «рассеивание» фокуса внимания с тех аспектов высказывания, которые в силу определенных причин политик обозначает не прямо, а косвенно. В результате дейктического смягчения происходит отсылка к предполагаемому предмету в высказывании. Благодаря использованию дейктических конструкций типа рус. *кое-кто, что-то, какой-то, так сказать* и др., нем. *irgendetwas, jemand, sozusagen* и др. автором нежелательной информации выступает некое третье лицо, а не сам политик. Такое речевое поведение в политическом дискурсе позволяет политику сохранить коммуникативный имидж, избежать конфликта, спасти лицо и создать гармоничную атмосферу общения.

Показательным в данном случае выступает вышеупомянутое высказывание Д. О. Рогозина, который в целях избежания конфликта не называет имени своего «обидчика», обозначив его неопределенно-личным местоимением *кое-кто* («*Кое-кто, не поняв, в чем дело...*»), тем самым не только устранив конфликтной ситуации с оппонентом, но и сохранив в глазах электората положительный коммуникативный имидж.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 16. – М.: Прогресс, 1985. – С. 3 – 42.
3. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М. : Прогресс, 2000 – 528 с.
4. Вольф Е. М. Грамматика и семантика местоимений / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1974. – 224 с.
5. Дрига С. С. Социальный дейксис массовой коммуникации: автореф. дисс. ... канд.филол.н.: 10.02.19. / С. С. Дрига. – Тверь, 2008. – 20 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 709 с.
7. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
8. Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект / РАН. Ин-т языкознания / Н. К. Рябцева. – М. : Academia, 2005. – 640 с.
9. Тахтарова С. С. Коммуникативная личность в параметрах смягчения (на материале художественной коммуникации) // Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология. Искусствоведение». 2008. Вып. 21. – № 16 (117). – С. 158 – 165.
10. Тахтарова С. С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты): [монография] / С. С. Тахтарова; науч. ред. В. И. Шаховский; ГОУ ВПО «ВолГУ». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. – 382 с.
11. Шейгал Е. И. Культурные концепты политического дискурса // Коммуникация: теория и практика в различных социальных контекстах: материалы Международной научно-практической конференции «Коммуникация – 2002». – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – С. 24 – 26.
12. Шейгал Е. И. Градация в лексической семантике / Е. И. Шейгал. – Куйбышев: Куйбыш.гос.пед.ин-т, 1990. – 96 с.
13. <http://government.ru/news/10719/>
14. <http://government.ru/news/163/>
15. http://government.ru/vice_news/7014/
16. <http://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Interview/2012/02/2012-02-09-merkel-politik-digital-buergerdialog.html>
17. <http://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Interview/2013/06/2012-06-02-merkel-spiegel.html>
18. <http://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Interview/2013/07/2013-07-11-merkel-zeit.html>
19. <http://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Interview/2013/07/2013-07-03-merkel-sz.html>
20. <http://www.bundeskanzlerin.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Interview/2010/10/2010-10-03-merkel-bams.html>
21. <http://www.cdu.de/artikel/bouffier-schwarz-gelbes-erfolgsmodell-fortsetzen>

DEICTIC MITIGATION IN THE POLITICAL DISCOURSE (BY THE MATERIAL OF THE INTERVIEWS OF RUSSIAN AND GERMAN POLITICIANS)

S. S. Karakulova

Volgograd State University

e-mail:
skarakulova@mail.ru

The article reveals the definitional meaning of the concept of deixis. The author aims to identify the basic characteristics of deictic mitigation in the political discourse from the viewpoint of linguistics. The language material under analysis allows to conclude that when politicians use deictic constructions they refer to some inferred objects in their statements for the purpose of avoiding conflict situations, saving their communicative image and constructing a favorable colour of communication.

Keywords: deixis, deictic mitigation, mitigation, political discourse, mitigative substitute.

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОМ ХАРАКТЕРЕ ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ БИБЛЕЙСКИХ ПЕРЕВОДОВ

В. И. Карпов

*Институт
языкознания
Российской
академии наук*

*e-mail:
vilkar@yandex.ru*

В статье описываются способы использования субстантивных словосочетаний и композитов для выражения межтекстовых связей в готских библейских переводах. Интертекстуальность выражается в наличии тех элементов, которые могут связывать готские переводы с корпусом автохтонных древнегерманских текстов, отражающих общие мифопоэтические концепции. В их основе лежат базовые представления, для выражения которых используется набор стандартных средств, чей выбор обусловлен тем или иным способом оформления данных представлений.

Ключевые слова: готский язык, теория интертекстуальности, библейский перевод, сложные слова, словосочетания.

Интертекстуальность, понимаемая как феномен взаимодействия текста с другими текстами, предшествовавшими ему либо сосуществующему с ним во времени и составляющими единое семиотическое пространство [1], выражается в древнегерманских библейских переводах в наличие тех элементов, которые связывают их с корпусом автохтонных памятников – эпическими и героическими песнями древних германцев. В основе таких текстов лежат базовые представления, отражающие некоторые общие мифопоэтические концепции разных народов. Для их выражения используется набор стандартных средств, выбор которых обусловлен тем или иным способом оформления данных представлений. Наиболее важными среди таких средств являются именные композиты и субстантивные словосочетания [2].

Живой интерес к изучению сложных слов и субстантивных словосочетаний в германских языках объясняется довольно просто: в силу прозрачности их морфологического оформления, стабильности структурных моделей и потенциальной функционально-семантической взаимозаменяемости подобные единицы кажутся благодатным материалом для исследования. Высокая частотность употребления рассматриваемых единиц в роли стилистических фигур, подобных древнегерманским поэтическим формулам, подтолкнуло нас к постановке вопроса об интертекстуальном характере ранних переводов Библии, в которых каждая из рассматриваемых фигур, формально выражаемых субстантивными словосочетаниями, может расцениваться как точка кросскультурного контакта благодаря общности мифопоэтического и эпического творчества у разных этносов [3, с. 37 – 38].

Несмотря на специфичность композиционного построения новозаветных текстов и наличие идиоматических оборотов речи, присущих греческому языку палестинско-иудейского ареала, их понимание и интерпретация древними германцами при переводе на родной язык происходили в контексте близких им литературных форм со стандартным для них набором текстообразующих средств [4]. Связность является базисной характеристикой текста: элементы, обеспечивающие связь между отдельными частями произведения, формируют динамическую парадигму так называемых «синонимических текстов», которые могут быть рассмотрены как инварианты «основного мифа», отличающиеся друг от друга степенью развернутости и особенностями структурной организации. Такого рода тексты-перифразы содержат в себе явные или скрытые указания на некий прототекст [5, с. 90], а взаимодействие между ними происходит в уже существующей текстовой среде, так что все тексты находятся в диалогических отношениях. Таким образом, всякий текст является скрытой репликой в сторону более известного текста и существует как точка пересечения множества интертекстуальных связей (см. об этом подробнее [6, с. 102; 7, с. 49 – 56]).

Готские переводы представляют оптимальный материал для анализа. Среди всего корпуса дошедших до нас ранних переводов Библии они занимают особое место: во-первых, готские тексты являются наиболее древними из сохранившихся памятников древнегерманской письменности (V – VI вв. н. э.), во-вторых, они представляют собой одну из первых попыток перевести Библию на «варварский» язык, в-третьих, уникальность готского перевода заключается в том, что он был сделан с греческого оригинала, в то время как на другие германские языки – с латинского.

Проблема установления интертекстуального характера ранних библейских переводов требует детального и глубокого анализа, она, к сожалению, не может быть в должном объеме отражена в рамках отдельной работы. Мы считаем возможным наметить пути ее решения, рассмотрев в качестве примера способы использования композитов и субстантивных словосочетаний с приименным родительным для выражения межтекстовых связей в готских новозаветных переводах. Наиболее показательным можно проиллюстрировать специфическую роль, которую играют исследуемые единицы, на двух уровнях: а) в концептуальной сфере будет показано, как композиты и именные словосочетания выступают средствами выражения пространственно-временных отношений в древнем тексте; б) в лексико-семантической сфере – каким образом строится идиоматизация именных словосочетаний.

Древнегерманские мифопоэтические представления о пространстве и времени связаны с понятием пространственно-временного континуума, или хронотопа. Данный термин был введен М. М. Бахтиным, предложившим рассматривать текст как художественно освоенную в литературных произведениях взаимосвязь временных и пространственных отношений [8, с. 235]. Нераздельность пространства и времени в древних текстах также проявляется на разных уровнях: мы имеем дело, с одной стороны, с конкретными языковыми обозначениями, а, с другой стороны, с соединением пространственно-временных показателей в одном контексте.

1. Языковые обозначения соответствующих понятий:

а) готская единица соответствует общегерманской лексеме с более общим значением, например, гот. *mel* «время, час» наряду с аналогичными древнегерманскими лексемами может восприниматься как отражение более общего смысла единицы меры, хотя подобные контексты в готских переводах почти не зафиксированы, ср.: *mel fraistubnjōs* – «время/момент прегрешения», *mel gabaurþais* – «время/час рождения», *mel niuhseinais* – «время/час посещения», *mel smakkanē* – «время/срок смокв»; готское слово соотносится прежде всего с некоторым действием, совершаемым в определенный отрезок времени, в то время как, например, древнеисландская лексема *tal* могла обозначать как временной отрезок, так и расстояние или меру;

б) готская единица соответствует общегерманской лексеме с пространственным значением, например, гот. *hveila* «время, час» (в сочетаниях *hveila nahtamatis* – «время ужина», *hveila þumiamins* – «время каждения») и ди. *heimr* «мир», которые семантически связаны между собой общим значением покоя (ср. готский глагол *gahveilan sik* «успокоиться» и существительное *gahveilan* «покой»);

в) готская единица соответствует древнегерманской лексеме с тем же значением, которая коррелирует с лексемой с темпоральным значением, восходящей к общему корню, например, гот. *staþs* «место» (в словосочетаниях *hvairneins staþs* – «лба место (Голгофа)», *and allans stadins þis bisunþane landis* – «со всех мест окраинных земель» и композитах *lukarnastaþa* «подсвечник», *hunslastaþs* «жертвенник», *motastaþs* «таможня») – ди. *staðr* «место», двн. *stad/stedi* «место», – ди. *stund* «время», двн. *stunta/stunda* «время»;

г) готская единица соответствует древнегерманской лексеме с тем же значением, отражающей представление о пространстве как круге, например, гот. *wiko* «неделя» – ди. *vika* «неделя» (ср. глагол *vikjan* «вращать»), да. *wucu* «неделя» и двн. *wehha* «неделя»; примечательно, что в готском тексте в одном из контекстов данная лексема прямо указывает на цикличность совершаемого действия: *miþþanei gadþinoda is in wik-*

on kunjis seines [Лк 1, 8] – «когда же служил он в неделю рода своего (т.е. в порядке очереди)».

2. Соединение пространственно-временных показателей в одном контексте:

а) пространство мыслится как совокупность всех известных обитаемых местностей (пространственный максимум), время исчисляется наименьшей единицей (временной минимум), в результате чего создается ось пространственно-временного напряжения: jah ustihans ina diabulau ana fairguni hauhata, ataugida imma allans řiudinassuns řis midjungardis in stikla melis [Лк 4, 5] – «и вознес Его дьявол на гору высокую и показал Ему все царства Вселенной за миг времени»;

б) пространство мыслится как совокупность всех живущих людей (пространство как человечество), а маркирование временного отрезка осуществляется при помощи сравнений: sai, runa izwis qřba: allai auk ni gaswiltam, řp allai inmaidjanda, suns, in brahva augins, in spedistin řuthaurna [1 Кор, 51 – 52] – «вот, тайну говорю вам, ибо все не умрем, но все изменимся вдруг во мгновении ока при последней трубе»;

в) пространство измеряется временными показателями: dagis wřgs – «дня путь».

Пространство и время рассматриваются в тесной связи с деятельностью персонажа: первое указывает на место, где произошло то или иное событие из его жизни, второе – на конкретный срок и последовательность. Деятельностный компонент по-особому структурирует пространственно-временные отношения, однако и он в свою очередь зависит от изначально заданной и предопределяющей структуру текста основы, исходного пункта – мифа как смыслостроительной конструкции [9, 476-477]. В итоге текст рассматривается как мифо-ритуальное целое, конструктивные части которого не противопоставлены друг другу, а служат достижению одной цели – формированию общезначимой мифопоэтической парадигмы, которая отчетливо обнаруживается в текстах так называемого «усиленного типа» (в том числе и религиозных), отражающих мифопоэтическую концепцию пространства [10, 342]. Согласно данной концепции, все значимые части пространства поименованы: определяется центр и периферийные участки, пределы пространства и границы между составными частями, верхняя и нижние точки; само пространство может рассматриваться как совокупность путей, а понятие пути становится ключевым для характеристики пространства.

Пространство не должно мыслиться узко – в мифопоэтическом тексте оно представляет собой сложно организованную структуру, которая может разворачиваться в параллельных повествованиях [11]. Наложение схемы древнегерманского мифологического представления о пространстве на библейский контекст дает следующие результаты:

1. Центр пространства

а) ветхозаветная традиция предписывает считать центром мира (в том числе и географическим) Иерусалимский Храм (alhs frauřins – «Храм Господа»), точнее, его главный алтарь в «Святая Святых» (hunslastaps řumianins – «жертвенник кадила»), который часто именуется «Господом мира» (он также упоминается и в Новом Завете, ср. frauřa gawairřjis);

б) в Новом Завете пространство текста организовано вокруг образа Иисуса Христа, который олицетворяет собой и центр мира в христианском понимании: там, где Господь, и есть центр всего, поэтому для наименования Его используется целый ряд парных именных словосочетаний, сходных по своему назначению с кеннингами, например, haubřp aikksesjons – «глава церкви (т. е. всего христианского мира)»; Иисус, называя себя сыном Человека, говорит, что властен Он не только над пространством, но и над временем (ср. frauřa sabbato – «Господин субботы»), причем часто используется лексема, с помощью которой в евангельских текстах обозначаются земные цари, например, řiudans aiwe – «царь веков», так что в одном наименовании соединены и пространство, и время;

в) совмещение пространственных измерений в новозаветных текстах имеет прямое идеологическое значение – утверждение, что главой мира является Иисус Христос и Его учение; иносказательный смысл, по мнению составителей текстов, обычно не понимается и требует разъяснения с помощью более близких и обыденных образов: Иисус входит в главный Храм, который Он называет «домом Отца» и который в понимании иудеев является центром мира, и начинает в нем проповедовать;

2. Пределы пространства

а) Вселенная имеет свои границы (ср. *and andins midjungardis* – «до пределов Вселенной»), которые определяются не географически, а скорее мифологически: мир людей (*midjungards*) ограничен верхним пределом – миром Бога (*fiudangardi himine* – «Царство небес»), и нижним – областью, где правит Сатана (*in undaristo airfos* – «в преисподнюю земли»); мир Бога – это мир света, в мире дьявола все пребывает во тьме: *analaugn riqizis* – «сокрытое мраком»;

б) мир людей поделен на области, отделенные между собой естественными границами (река, море, гора, пустыня); персонажи во время странствий неоднократно вынуждены пересекать границы данных областей, причем, часто герои таким образом спасаются от преследований, например, *jah aftra galeipands af markom Tyre jah Seidone qam at margin Galeilaie* [Мк 7, 31] – «и вышедши из пределов тирейцев и сидонитов пошел к морю галилейцев»; каждая местность имеет не только административный статус, но и рассматривается как территория, терпимо, дружелюбно или враждебно настроенная к главному герою и его последователям: в случае, если Иисусу угрожает опасность в том или ином населенном пункте, то он отгораживается как бы невидимым кругом – Иисус проповедует в окрестностях, но не решается войти в само поселение (в тексте это объясняется повторяющейся формулой «ибо не пришло еще Его время»), например, *jah qam ana fera Magdalana* [Мк 8, 10] – «и пришел в пределы (т.е. окрестности) Магдалана»;

в) мотив горы занимает особое место как в древнегерманских поэтических произведениях, так и в новозаветных текстах [12]: гора считается наиболее близким к Богу местом, поэтому именно на горе произносятся Иисусом молитвы, направленные к Богу, происходит явление ангелов и древних пророков, слышится голос Бога; неслучайно дьявол, искушая Иисуса, вознес Его на самую высокую вершину, чтобы Его Отец – Бог видел, как дьявол сломит сопротивление Христа, и, наконец, казнь Иисуса тоже состоялась на горе; Иудея была горной местностью, поэтому самые важные события также были связаны с ней (*bairgahei Iudaias* – «горные места Иудеи»), что нашло отражение в рассказах об изгнании Иисусом бесов (в [Мк 5, 9-13] Иисус изгнал бесов из человека в стадо свиней, которое бросилось с горного обрыва в море);

3. Движение от внешних пределов до центра

а) повествование о жизни и деяниях главного героя начинается с описания его зачатия и рождения в одном из удаленных и небольших городов;

б) годы детства и отрочества главного героя проходят среди людей окраинных местностей, однако ребенок попадает с родителями на праздниках и в центр – в Иерусалим, посещая Храм и слушая проповеди;

в) далее главный герой принимает крещение в священной реке Иордан от Иоанна Крестителя, который предсказывает его мессианство; так начинается путь странствий Иисуса;

г) мотив пути пронизывает весь корпус новозаветных текстов; лексемы, обозначающие его, употребляются часто в переносном смысле, например, *wigs fraujiins* – «путь Господа», *wigs gufs* – «путь Бога», *wigs gawairfjiss* – «путь мира»;

д) Иисус обходит практически все земли Палестины, проповедуя Евангелие, и достигает конечного пункта – Иерусалима;

е) кульминационное воплощение мотива – последний путь Иисуса, Его шествие на Голгофу, где происходит Его распятие.

4. Элементы основного (космогонического) мифа

а) в новозаветных текстах указывается на то, что до создания мира существовала некая субстанция, которая не называется и не конкретизируется в Новом Завете (*faur gasatein fairhvaus* – «до создания мира»), но подчеркивается, что информация о ней содержится в Ветхом Завете (*in riqiza jah skadau dauþaus* – «во тьме и тени смерти (т.е. то, что существовало до сотворения Богом дня)»);

б) собственно само создание мира (*at anastodeinai gaskaftais* – «в начале создания») мыслится как акт Божественной воли, что также должно быть известно из Ветхого Завета;

в) Вселенная, созданная Богом, состоит из мира людей (*manaseþs* – «человечество (дословно: людей посев, ср. приведенное выше *gasateins* от того же корня, что и основа *seþ-*)»), мира божественных существ, или ангелов (*aggilus guþs* – «ангел Бога») и мира дьявола, населенного бесами (*mahts unhulþono* – «власть бесов»);

г) предсказание гибели мира связано со знаменами, которые будут предшествовать приходу конца света (*ustaikneins fralustais* – «знамение погибели»), а его наступление проявится в явлении Иисуса Христа (*in quma jah andhuleinai frauþins* – «в приходе и явлении Господа») на облаках (*ana millmam himinis* – «на облаках неба») с сонмом ангелов, которые будут судить людей.

Основным свойством сложных слов и именных словосочетаний является их способность выступать в качестве средств номинации. При анализе номинативной функции данных единиц можно выделить четыре основных типа выражаемых ими номинативных значений:

1. значение раздельнонаправленных композитов и словосочетаний полностью совпадает с суммой значений составляющих их конститuentов; они не типизированы и выражают понятийное содержание ясно и не двусмысленно; к этой группе относятся все единицы с морфолого-семантическим признаком посесивности;

2. характерный признак типизированных композитов и словосочетаний – типизация значения (они обозначают предметы или явления как константные типы) и формы (многие единицы строятся по одной модели); так, по структурному образцу композита *brupfars* «жених» образуются такие лексемы, как *synagogafars* «начальник синагоги», *hundafars* «сотник» и др.; также одной модели следуют композиты со вторыми компонентами *-staps* и *-bagms*. Именные словосочетания часто строятся по такому принципу, например, при обозначении конкретной должности: *fauramarþeis synagogeis* «предстоятель/начальник синагоги»;

3. кумулятивные композиты и словосочетания имеют больший объем содержания, чем это выражено их непосредственно составляющими; в них подразумевается наличие дополнительных элементов, без помощи которых не возможно раскрыть семантику композита или словосочетания. В словосочетании *mel smakpane* «время смокв» имеется в виду период сбора спелых плодов смоковницы; в этом примере мы имеем дело и с моментом типизации единицы: без некоторого обобщения, связанного со знанием аграрных работ, это словосочетание можно было бы перевести и как «время цветения смоковницы», а в примере [Лк 1, 8] *in wikon kunþis seinis* «в неделю рода своего» в составе словосочетания эксплицитно не указывается на то, что речь идет об отрезке времени, когда роду Аарона по жребию нужно служить в храме; более точно эта фраза могла бы звучать: «в неделю служения рода своего»;

4. семантика идиоматичных композитов и словосочетаний не выводится из суммы значений образующих их компонентов: в процессе переосмысления возникает новое значение, которое весьма условно соотносится с семантикой частей композита или словосочетания.

Единицы, относящиеся к последней группе, представляют для нас особый интерес в плане изучения вопроса о возможной корреляции идиоматичных сочетаний в мифопоэтических и ритуальных текстах разных культур.

Интертекст может выполнять функцию передачи информации о внешнем мире, поскольку апелляция к иному тексту потенциально влечет активизацию той ин-

формации, которая содержится во внешнем источнике. Когнитивный механизм воздействия интертекстуальных ссылок обнаруживает сходство с механизмом воздействия таких связывающих различные понятийные сферы операций, как метафора и аналогия. Фразеологические единицы составляют довольно обширную группу в лексиконе. Они отличаются от сходных с ними по форме словообразовательных и синтаксических конструкций тем, что не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации компонентов, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава: задается жесткая композитная или синтаксическая модель при ограниченном выборе лексического наполнения.

Если следовать традиционной классификации фразеологических единиц, принятой в отечественной лингвистике и адаптированной для ряда германских языков (см., например [13, 222-258]), то именные композиты и словосочетания, выступающие в рассматриваемой функции, наиболее полно представлены в двух группах: в качестве фразеологизмов-идиом, для которых характерно слитное значение и утрата мотивировки семантики их компонентов, и фразеосхем, которые отличаются жестко фиксированным сцеплением компонентов при сохранении прозрачности значения и возможной заменяемости одного из составляющих. В этом плане наиболее ярким примером может служить древнеисландский «аллегорический кеннинг» [14, 40-64]. Его отличительная особенность заключается в том, что значение, выражаемое композитом или словосочетанием, всегда конкретно, а связь между значением и формой условна. Чаще всего с помощью кеннинга даются определения богам (*Vilis bróðir* «брат Вили» или *sig-tyr* «победы Тюр» для обозначения Одина), именуются смертные люди (*bekkjárlind* «скамья липа» для обозначения женщины, *unnviggis rungr* «морского коня дерево» для обозначения мужчины), а также предметы вооружения и корабли (*Ögis-hjálmr* «Эгира шлем», т.е. «очень крепкий шлем» или *Ögis asni* «Эгира осел» для обозначения корабля). Многие обозначения богов или лиц и предметов, связанных с ними, а также самих людей осуществляются посредством фразеосхем, например: *goð jarðar* «бог земли» (Один), *himinþjórg* «неба замок» (жилище Хеймдалла), *ljóða synir* «людей сыны» (все люди).

Древнегерманский кеннинг обнаруживает многочисленные соответствия и в других языках. Библейские тексты чрезвычайно богаты идиоматичными конструкциями, многие из которых употребляются по схожему с кеннингами принципу, например: ресницы зари «первые лучи солнца», бич языка «клевета», камень поля «полевой дух», ветер рта «пустословие», первенец смерти «проказа», сосуды неба «облака», двери лица «челюсти», дочь лука или сын лука «стрела».

Готские переводчики избегали излишней свободы при подборе слов, стремясь точно передать структуру оригинальных моделей, особенно, если в основе лежали семитские конструкции. Все фразеологизмы переводились буквально, однако сами тексты при этом не снабжались специальными пояснениями, поэтому семитские обороты в новом контексте могли переосмысливаться либо вызывать в сознании людей ассоциации с похожими конструкциями. Большинство из них выражает концептуально значимые понятия:

а) Бога или Иисуса Христа, например: *frauja himinis jah airþos* «Господь неба и земли», *frauja asanaís* «Господь жатвы», *haubiþ waihstins* «глава угла», *stains bistuggqis* «камень преткновенения», *halls gamarzeinaís* «скала озлобления»;

б) спасение, например: *mizdon praufetis* «награда пророка»;

в) проповедуемое учение (истинное или ложное) и последствия от их проповеди, например: *hlaifs guþs* «хлеб Бога», *waurd galgins* «слово креста», *stikls frauþins* «чаша Господа», *biudis frauþins* «трапеза Господа», *beist Fareisaie* «закваска фарисеев», *stikls skohle* «чаша бесов», *biudis skohsle* «трапеза бесов»;

г) христиане как особая группа людей, например: *wiþrus guþs* «агнец Бога», *barna guþs* «дети Бога», *barna gahaitis* «дети обета»;

д) предметы, имеющие отношение к культу, например: *haur̃n naseiñais* «рог спасения»;

е) люди вообще, например: *sunjus manne* «сыны людей», *barna leikis* «дети плоти»;

ж) противопоставление праведных и грешных, например: *kasa þwarheins* «сосуды гнева», *kasa armaions* «сосуды милосердия»;

з) состояние (душевное или физическое) человека, например: *bandi tuggons* «узы языка (немота)».

Часто один из компонентов словосочетания или сложения используется в качестве интенсификатора общего значения. Выступая в качестве элемента усиления, данная лексема или основа придает высказыванию дополнительную экспрессивность:

а) композиты *naudibandi* «оковы (принуждения узы)», *þutnaur̃n* «труба (шума рог)»;

б) словосочетания: *brunjo garaihteins* «броня праведности», *skildus galaubeins* «щит веры», *hilms naseiñais* «шлем спасения», *meki ahmins* «меч духа».

Однако наиболее показательны, на наш взгляд, те примеры, где можно установить прямые корреляции не только самих моделей идиом, но и их лексического наполнения: ди. *uta synir*, *ljôða synir*, *alda synir* «людей/мужчин сыновья» – гот. *sunjus manne* «сыновья людей», ди. *dômstoll* «судьи престол (судилище)» – гот. *staustols* «судьи престол», ди. *guðrûnar* «Бога тайна» – гот. *runa guþs* «тайна Бога», *runa þiudangardjos guþs* «тайна Царства Бога», ди. *himinsendi* «граница небес» – гот. *andeis himinis* «граница небес», ди. *goð jarðar* «Бог земли» – гот. *frauja airþos* «Господь земли».

В основе значения приведенных выше фразеологических единиц в отличие от «аллегорических кеннингов» лежит метонимический перенос, который допускает условную выводимость значения целого из суммы значений его составляющих. Так, если знать особенность употребления лексемы «сосуд» в библейском контексте, с помощью которого могли обозначаться и люди (по смежности содержания – люди как вместилище души и всех ее свойств), так и многие другие объекты окружающей действительности (по смежности формы – облака, внешне похожие на глиняные сосуды), то можно установить и значение единицы, в состав которой данная лексема входит.

Наиболее частотной в составе именных словосочетаний рассматриваемого типа является лексема сын: гот. *sunjus brupfadis* – «сыны жениха» [Мф. 9,15]; гот. *sunjus þeihvohs* – «сыны грома» [Мк.3,17]; гот. *þai sunjus þis aiwis frodozans sunum liuhdis sind* – «сыны сего века догадливее сынов света» [Лк. 16,8]; гот. *usstassais sunjus* – «воскресения сыны» [Лк. 20,36]; гот. *sa sunus fralustais* – «сын погибели» [Ин. 17,12]; гот. *in sunum ungalaubeiñais* – «в сынах неверия» [Еф. 2,2]. Согласно древнееврейскому обороту речи, слово *ben* (сын) употреблялось во множестве выражений для обозначения качества принадлежности, зависимости, сходства [15, с. 442 – 443]. Во всех случаях употребления при переводе на другие языки оно не заменялось лексическими эквивалентами, несмотря на то, что в и.-е. языках данное слово не обладало столь широким спектром значений. В то же время, сопоставление с данными древнегерманских языков позволяет сделать вывод о том, что данная лексема могла употребляться в той функции, что и ее древнееврейский аналог в библейских текстах.

В заключении подчеркнем, что приведенные в данной статье примеры следует рассматривать прежде всего как попытку определить, насколько возможно на материале древнегерманских библейских переводов установить все многообразие связей между мифопоэтическими традициями разных народов и рассматривать древний переводной текст как точку кросскультурного контакта, где происходит синтез космогонических представлений, бытовавших в среде древних германцев до принятия христианства, с новой концепцией видения мира.

Список литературы

1. Ильин И. И. Интертекстуальность // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины. Энциклопедический справочник. М., 1999. – С. 204 – 207.
2. Карпов В. И. Готские именные сложения и словосочетания. Опыт сопоставительного описания // LAP Lambert Academic Publishing GmbH. Saarbrücken, 2011. ISBN 978-3-8454-2691-4. – 218 с.
3. Сахарный Л. В., Штерн А. С. Набор ключевых слов как тип текста // Лексические аспекты в системе профессионально-ориентированного обучения иноязычной речевой деятельности. Пермь, 1988.
4. Ганина Н. А. Готская языческая лексика. М., 2001.
5. Левый И. Искусство перевода. Москва, Прогресс, 1974.
6. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман // Вестник МГУ. Сер.: «Филология». М., 1995. № 1. – С. 97 – 124.
7. Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999.
8. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
9. Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М., 1995.
10. Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира. Том 2. М., 1982.
11. Топорова Т. В. Семантическая структура древнегерманской модели мира. М., Радикс, 1994.
12. Топорова Т. В. Принципы описания эпического слова: концепт горы в «Старшей Эдде». М., Академия гуманитарных исследований, 2006.
13. Степанова М. Д., Чернышева И. И. Лексикология современного немецкого языка. М., 1962.
14. Стеблин-Каменский М.И. Историческая поэтика. Л., 1978.
15. Нюстрем Э. Библейский словарь. СПб., 2001.

ON THE INTERTEXTUAL NATURE OF THE OLD GERMAN BIBLE TRANSLATIONS

V. I. Karpov

*Institut of Linguistics
of the Russian Academy
of Sciences*

*e-mail:
vilkar@yandex.ru*

The development of the literary Gothic language was much influenced by church Greek. It resulted in some differences in the structure of the mother tongue: enrichment of the clerical vocabulary, issued of neologisms, compound words, loan and foreign words. To the other hand the forming of the written Gothic had in itself the great part of Old German epic tradition. The paper deals with the use of Old German models in the Gothic biblical translations from the point of view of theory of intertextuality.

Keywords: Gothic language, theory of intertextuality, biblical translations, compound words, phrases.

УДК 821.41.09

ПОРТРЕТ ГЕРОЯ В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» И Г. БЁЛЛЯ «ГРУППОВОЙ ПОРТРЕТ С ДАМОЙ» (ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

Л. А. Мельникова

*Балашовский институт
Саратовского
государственного
университета
им. Н. Г. Чернышевского*

*e-mail:
lmechnikova5@mail.ru*

В статье представлен опыт сравнительного анализа портретных характеристик героев романов Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» и Г. Бёлля «Групповой портрет с дамой», в результате которого были выявлены признаки литературного влияния Ф. М. Достоевского на творческие принципы Г. Бёлля в аспекте использования сходных средств портретизации.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Г. Бёлль, Братья Карамазовы, Групповой портрет с дамой, портрет.

Немецкий писатель Г. Бёлль считал Ф. М. Достоевского, наряду с Л. Н. Толстым, одним из наиболее ярких выразителей русской литературы XIX века [4]. Свои взгляды на его творчество он выразил в ответах на вопросы анкеты «Мы и Достоевский» [17]. Некоторые из произведений Г. Бёлля отмечены влиянием этого русского классика, в их числе и роман «Групповой портрет с дамой» (1971), многие герои которого, по мнению некоторых исследователей, «поступают “по Достоевскому”» [9, с. 321].

Цель данного исследования – выявить признаки литературного влияния поэтики Ф. М. Достоевского на творческие принципы Г. Бёлля в аспекте портретизации персонажей посредством сравнительного анализа портретных характеристик героев романов «Братья Карамазовы» и «Групповой портрет с дамой».

Актуальность работы объясняется тем, что сопоставление обозначенных произведений в данном ракурсе позволит приблизиться к пониманию своеобразия творческой манеры Г. Бёлля вследствие литературного влияния Ф. М. Достоевского.

Сопоставительный анализ обозначенных произведений в данном плане еще не проводился, что определяет **новизну** нашей работы.

Степень изученности феномена портрета в отечественном литературоведении достаточно высока (подтверждением тому служат работы Б. Галанова [3], Н. Дмитриевой [5], Л. Дмитриевской [6], Л. И. Кричевской [10], Ю. В. Подковырина [12] и др.), но, на наш взгляд, далеко не исчерпана.

В данной статье мы вслед за Л. Дмитриевской понимаем под портретом «одно из средств создания образа героя с отражением его личности, внутренней сущности, души через изображение (portrait) внешнего облика, являющегося особой формой постижения действительности и характерной чертой индивидуального стиля писателя» [6, с. 90], так как это определение представляется нам наиболее многоаспектным из всех известных нам.

В художественном мире романа «Групповой портрет с дамой» портрету отведено особое место, что акцентировано уже в названии. Помимо индивидуализированных портретов героев в нем представлен и коллективный портрет главной героини Лени Пфайфер, а также групповой портрет немецкого общества 1970-х гг.

В обоих романах ведущими приемами портретизации являются прямые и косвенные характеристики. Созданные посредством их портреты героев обладают различной степенью информативности и полноты. В романе Г. Бёлля это подчеркивается самим нарратором (в романе он называет себя «авт.»): «важные информанты будут описаны с точным указанием их роста и веса» [2, с. 15]. Вследствие этого портретные

характеристики последних зачастую содержат элементы анкеты, хотя и не исключают присутствия психологических деталей. В качестве примера можно привести портрет Лотты Хойзер, подруги главной героини Лени Пфайфер: «год рожд. – 1913, рост – 1 м 64 см, вес – 60 кг, сидящая шатенка, всегда начеку, склонная к диалектическому мышлению, хотя и не слишком образованная...» [2, с. 79]. Данная портретная характеристика совмещает в себе не только описание особенностей внешности героини, но также её поведения, мышления, уровня образованности.

В романе «Братья Карамазовы» подобных анкетных данных в портретах персонажей нет. Из точных данных в них, как правило, присутствуют лишь ссылки на возраст: «Дмитрий Федорович, двадцативосьмилетний молодой человек, среднего роста и приятного лица...был он мускулист, и в нем можно было угадывать значительную физическую силу...лицо его было худощаво...довольно большие темные глаза навыкате смотрели хотя, по-видимому, и с твердым упорством, но как-то неопределенно. Даже когда он волновался и говорил с раздражением, взгляд его как бы не повиновался его внутреннему настроению и выражал что-то другое, иногда совсем не соответствующее настоящей минуте» [7, с. 79].

Сравнив портреты-представления героев в анализируемых романах, мы убедились, что они включают в себя описание не только их внешности, но и характеристику их психологических особенностей. В связи с этим, нам представляется целесообразным обратиться к более широкому пониманию понятия портрет и, на наш взгляд, уместным будет констатировать наличие в обоих произведениях характероцентричных портретов, в которых выделяются такие составляющие, как психологические особенности (умственные способности, моральные качества и личностные характеристики) и социальные характеристики (социальное положение, возраст, образование и профессия персонажа) [11].

Исследователи по-разному оценивают искусство портретирования в творчестве Достоевского. Одни считают, что писатель, «полагаясь на исключительную силу своего психологического видения, явно пренебрегает отделкой внешних черт своих персонажей» [8, с. 146], другие полагают, что в его произведениях «индивидуализация неизбежно оборачивается типизацией» [15, с. 10].

Так или иначе, но создаваемые Ф.М. Достоевским портреты глубоко психологичны. Правда, сам писатель свою задачу видел прежде всего в том, чтобы «при полном реализме найти в человеке человека» [16, с. 457] и отрицал свою связь с психологией: «меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист в высшем смысле, т.е. изображаю все глубины души человеческой» [Там же].

Одним из средств приближения к этим глубинам в произведениях Ф. М. Достоевского и становится портрет. Необходимо заметить, что в романе «Братья Карамазовы» практически всегда знакомству с внешним обликом героя предшествует описание его психологических особенностей и качеств характера. Портретные описания при этом оказываются как бы рассредоточенными в тексте и в процессе повествования по мере развития действия дополняются новыми деталями.

Так, например, о Федоре Павловиче первоначально сказано, что он являл собой тип человека не только дрянного и развратного, но вместе с тем и бестолкового [7, с. 9], далее о нем сообщается, что он «был злой шут и более ничего» [Там же с. 10], затем следуют указания на то, что он в последнее время он «как-то обрюзг, как-то стал терять ровность, самоотчетность, впал даже в какое-то легкомыслие, начинал одно и кончал другим...» [Там же, с. 27] и лишь после перечисления всех этих деталей, иллюстрирующих его поведение и психологию, следует описание его внешнего облика, которое, правда, тоже содержит в себе элементы психологизации: «Физиономия его представляла к тому времени что-то резко свидетельствовавшее о характеристике и сущности прожитой всей прожитой им жизни. Кроме длинных и мясистых мешочков под маленькими его глазами, вечно наглыми, подозрительными и насмешливыми, кроме множества глубоких морщинок на его маленьком, но жир-

леньком личике, к острому подбородку его подвешивался еще большой кадык, мясистый и продолговатый, как кошелек, что придавало ему отвратительно сладострастный вид» [Там же, с. 28].

В романе же «Групповой портрет с дамой» характероцентричные портреты героев, представляющих предмет особого интереса нарратора (Лени, Бориса, Губерта Груйтена и др.), формируются в процессе повествования по мере получения последней информации об интересующих его подробностях их жизни в процессе бесед со свидетелями. Суммирование прямых и косвенных характеристик формирует не только «коллективные» портреты отдельных героев, но и групповой портрет немецкого общества 1970-х годов. При общей установке на объективность и отстраненность от изучаемых им героев и событий их жизни, «авт.» изображает групповой портрет «не извне, он включает себя в этот портрет, вносит свои данные, ассоциирующиеся у него с той или иной “группой”» [18, с. 324].

Соположение в портретах героев эпитетов, характеризующих как их физические свойства, так и психологические качества, присуще поэтике обоих романов. В качестве примера из романа Ф.М. Достоевского можно привести портрет Алеши Карамзова: «Он был в то время даже очень красив собою, строен, средневысокого роста, темнорус, с правильным, хотя несколько удлиненным овалом лица, с блестящими темно-серыми, широко расставленными глазами, весьма задумчивый, по-видимому, весьма спокойный» [7, с. 31]. В данном описании антропометрические данные (рост, телосложение, форма лица, цвет глаз) сочетается с психологической характеристикой (задумчивый, спокойный).

В романе «Групповой портрет с дамой» в этом плане показателен портрет высокопоставленного лица, характеризуя которого «авт.» отмечает, что «на вид ему лет шестьдесят пять, он сед, благообразен, любезен, но сдержан» [2, с. 177]. Указания на возраст, особенности внешности сочетаются с указанием на психологические качества.

Для усиления выразительности портретных характеристик Ф. М. Достоевский прибегает к приему сравнения некоторых особенностей внешности своих героев с представителями животного мира, который также направлен на раскрытие их внутреннего мира. К примеру, завершая портрет старца Зосимы, нарратор констатирует, что у этого героя «нос не то, чтобы длинный, а востренький, точно у птички» [7, с.47]. Эту деталь содержит косвенный намек на пронизательность этого героя, его способность проникать в суть излагаемых ему посетителями проблем, не вдаваясь в ненужные подробности.

В романе «Групповой портрет с дамой» сравнения с животным миром присутствуют в портрете Курта Хойзера. Отмечая сходство этого героя с матерью Лоттой, «авт.» обращает также внимание на то, что это сходство глаз касается формы, а не выражения, так как «язвительная жестокость и слезливая желчность Лотты в этих круглых карих глазах – можно даже сказать, глазах лани – были смягчены качествами, унаследованными Куртом очевидно от его отца...» [2, с. 365]. Сравнение героя с ланью можно рассматривать как указание на наличие у него таких качеств, как ласковость и осторожность.

В обоих произведениях портреты большинства героев окрашены личным впечатлением и оценочным отношением нарраторов. В романе Г. Бёлля нарратор, именующий себя «авт.», совмещает функции репортера и следователя. В романе Достоевского повествователь наделен аналогичными функциями. Личностное отношение повествователей находит выражение в использовании соответствующих эпитетов. Например, в романе «Групповой портрет с дамой» нарратор характеризует лавочницу Кэту Першт как особу «смазливую и бессердечную» [2, с. 19], в этом проявляется его негативное отношение к этой героине. В романе «Братья Карамазовы» повествователь сообщает о дочери Хохлаковой следующие подробности: «это было прелестное личико немного худенькое от болезни, но веселое» [7, с. 54]. Симпатия нарратора в данном

случае получает выражение в использовании эпитетов «прелестное», «веселое», а также уменьшительно-ласкательных суффиксов –еньк-, -ик-.

Активная позиция нарраторов в обоих романах проявляется в том, что оба они периодически ведут диалоги с читателем относительно личности тех или иных героев. В романе «Братья Карамазовы» повествователь, сообщив некоторые подробности из жизни Алеши, спешит ответить и возразить гипотетическим размышлениям читателей: «Может быть, кто-нибудь из читателей подумает, что мой молодой человек был болезненная, экстазная, бедно развитая натура <...> Напротив, Алеша был в то время статный, краснощекий со светлым взором, пышущий здоровьем девятнадцатилетний подросток» [7, с. 31].

В романе «Групповой портрет с дамой» подобным комментарием «авт.» сопровождает портрет Вальтера Пельцера: «Тот, кто представляет себе Пельцера неопрятным старикашкой с вонючей сигарой во рту, ошибается. Он всегда был (и остается) чрезвычайно опрятным человеком, носил (и носит) костюмы от частного портного и модные галстуки, которые ему и в семьдесят лет все еще к лицу» [2, с. 212]. В данном примере параллельное употребление в скобках глаголов в форме настоящего времени с глаголами в форме прошедшего времени носит ироническую окраску. «Авт.» высмеивает претензии этого героя на презентабельность (с учетом известных ему подробностей биографии последнего), хотя и констатирует их наличие.

Еще одна особенность портретизации в обоих романах заключается в том, что и у Достоевского, и у Г. Бёлля нарраторы не только указывают на те или иные качества описываемых ими героев, но и дают (или делают попытку дать) им объяснение.

В романе «Братья Карамазовы» повествователь, сообщив читателю, что в юности Алеша был «малозекспансивен и даже малоразговорчив» [7, с. 23], затем объясняет, что эти качества присутствовали в его характере «не от робости или утрюмой нелюдимости <...> а от какой-то как бы внутренней заботы, собственно личной, до других не касавшейся, но столь для него важной, что он из-за нее как бы забывал других» [Там же].

В романе «Групповой портрет с дамой» нарратор, рассуждая о парадоксальности натуры главной героини, замечает, что «Лени была чувственной именно потому, что она не была чувственна со всеми» [2, с. 196].

Сопоставляя портреты героев указанных произведений, необходимо учитывать специфику исторических эпох, в которых творили писатели. Время создания романа «Групповой портрет с дамой» пришлось на вторую половину XX столетия, период развития постмодернизма в литературе. Одной из ведущих примет этого художественного метода является пародирование. Именно пародирование на документальный и детективный жанр называлось исследователями в качестве одной из особенностей поэтики романа «Групповой портрет с дамой» [1], [14]. Внешнее заострение нарратором внимания на антропометрических данных в портретах героев (при глубинном интересе к их личностям), по всей видимости, отвечает задачам пародирования.

Для акцентирования психологических особенностей героев немецким писателем используются выразительные детали. Например, о Пельцере он сообщает, что если тот «изредка улыбался, его улыбка походила скорее на улыбку Моны Лизы, чем Будды» [2, с. 213]. В данном случае её можно рассматривать не только как средство проведения параллелей между словесным и живописным портретированием, но и в качестве указания на такие качества героя, как таинственность и хитрость.

В романе «Групповой портрет с дамой» Г. Бёль обращается к такому приёму портретизации, как анализ и комментарий фотографий героев. Например, описывая фотографию сына Лени, Льва, «авт.» отмечает, что «Лев на снимке не просто улыбается, а смеется во весь рот... Его смеющееся лицо и его глаза наводят на мысль о том, что он наверняка не обладает двумя качествами своей матери: Лев явно не молчалив и не скрытен» [2, с. 23].

В ряде случаев «авт.» совмещает словесное, фотографическое и живописное портретирование. Пример этому – образ Губерта Груйтена.

Первый снимок Груйтена, к которому обращается «авт.» для анализа, датирован 1913 годом. Выявив главное отличие Груйтена от его одноклассников («он смотрит в объектив не так тупо-напряженно, как его соученики» [2, с. 67]), «авт.» находит тем самым подтверждение пророческой фразе, сказанной когда-то в адрес этого героя: «Этот парень далеко пойдет» [Там же]. В результате анализа фото, сделанного 4-мя годами позже, ему удалось вывить психологическое подтверждение такой характеристики этого героя, как «мечтатель». «Авт.» сетует на то, что на всех фотографиях Груйтена снят в фас вследствие чего «нельзя не увидеть, ни следовательно, установить соотношение длины его носа и лица, – и так как даже знаменитый художник, написавший в 1941 году его портрет в натуралистической манере, <...> не воспользовался возможностью изобразить Груйтена вполборота, то остается предполагать, что Груйтен, если лишить его современного антуража, казался бы сошедшим с полотен Иеронима Босха» [2, с. 67 – 68]. Данный пример представляется нам показательным, поскольку он являет собой синтез словесного (анализ фото Груйтена 1913 г. «авт.» предваряет сообщением о том, что Гр. в это время «был рослый, стройный юноша со светлыми волосами, длинноватым носом и темными глазами» [Там же, с. 67]), фотографического и живописного портретов. Губерт Груйтен, пожалуй, в большей степени, чем кто-либо из других персонажей романа характеризуется посредством анализа фотографий, охватывающих различные этапы его жизни: окончание школы (1913), завершение обучения профессии каменщика, свадебное путешествие (1919), заканчивается он обзором фотографии, датированной 1949 годом, на которой герой изображен просторачиваясь.

Груйтен представлен в разные периоды жизни с указанием характерных черт его личности. Отсылка-параллель к героям полотен Иеронима Босха также являет собой вариант комментария «авт.» образа Груйтена как в аспекте его внешности, так и в аспекте его психологии и характера. Творческая манера И. Босха характеризуется использованием техники «алла прима», когда художник пишет картину «сразу, без предварительных прорисовок и эскизов» [13]. Многие исследователи связывали его творчество с эстетикой безобразного, парадоксального, чудовищного, поэтому возможно, что данное сравнение «авт.» употребляет с некоторой долей иронии. В то же время это свидетельствует о сложности постижения «авт.» натуры Груйтена. Неслучайно его описание он предваряет замечанием, что, несмотря на большое количество фотографий и свидетелей, у него не сложилось четкого представления о его личности. Упоминания об отсутствии соотношения между длиной носа и лица свидетельствуют о знании «авт.» приемов живописного портретирования и акцентирования им этого.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что Г. Бёлль, будучи «большим самобытным немецким художником XX века» [9, с. 320], испытал литературное влияние Ф.М. Достоевского в плане психологизации портретных характеристик. Подобно русскому классику, он стремится заглянуть в глубины личности своих героев, следуя, как и Ф.М. Достоевский, установке постичь последних во всей их сложности и противоречивости. Оба писателя вводят в повествование с целью создания иллюзии объективизации последнего фигуры нарраторов. Необходимо заметить, что в романе «Групповой портрет с дамой» повествователь более сдержан в оценках. Несмотря на эмоциональные контакты со свидетелями во время бесед, он стремится соблюдать с ними психологическую дистанцию. В романе «Братья Карамазовы» субъективное начало в оценках и описаниях нарратора выражено гораздо сильнее. Это свидетельствует об индивидуальном переосмыслении немецким писателем творческих приемов Ф. М. Достоевского, а также является признаком влияния на поэтику его романа «Групповой портрет с дамой» эпохи постмодернизма с присущими ей отчужденностью и сатирической отстраненностью.

Список литературы

1. Авраменко Ю. И. Использование постмодернистских техник в творчестве Генриха Бёлля (на примере романа «Групповой портрет с дамой») [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2011. № 1 (8). – С. 15 – 17. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2011/1/2.html> (дата обращения: 18.10.2014).
2. Белль Г. Групповой портрет с дамой; пер. с нем. Е.Е. Михелевич. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 413 с.
3. Галанов Б. Искусство портрета. – М.: Сов. Писатель, 1967. – 208 с.
4. Генрих Бёль в Советском Союзе [Электронный ресурс]. URL: <http://goliafy.com/publikacii/genrix-byoll-proza-raznyx-let/genrix-byoll-v-sovetskom-soyuze> (дата обращения: 01.10.2014 г.).
5. Дмитриева Н. Изображение и слово. – М.: Искусство, 1962. – 314 с.
6. Дмитриевская Л. Н. Пейзаж и портрет: проблема определения и литературного анализа (пейзаж и портрет в творчестве З.Н. Гиппиус). – М., 2005. – 136 с.
7. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы: Роман в 4-х ч. с эпилогом. Ч. I, III. – М.: Современник, 1981. – 368 с.
8. Кирпотин В. Я. Избранные работы. В 3 т. Т. 2. Достоевский – М.: Худож. лит., 1978. – 485 с.
9. Копелев Л. З. Достоевский в жизни и творчестве Г. Бёлля: тезисы, сообщения // Достоевский. Материалы и исследования / публ. В. Н. Абросимовой. – СПб.: Наука, 2005. – Т. 17. – С. 320-324.
10. Кричевская Л. И. Портрет героя. – М.: Наука, 1994. – 110 с.
11. Малетина О. А. Лингвостилистические особенности портрета как жанра художественного дискурса [Электронный ресурс]: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 2004. URL: <http://31f.ru/dissertation/46-dissertaciya-lingvostilisticheskie-osobennosti-portreta-kak-zhanra-xudozhestvennogo-diskursa.html> (дата обращения: 04.10.2014).
12. Подковырин Ю. В. Внешность литературного героя как художественная ценность: дисс. ... к. филол. н. Кемерово, 2007. 172 с.
13. Самин Д. К. Сто великих художников [Электронный ресурс]. URL: http://www.libok.net/writer/3398/kniga/37754/samin_d_k/100_velikih_hudojnikov/read/6 (дата обращения: 05.10.2014)
14. Сейбель Н. Э. Роман Г. Бёлля «Групповой портрет с дамой» как «роман-расследование» // Наука – вуз – школа. – Челябинск; Магнитогорск, 1995. – С. 78 – 82.
15. Сырица Г. Поэтика портрета в романах Достоевского. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
16. Ф. М. Достоевский об искусстве. – М.: Искусство, 1973. – 632 с.
17. Wir und Dostoevski. Eine Debatte mit Heinrich Böll, Siegfried Lenz, Andre Malraux, Hans Erich Nossack. – Hamburg: Hoffmann und Campe. 1972. – 103 S.
18. Wirth G. Heinrich Böll: Religiöse und gesellschaftliche Motive im Prosawerk. – Köln: Pahl-Rugenstein, 1987. – 349 S.

THE PORTRAIT OF THE PERSONAGES IN F.M. DOSTOYEVSKY'S NOVEL “THE BROTHERS KARMAZOV” AND H.BÖLL'S NOVEL “GROUP PORTRAIT WITH LADY” (AN EXPERIENCE OF A COMPARATIVE ANALYSIS)

L. A. Melnikova

*Balashov Institute of
Saratov State University
named after
N. G. Chernyshevskiy*

*e-mail:
lmelnikova5@mail.ru*

The paper presents an experience of a comparative analysis of the portrait characteristics of the personages in F. M. Dostoyevsky's novel “The Brothers Karamazov” and H. Böll's novel “Group Portrait With Lady,” as a result of which we identified signs of F. M. Dostoyevsky's literary influence on the creative principles of H. Böll in terms of the use of similar tools of portraitization.

Keywords: F. M. Dostoyevsky, H. Böll, The Brothers Karamazov, Group Portrait With Lady, portrait.

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

УДК 070

«ЭЛИТА» И «ЛЖЕЭЛИТА» КАК СИСТЕМНЫЕ ПОНЯТИЯ МЕДИАЦЕНТРИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ

И. В. Анненкова

Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова

e-mail:
anneirina@yandex.ru

СМИ выполняют важную функцию поддержания единства общества в плоскости «элита – массы». Во многом это единство — лишь иллюзия, тем не менее именно СМИ эту иллюзию активно формируют и поддерживают, делая ее составной частью медиакартины мира. Часть общества, которая претендует на звание «элиты», не может считаться таковой, если она не соответствует определенным требованиям.

Ключевые слова: культура, СМИ, медиакартина, массы, элита, лжеэлита, политика, дискурс

Медиацентризм современной культуры, который сегодня признается даже теми, кто еще совсем недавно был противником такого понимания движения культуры, определяет место и роль средств массовой информации и коммуникации в жизни современного общества. Медиа – ядро внешней жизни современного человека: через них он получает информацию, которая становится все более глобальной и всеохватывающей, через них он формирует свое представление о мире, то есть образ мира, или картину мира. В свою очередь, медиа стремятся не только не ослабить свою *власть и свое влияние* на массовую аудиторию, сегодня они становятся единственным каналом воздействия *собственно власти* (= политической власти) на людей, или, как принято теперь говорить, на электорат. В какой-то мере «заложниками» СМИ становятся и «элита», и «массы», обе социально-политические субкультуры, имеющие собственные уникальные коды поведенческих, эмоциональных и когнитивных реакций.

С одной стороны, «элита» может «транслировать смыслы» с целью получения, сохранения и укрепления собственной власти только посредством современных средств массовой информации и коммуникации. Тем самым, ее реальные действия и ее *реальный политический опыт* фактически переходят в разряд виртуальности. Конечно, «любая политическая реформа – это всегда дискурсия, цепь текстопорождающих высказываний, реализующих определенную коммуникативную стратегию в рамках определенной культурной парадигмы, или иначе – дискурсивной формации [1, с. 97]. Но власть, реализуемая в СМИ и Интернете, получает статус «*дискурсивной власти*», т. е. такой, которая «управляет массовым сознанием посредством знаково-символического описания и интерпретирования социокультурной реальности, целенаправленного изменения гносеологических и аксиологических координат личности» [2, с. 11]. И если эта власть не опирается на информационный ресурс, она не просто не эффективна, она – в принципе – невозможна в современном мире. Более того, именно СМИ в информационном обществе производят *процесс «сакрализации»*

слова, мысли, знания, действия, передаваемого каналами массовой информации. И особенно ярко этот процесс «сакрализации» усматривается в отношении власти, политической жизни, политических медиаперсон.

С другой стороны, опосредованный политический опыт, получаемый массовой аудиторией по каналам средств массовой информации и коммуникации, формирует у этой массовой аудитории иллюзию ее участия в политических процессах. Сегодня мы можем говорить, что формируется и уже сформировалась политическая система «виртуальной демократии». И эта разновидность демократии во многом даже более тоталитарна, чем собственно тоталитарный строй, тоталитарный режим: у адресата СМИ нет возможности уйти от массированных атак воздействия на него этих СМИ: выключив кнопку телевизора или радио, выйдя из Интернета, он все равно остается в пространстве растяжек, билбордов, листовок. Более того – он остается в привычном пространстве круга общения с теми людьми, которые не выключали кнопку телевизора или радио, не выходили из Интернета и не откладывали в сторону газету.

Таким образом, сегодня СМИ формально выполняют очень важную функцию поддержания единства общества в плоскости «высшие» – «низшие», или «элита» – «массы». Конечно, во многом это единство лишь иллюзия, но именно СМИ активно эту иллюзию формируют и поддерживают, делая ее составной частью медиакартины мира. Влияние власти на массы через дискурс (формирование *дискурсивной власти*) и ментально-интеллектуальная концентрация ее самой и ее дискурса (*политического дискурса*) в медиа заставляют взглянуть по-новому на место и роль политика как представителя «элиты» в современной медиацентричной культуре.

Специфика современного политического дискурса, вмонтированного в медиадискурс в качестве его сердцевины, заключается в его нацеленности на «создание картины лучшего устройства мира» [3]. И картина эта не объективна и не целостна: она частична, фрагментарна, мозаична, так как содержит «точку зрения» того *ритора-журналиста*, или *ритора-политика*, или *ритора-издания*, который стоит в центре медийного текста и является посредником между «элитой» (при этом сам он также относится к ней) и «массами». И в этом смысле такая картина мира *императивна*, так как предлагается ритором-адресантом не только в качестве единственно возможной, но и в качестве единственно правильной и единственно приемлемой.

Квинтэссенцией функции создания императивной картины мира в рамках современного медийного дискурсов становятся медиатексты, которые наиболее ярко демонстрируют нам *агональность* политического дискурса: «ожесточенная война за власть разыгрывается как состязание, как большие национальные игры, для которых важны зрелищность, определенные имиджи, формы проявления речевой агрессии и т. д.» [4]. Причем эта агональность не всегда явная, открытая, и не всегда эта агональность демонстрирует противостояние собственно политических сил и партий: очень часто агон направлен непосредственно на массовую аудиторию, поскольку современная «элита» не всегда разделяет идеи и идеалы того народа, к управлению которым она стремится. А чаще всего ее интересы прямо противоположны народным интересам.

Здесь наконец следует сказать несколько слов о том, что же такое «элита» в современной медиацентричной культуре и можно ли ее в полной мере считать элитой. С точки зрения традиционной политико-философской теории, «элита – это не показной образ жизни, а правильное положение в обществе» [5, с. 4]. Что следует вкладывать в два эти аспекта определения элиты?

Во-первых, под элитой следует понимать круг лиц, могущих повлиять на принятие решений на государственном уровне. То есть элита занимает привилегированное положение в обществе, а это общество *терпит* такое ее положение, но только в том случае, если элита выполняет определенные общественные функции. От элиты требуется безусловная верность национальному интересу. Идея элиты – это служение. Один из важнейших признаков истинной элиты – ее самообновление [6]. В этом

смысле можно говорить, как об элите, о гражданах античных полисов и империй, об аристократии и дворянстве, а также о купечестве Российской империи, которые представляли собою глубинное эшелонирование именно *элиты*, служившей государству и обществу либо «бременем власти», либо «бременем денег». Зачастую такое служение было непубличным, что поддерживалось не только другим типом распространения информации, нежели сегодня, но и осознанной *позицией непубличности* («непоказного образа жизни») большого числа представителей истинной элиты.

Та часть общества, которая претендует на звание «элиты», не может считаться таковой, если она не соответствует названным требованиям. Любая замкнутость и необновляемость, независимость как безответственность, национальная безыдейность, идеология несоблюдения национальных интересов – все это признаки уже не «элиты» в строгом смысле слова, а «лжеэлиты», или «квазиэлиты».

Конечно, современная политическая деятельность имеет свои специфические черты, концентрирующиеся прежде всего в ее медийности и массовости, в ее статусе медиадискурсивной власти. Именно поэтому ее ни в коей мере нельзя абсолютно отождествлять с политической деятельностью той же античности. Сегодня представители «элиты» неизбежно публичны, медийны, и возврата к непубличности быть не может. Пожалуй, этот признак «элиты» можно считать утраченным навсегда. Но другие базовые признаки все-таки остаются константными. И поэтому в большинстве современных национальных политических систем «элиты» не являются таковыми в полной мере, так как хотя бы один признак непременно будет нарушен (например, необновляемость позднесоветской однопартийной «элиты» и «элиты» США в рамках двухпартийной системы, постоянная самопрезентация современной российской «элиты» с ее наднациональными (=антинациональными_глобалистскими ценностями).

Вся дискурсивная деятельность *дискурсивной власти* современной «лжеэлиты» подчинена одной и той же *риторической модальности* – убедить массовый адресат в том, что она («элита») имеет право на управление им, что ее место на вершине пирамиды социально-политического устройства – не просто правильно, но объективно и закономерно. И несмотря на то, что эта «лжеэлита» неоднородна, общий план ее риторической деятельности – монолитен.

Медиакартина мира, которая нам сегодня активно предлагается, пытается подчеркнуть разнородность политических партий и движений, конфликтность и конфликтогенность их позиций. В этой генеральной стратегической деятельности участвуют и журналисты, и сами политики. Массовой аудитории кажется, что жизнь государства – в борьбе партий, заседаниях парламента, поездках президента или премьера по стране. В действительности, под этим *очевидным планом реальности* (который на самом деле как раз и является виртуальным, или квазиреальным) существует другой, и в нем нет тех противоречий, которые представляются нам через СМИ значимыми, нет разницы между коммунистами и антикоммунистами, либералами и сторонниками «сильной руки». Гораздо важнее то, что основная линия конфронтации проходит не внутри «элиты», а между «элитой» и «массой»: несмотря на попытки объединить себя с аудиторией на лингвистическом уровне, на уровне риторики политические медиаперсоны очень часто демонстрируют неприятие культурных и ментальных ценностей этой аудитории. А это уже стратегия поведения (в том числе и дискурсивного) не национальной «элиты», а именно «лжеэлиты», нового концепта глобального медиацентричного мира.

Список литературы

1. Тюпа В. И. Дискурсивные формации: очерки по компаративной риторике. – М.: Языки славянской культуры, 2010. (Коммуникативные стратегии культуры) – С. 97.
2. Павлова Е. Д. Средства массовой информации – инструмент скрытого воздействия на сознание: социально-философский анализ. – М.: Наука, 2007. – С. 11.

3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград: Перемена, 1997 // Цит. по: Паршина О. Н. Российская политическая речь. – М.: ЛКИ, 2007. – 232 с.
4. Михалёва О. Л. Политический дискурс: способы реализации агональности // URL: <http://www.rus-lang.com/about/group/mikhaleva/state2/>
5. Найшуль В., Гурова О. Структура элиты: русские традиции // Главная тема. – 2004. – № 2. – С. 4.
6. Езерский А. Лжеэлита как системная проблема постсоветской России // Главная тема. – 2005. – Февраль-март. – С. 194-204.

«ELITE» AND «FALSE-ELITE» AS A SYSTEM CONCEPTS OF MEDIACENTRIC CULTURE

I. V. Annenkova

*Moscow State University
named after
M.V. Lomonosov*

*e-mail:
anneirina@yandex.ru*

The media have an important function of maintaining social cohesion in the plane of the "elite – the masses." In many ways, this unity is only an illusion, however it is the media that illusion actively shape and support, making it an integral part of the mediapicture of the world. Part of society that claims to be the "elite" can not be considered as such if it does not meet certain requirements.

Keywords: culture, media, mediapicture, mass, elite, false-elite, politics, discourse.

PR-СОПРОВОЖДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ И КОНЦЕПЦИЯ

Т. А. Воробьева

*Новосибирский
государственный
технический
университет,
г. Новосибирск*

*e-mail: voro-
byeva.tatiana@gmail.com*

В статье проводится анализ материалов веб-сайтов компаний, оказывающих услуги PR-сопровождения, и теоретических разработок проблемы PR-сопровождения с целью определения сущности и составляющих процесса PR-сопровождения. На основании проведенного исследования формулируется собственное определение понятия «PR-сопровождение» и формируется блок основных и дополнительных компонентов, входящих в состав PR-сопровождения.

Ключевые слова: PR-сопровождение, связи с общественностью.

Предметная область «связи с общественностью» – одна из современных, активно развивающихся, привлекающих внимание специалистов разных отраслей.

Однако, исследования лексики PR начали проводиться сравнительно недавно, и сегодня они помогают проследить ее развитие и оценить современную степень освоенности, позволяют осуществить ее систематизацию, что, в свою очередь, влечет за собой ее более адекватное использование в современном социальном дискурсе [1].

Специалисты-практики в своей повседневной деятельности определяют основные термины рассматриваемой области знаний рамками того, чем они занимаются в действительности [2, с. 46].

Несмотря на высокий интерес к области связей с общественностью, отдельные составляющие понятийного аппарата продолжают оставаться областью частных исследований. Ярким доказательством вышесказанного является исследование сущности понятия «PR-сопровождение». Недостаточная разработка научных основ, отсутствие фундаментальных работ по этому направлению сужает смысл рассматриваемого понятия, затрудняет его использование в научном языке.

Непосредственно определения термина «PR-сопровождение» в научной литературе не разработано, хотя само понятие и фигурирует в работах отдельных авторов (Е. А. Плешаковой, Н. К. Радиной, С. В. Радина и Е. А. Худоренко).

Для правильного понимания сути PR-сопровождения необходимо определить его понятие и цели, уточнить компоненты, которые входят в его состав. В связи с этим проблема рассмотрения, изучения и анализа процесса PR-сопровождения, на наш взгляд, представляется весьма актуальной и своевременной.

Практическая ценность данного исследования заключается в том, что его результаты могут быть использованы в вузовской практике при написании курсовых и дипломных работ, а также стать основой для составления специализированного словаря данной предметной области.

Целью исследования является определение сущности и составляющих процесса PR-сопровождения.

Объектом исследования является процесс PR-сопровождения, а предметом – понятие и составляющие процесса PR-сопровождения.

Для достижения поставленной цели был проведен контент-анализ веб-сайтов компаний, оказывающих услуги PR-сопровождения.

Для осуществления поиска веб-сайтов, соответствующих заданному критерию, использовались поисковые системы Яндекс и Google, для которых были сформулированы следующие запросы: «PR-сопровождение», «услуги по PR-сопровождению», «PR-сопровождения агентства». Затем были просмотрены первые 20 результатов по каждому запросу. Всего было просмотрено 120 возвращенных записей согласно заданным условиям поиска в обеих поисковых системах. В итоговую выборку попали веб-

сайты 21 компании, оказывающих услуги по PR-сопровождению, и содержащие более подробную информацию о том, что входит в перечень услуг пакета «PR-сопровождение».

За смысловые единицы контент-анализа были взяты конкретные составляющие перечня услуг по PR-сопровождению, а за единицу счета – частота появления признаков в тексте (интенсивность). Таким образом, процедура была сведена к подсчету частоты упоминания выделенных смысловых единиц.

В результате проведенного исследования было установлено, что именно специалисты-практики в области связей с общественностью и профессиональные организации, оказывающие соответствующие услуги, понимают под PR-сопровождением. Далее было сформулировано следующее определение понятия «PR-сопровождение»: это комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на формирование положительного имиджа и повышение уровня узнаваемости компании (бренда, товара, услуги), что достигается посредством обеспечения ее максимально длительного присутствия в информационном поле инструментами и методами PR.

PR-сопровождение должно носить долгосрочный характер, поскольку только продолжительное воздействие на общественность позволит сформировать требуемый образ компании в глазах аудитории.

Необходимо отметить наличие подготовительного этапа PR-сопровождения, на котором проводится анализ текущей ситуации и аудит коммуникационной деятельности компании, формулируются цели и задачи PR-сопровождения, планируются результаты, которых необходимо добиться. Это особенно важно, учитывая, что PR-сопровождение должно осуществляться в соответствии с маркетинговыми целями и задачами компании.

По итогам проведенной работы по PR-сопровождению производится оценка ее эффективности и составляется подробный отчет.

Результатом проведенного контент-анализа стало выявление составляющих PR-сопровождения деятельности компаний:

Наиболее часто упоминаемые услуги, которые агентства включают в пакет «PR-сопровождение», представлены в таблице, тогда, как на рисунке представлена частота упоминания данных услуг.

Рис. Частота упоминания выделенных смысловых единиц

Таблица

Основные услуги, входящие в пакет «PR-сопровождение»

Составляющая PR-сопровождения	Агентства (от общего числа исследованных), которые оказывают данную услугу при PR-сопровождении
Мониторинг СМИ, в т.ч. отслеживание упоминаний в сети Интернет	67%
Встречи с журналистами, мероприятия для представителей СМИ	67%
Инициирование публикаций в СМИ	57%
Создание информационных поводов	52%
Организация и проведение различного рода мероприятий	52%
Работа в социальных сетях	52%
Написание текстов (копирайтинг материалов)	48%
Формирование пула целевых СМИ / журналистов	43%

Среди мероприятий, организовываемых для представителей СМИ, наиболее значительными 33 % агентств были названы пресс-конференции, 24 % – интервью и 19 % – брифинги.

Кроме того, агентства осуществляют мониторинг СМИ и анализ информационного поля не только самой компании, но и ее конкурентов. Этим занимаются 24% агентств.

Также считаем целесообразным отметить и чуть менее распространенные услуги, включаемые агентствами в PR-сопровождение:

- работа на форумах и блогах,
- создание медиакарты.

Представленные услуги оказываются 29% агентств в рамках PR-сопровождения. Что касается подготовки пресс-клиппинга и работы с негативом (нейтрализация), то эти услуги оказываются 24% агентств. Разработку программ антикризисных коммуникаций считают важной 14% агентств.

Дефиниция понятия «PR-сопровождение», сущность, основные цели и составляющие PR-сопровождения рассматривались в статье, размещенной в журнале «Пресс-служба». В указанном источнике PR-сопровождением считается оказание услуг в области коммуникаций при помощи PR-средств. Отмечается, что данный процесс преимущественно носит комплексный, регулярный характер.

Данное определение достаточно расплывчато, что не позволяет сформировать полноценное представление о том, что собой представляет рассматриваемое явление.

Кроме того, автором статьи уточняется, что первоначально необходимо проведение исследования текущей ситуации, по результатам которого формируется соответствующая PR-стратегия, целью которой является формирование позитивного делового имиджа и поддержание деловой репутации компании.

В качестве конкретных мероприятий, которые включаются в состав PR-сопровождения, называются следующие:

- организация мероприятий: как внутри компании (например, с целью мотивации персонала), так и вне ее (массовые мероприятия: пресс-конференции, бизнес-тренинги);
- мониторинг СМИ на темы, касающиеся деятельности компании, включая реакцию общественности и прямой целевой аудитории, а также отзывы конкурентов;
- общение с представителями прессы и представителями целевых аудиторий клиента на интернет-порталах, форумах;
- ведение корпоративных блогов и т. д. [3].

Как мы видим, точка зрения автора на содержание подготовительного этапа, основные цели и составляющие PR-сопровождения не только не противоречит вышеуказанной позиции специалистов-практиков в области связей с общественностью, но и подкрепляет ее.

О. Г. Филатова, говоря о PR-сопровождении, также соглашается, что важным видом деятельности является постоянное проведение мониторинга в сети — исследования системы информационного сопровождения для контроля над общественным мнением, его прогнозирования и анализа развития. Кроме того, ею отмечается необходимость создания наибольшего количества информационных поводов и проведения различных мероприятий для СМИ [4].

Предметом исследования в диссертации Р. А. Петросян служит PR-сопровождение деятельности современных российских туристских фирм.

Она отмечает, что актуальность научной проблемы PR-сопровождения деятельности продиктована необходимостью установления социального консенсуса между акторами, формирования благоприятных имиджей и узнаваемых брендов туристских фирм, поддержания положительных репутаций с целью гармонизации внутренних и внешних PR-коммуникаций в сфере туризма [5].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в качестве целей PR-сопровождения Петросян Р. А. рассматриваются формирование имиджа, поддержание репутации и повышение узнаваемости компании (бренда).

Среди теоретических разработок проблемы PR-сопровождения целесообразно отметить диссертацию Плешаковой Е. А. на тему «Информационное и PR-сопровождение политических решений в системе государственного управления». Ее трактовка термина «PR-сопровождение» как рациональной организации коммуникативных и организационных процессов [6, с. 4], носит достаточно общий характер. Однако, более конкретно ею сформулирована основополагающая проблема PR-сопровождения, которой является информирование населения в совокупности с обеспечением доступности информации для его широких слоев. Кроме того, ею подчеркивается ключевая роль СМИ как источника получения информации в процессе PR-сопровождения [6, с. 20].

Описывая модель эффективного PR-сопровождения государственных политических решений, Плешакова Е. А. отмечает необходимость применения инструментов и методов PR на протяжении всего периода принятия и реализации решений, а также значимость формирования программ антикризисных коммуникаций.

В качестве основных направлений PR-сопровождения политических решений ею называются «деятельность, способствующая осознанию социальной проблемы, требующей принятия государственного политического решения; формирование представлений о результатах реализации решения; активное вовлечение граждан в осуществление изменений; демонстрация текущих и предъявление окончательных результатов реализованного государственного политического решения с оценкой его эффективности» [6, с. 21]. Вышесказанное убеждает в том, что и специалисты-практики, и Плешакова Е. А. считают важным как этап, предвещающий непосредственно деятельность по PR-сопровождению, а именно: постановку целей и задач, формулирование желаемых результатов PR-сопровождения, так и заключительный этап, в ходе которого производится оценка эффективности проделанной работы. Более того, ею разделяется мнение о том, что основная цель PR-сопровождения состоит в информировании аудитории, и что наиболее целесообразным в этом случае является использование такого базового канала коммуникации, как СМИ.

На основании проведенного исследования и изучения теоретических разработок в области PR-сопровождения были сформулированы составляющие PR-сопровождения деятельности компаний, к которым относятся:

- 1) мониторинг СМИ (т. ч. отслеживание упоминаний в сети Интернет) с целью количественного и качественного анализа публикаций о компании и ее конкурентах;

- 2) формирование пула целевых СМИ/лояльных журналистов, создание медиа-карты;
- 3) организация и проведение мероприятий для представителей СМИ (пресс-конференции, интервью, брифинги);
- 4) написание текстов (копирайтинг материалов);
- 5) создание информационных поводов и инициирование публикаций в СМИ;
6. организация и проведение различного рода мероприятий с целью привлечения внимания общественности к деятельности компании;
- 7) информационное сопровождение в социальных сетях, на форумах и блогах.

В качестве дополнительных составляющих PR-сопровождения были выделены следующие:

- 8) подготовка пресс-клиппинга на регулярной основе или по итогам проведенных мероприятий;
- 9) нейтрализация негатива;
- 10) разработка программы антикризисных коммуникаций.

Сформулированное определение и выявленные составляющие PR-сопровождения в дальнейшем будут способствовать правильному пониманию сути PR-сопровождения и, как следствие, релевантному использованию данного термина в научном языке и научной деятельности.

Список литературы

1. Климова О. В. Лексика предметной области PR в современном газетном тексте и бытовой речи: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Екатеринбург, 2010.
2. Катлип С., М., Сенгер А., Х., Брум, Глен, М. Паблик рилейшенз. Теория и практика, 8-е изд. : Пер. с англ. : Уч.пос. – М.: Издательский дом «Вильямс», 2003. – 624 с.
3. PR-сопровождение. Всероссийский специализированный журнал «Пресс-служба» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.press-service.ru/terms/194/> (Дата обращения: 15.10.2014)
4. Филатова О. Г. Социальная реклама и PR-поддержка программ развития информационного общества: учебное пособие. – СПб: НИУ ИТМО, 2013. – 136 с.
5. Петросян Р. А. Связи с общественностью (PR) в сфере российского туризма: современная социокультурная практика: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. – Саратов, 2009.
6. Плешакова Е. А. Информационное и PR-сопровождение политических решений в системе государственного управления: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. – Саратов, 2006.

PR-SUPPORT: THE TERM AND THE CONCEPT

T. A. Vorobyeva

*Novosibirsk State
Technical University*

*e-mail:
vorobyeva.tatiana@gmail.com*

The objective of the research is to determine the core and the components of the process of PR-support. In order to do that the information presented on the websites of the companies that provide services of PR-support as well as a few theoretical works on the problem of PR-support have been analyzed. Based on the findings of the study the definition of the term and the list of main and additional features of PR-support have been formulated.

Keywords: PR, PR-support, public relations.

УДК 070

ВЫРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИХ СМЫСЛОВ В ТЕКСТАХ ПРИКЛАДНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

А. А. Горячев*Санкт-Петербургский
государственный
университет**e-mail:
aga@list.ru*

Статья посвящена выражению культурно-просветительских смыслов в текстах прикладных коммуникаций. Описываются причины появления элементов культурно-просветительского дискурса в рассматриваемой сфере. Выявляются различия между выражением культурно-просветительских смыслов в текстах рекламы и связей с общественностью.

Ключевые слова: культурно-просветительские смыслы, прикладные коммуникации, медиа, реклама, связи с общественностью.

В отличие от журналистики, социально-культурная направленность которой, кажется, не вызывает сомнений*, прикладные коммуникации традиционно воспринимаются как сугубо прагматическая сфера, всецело ориентированная на удовлетворение потребностей заказчика (*рекламодателя* в случае с рекламой или *базисного субъекта* применительно к PR). Действительно, целевая направленность коммуникативного воздействия в рассматриваемой сфере весьма прагматична. Реклама стремится *побудить адресата к действию, направленному на объект рекламирования*, в то время как PR-коммуникация имеет целью *формирование публичного капитала базисного субъекта PR и оптимизацию его коммуникационной среды*. Однако означает ли это, что культурные смыслы в прикладных коммуникациях играют заметную роль только тогда, когда объектом рекламирования является культурное мероприятие или деятельность базисного субъекта PR имеет культурно-просветительский характер? В данной статье мы попытаемся систематизировать факторы, предопределяющие присутствие культурно-просветительских смыслов в текстах рекламы и связей с общественностью.

Важнейший из таких факторов – характерная установка на достижение максимального воздействующего эффекта. Сообщение не будет эффективным, если оно будет восприниматься как культурно чуждое, поэтому чтобы повысить эффективность воздействия, субъектам рекламной и PR-коммуникации приходится учитывать как национальную культуру страны, так и специфику социальной среды, к которой принадлежит интересующая их целевая аудитория. В литературе, посвящённой рекламе, этот аспект рассмотрен весьма детально. В частности, сравнение рекламы разных стран мира показывает, что чем больше культурных различий между народами, тем больше различаются рекламные тексты: «...ничто не отражает страну и эпоху лучше, чем реклама. Она – часть бессознательного данной страны. Рекламные объявления – зеркало общества» [2, с.20]. Возможность выявления лингвокультурологически значимых закономерностей во многом предопределила интерес современной лингвистики к сопоставительным исследованиям рекламы – см., например, осуществлённый Е. В. Медведевой статистический лингвостилистический анализ рекламных текстов на русском, английском и немецком языках [7, с. 108 – 234]. Если же от макроуровня национальной культуры спуститься до уровня субкультур, обнаружится, что одной из характерных для рекламы тактик является «подстройка к языку» – использование близкого представителям целевой аудитории идиолекта (примерами такой тактики

* Вопрос о том, как практика СМИ с одной стороны отражает культуру общества, понимаемую в широком смысле слова, с другой – влияет на неё, рассмотрен в теории журналистики весьма детально.

могут служить зафиксированные в конце 2000-х гг. рекламные сообщения на «олбанском» интернет-сленге: «Превед!», «У нас фсё со фкусом» и др.).

Следующий фактор, делающий присутствие культурной информации в рекламе неизбежным, связан с имманентной оценочностью рекламного дискурса. На наш взгляд, это не только утилитарная оценочность как важнейшая черта рекламного стиля [см. об этом: 4, с. 624], но также эксплуатация стереотипов и культурных ценностей, разделяемых адресатом. Прямая оценка объекта рекламирования далеко не всегда может быть благосклонно принята адресатом, поэтому излюбленный приём рекламы – создание устойчивой ассоциации между рекламируемым объектом и чем-то, что адресат априори оценивает позитивно (приведём в качестве примеров ряд слоганов: «*Номос-банк. На службе великой страны*»; «*МТС.VIP Качество. Индивидуальность. Свобода*»; «*Кусочек сладкой жизни. Прямо сейчас. Россия – щедрая душа*»).

PR-информация так же, как и реклама, стремится закрепить оценочные значения за внедряемыми концептами, однако оценочность здесь имеет менее явный характер (отсутствие сдержанности в оценках, часто допускаемое неопытными авторами, с неизбежностью привносит в PR-текст элементы рекламности). Более того, связи с общественностью в традиционном понимании подчёркнуто ориентированы на информирование, что отражено в широко цитируемом определении С. Блэка: «Паблик рилейшнз – это искусство и наука достижения гармонии посредством взаимопонимания, основанного на правде и полной информации» [1, с. 45]. Стремление получить информацию, часто недоступную из других источников или труднодоступную, является важнейшим мотивом для вступления адресата в PR-коммуникацию – таким образом, PR-текст стремится стать источником социального знания, выполняя познавательную функцию. Разумеется, отбор и анализ фактов осуществляет сам адресант, но тот факт, что PR-информации присущи такие свойства, как оптимизированность и селективность [4, с. 24 – 25], не смущают адресата, стремящегося извлечь из PR-текста интересующие его сведения, а иногда и вовсе удовлетворяющего своё любопытство. Это обстоятельство позволяет специалисту по связям с общественностью ненавязчиво вовлекать аудиторию в восприятие, эксплуатируя потребности целевой аудитории в социальной ориентации, личностном росте, развлечении. Помимо информации (а) о деятельности базисного субъекта PR и (б) о предметах и ситуациях, имеющих отношение к сфере деятельности базисного субъекта PR, в PR-текст целесообразно также включать (в) сопутствующие сведения, напрямую не связанные с деятельностью базисного субъекта PR, но актуальные для целевой аудитории PR-текста. Такие включения позволяют вызвать интерес и поддержать внимание целевой аудитории – и именно они, на наш взгляд, обладают наибольшим культурно-просветительским потенциалом. Если реклама чаще лишь воспроизводит ценности, положительно воспринимаемые адресатом, не имея условий для полноценной культурно-просветительской работы (рекламное время и пространство стоит дорого), то PR располагает возможностью во многом формировать мировоззрение целевой аудитории с помощью сложных, развёрнутых сообщений.

Удовлетворение познавательных потребностей адресата способно сделать PR-воздействие более эффективным, причём культурно-просветительские элементы могут включаться в тексты самых разных PR-жанров [3, с. 5]. Рассмотрим в качестве примера лист вопросов и ответов, посвящённый реализации крупного строительного проекта «Лахта центр» в Санкт-Петербурге. Речь идёт о строительстве небоскрёба, которое первоначально планировалось в непосредственной близости от исторического центра города, на Охте (первоначально проект назывался «Охта центр»). После решительных протестов городской общественности и озвученной угрозы исключения центра Петербурга из списков всемирного наследия ЮНЕСКО деловой центр было решено перенести в один из ближайших пригородов – Лахту. Однако и новое местоположение оказалось дискуссионным, размещение высотного здания в Лахте многими бы-

ло воспринято как не вполне удачный компромисс. Таким образом, очевидно, что ключевая задача, которую решает технологический субъект PR посредством буклета «Лахта центр в вопросах и ответах», – формирование благоприятного мнения горожан о проекте, для чего необходимо преодолеть изначально негативный настрой, развеяв сомнения и продемонстрировав преимущества выбранного решения. В наборе вопросов, выполняющем в данном жанре структурообразующую функцию, угадываются наиболее часто озвучиваемые потенциальные угрозы проекта для городской среды: «Как новые здания будут сочетаться с исторической застройкой?», «Как повлияет строительство на экологию района?», «Повлияет ли Лахта центр на транспортную ситуацию?», «Не будет ли небоскрёб мешать самолётам?», «В районе залива более ветрено, чем на Охте. Не будет ли ветер раскачивать башню?» и даже «Экологи высказывают опасения, что строительство высотной доминанты повлияет на пути миграции перелётных птиц, насколько оправданы эти опасения?». Ответу на каждый вопрос посвящено от одной до двух страниц текста, снабжённого фотографиями, схемами и инфографикой. Однако культурно-просветительскую функцию по большей части выполняет не основной текст, а размещённые почти на каждой странице врезки под заголовком «Интересно». Так, ответ на вопрос о том, безопасно ли в высотном здании в случае землетрясения или пожара, снабжён врезкой о том, как проектируются японские сейсмоустойчивые здания, а ответ на вопрос о том, можно ли строить высотное здание на намывных территориях, сопровождается врезкой, рассказывающей о том, какое решение было применено при строительстве башен Петронас в Малайзии, фундамент которых покоится на мягких грунтах. Врезка на странице, где освещается вопрос о возможном изменении путей миграции перелётных птиц, рассказывает о различных применяемых в мире способах отпугивания птиц от высотных зданий, в том числе о технологиях, позволяющих сделать высотное здание «видимым» для птиц в любую погоду. Такого рода вставки, направленные на расширение кругозора аудитории, одновременно решают важную задачу – они позиционируют «Лахта центр» как современный высокотехнологичный проект, а проблемы, вызывающие беспокойство у горожан, характеризуют как преодолимые (попутно показывая, что решение всех существенных проблем уже предусмотрено проектом).

Ещё более типична культурно-просветительская информация для внутрикорпоративного PR. Если внешнюю аудиторию базисному субъекту выгодно «просвещать» в основном тогда, когда это полезно для реализации главных задач PR-воздействия, то с PR-текстами внутрикорпоративной направленности ситуация принципиально иная. Личностный рост сотрудников и приобретение персоналом полезных компетенций является важнейшей задачей корпоративных изданий, наряду с формированием корпоративной культуры, повышением лояльности работодателю и оперативным информированием. Поэтому в корпоративных изданиях самые разные PR-материалы могут выполнять просветительскую функцию. Примером может служить интервью, размещённое в рубрике «Модель компетенции» журнала «Наккареliitta spirit» – корпоративного журнала компании «Nokian Tytes». По характеру интервью можно определить как экспертное. Героиня интервью – координатор по транспорту отдела логистики и закупок. Поводом для беседы являются её выдающиеся коммуникативные навыки, отмеченные коллегами. Само интервью занимает около половины журнального разворота. Остальную площадь занимают изображения шахматной доски и фигур (вероятно, символизирующие вдумчивый подход к коммуникации), фотография героини, формализованный табличный блок с описанием компетенции и списком поведенческих индикаторов, названия рекомендуемых книг, посвящённых эффективной коммуникации и психологии влияния, а также сравнимую с самим интервью по объёму врезку, в которой менеджер по логистике «Nokian Tytes» рассказывает о том, как Екатерина сумела в сложной ситуации договориться с разъярёнными длительным ожиданием в очереди перевозчиками, чем буквально спасла компанию от срыва поставок. Очевидно, что данное интервью носит информационно-

познавательный характер, ключевая интенция адресанта здесь – побуждение сотрудников компании к совершенствованию своих коммуникативных навыков и предоставление им информации, необходимой для этого.

В аналитических PR-текстах (особенно в проблемных имиджевых статьях) информация общепросветительского характера часто связана с необходимостью познакомить адресата с проблемой, решением которой занимается базисный субъект. Например, в статье «Китай задыхается без российского газа», опубликованной в № 6 корпоративного журнала «Газпром» от 19 июня 2013 года, детально рассматриваются вопросы, связанные с поставками газа из России в Китай. Почти весь первый абзац этого материала напоминает начало журналистского материала, посвящённого экологической проблематике, лишь последняя строка подводит к основной теме: *В начале этого года свыше 30% территории Китая (включая столицу страны Пекин) в течение нескольких недель оказалось накрыто сильнейшим смогом. Местами уровень загрязнения воздуха в 40 раз превышал безопасный для жизни уровень. В зоне экологического бедствия резко выросла смертность. Для того чтобы снизить вредные выбросы, в Китае стали прекращать работу промышленные предприятия. В результате китайское руководство предприняло ряд шагов по ускорению подписания контракта на поставку российского газа в Китай.* Статья содержит обширные статистические данные и экспертные оценки, имеющие лишь косвенное отношение к базисному субъекту, однако позволяющие обозначить перспективу, на фоне которой деятельность базисного субъекта приобретает социальную значимость: *Китай обеспечивает около 70% своих потребностей в энергоресурсах за счет добычи собственного угля; В 2012 году импорт СПГ в эту страну составил 14,68 млн т против 12,21 млн т годом ранее (прирост в 20,3%). По оценкам Всемирной организации здравоохранения и Всемирного банка, самые грязные города в мире находятся именно в Китае; Согласно прогнозу аналитиков компании «Лукойл», через 10 лет потребление газа в Китае может достигнуть 800 млрд куб. м.* Причинно-следственные конструкции, которыми текст насыщен, позволяют разъяснить значение упоминаемых фактов, постепенно подводя к решению проблемы: *Вместе с тем продолжительный экономический рост привел к появлению в Китае среднего класса, в связи с чем последние несколько лет в этой стране стремительными темпами растет автомобильный рынок. В настоящее время в Китае ежегодно продается больше автомобилей, чем в любой другой стране мира. Это означает, что вскоре в китайских городах будет совсем нечем дышать.*

В рекламе столь развёрнутая информация о социальных и экономических фактах, обогащающая картину мира адресата, практически не встречается. Исключением, пожалуй, могут быть развернутые тексты – такие как, например, многостраничные буклеты. Так, в рекламном каталоге ювелирных украшений, предлагаемых салоном «Галерея Михайлов» (каталог, распространяющийся, в частности, в элитных супермаркетах, выполняет очевидно рекламные функции), описание каждого украшения содержит развёрнутый комментарий искусствоведа, откуда читатель может не только узнать о символике предлагаемого украшения, но и получить информацию культурологического и религиоведческого плана, например: *Трогательные образы пастушка с дудочкой и святочных волхвов в остроконечных шапках напоминают о героях старинной батлейки. «Батлейкой», или «Вифлиемом», назывался в XIX веке в Белоруссии и западных Великорусских областях святочный кукольный театр, в котором разыгрывалась драма, повествующая о Рождестве Христа и смерти царя Ирода.*

Рассмотренные примеры позволяют утверждать, что культурно-просветительская информация, расширяющая границы познаний адресата, выполняет в рекламном и PR-дискурсе целый ряд функций (часть из них присуща в большей степени рекламе или связям с общественностью, другая часть характерна для при-

кладных коммуникаций в целом) и играет немаловажную роль в осуществлении коммуникативного воздействия на целевые аудитории.

Список литературы

1. Блэк С. Паблик рилейшнз. Что это такое? М., 1990. – С. 45.
2. Дрю Ж.-М. Ломая стереотипы / Пер. с англ. под ред. Л. А. Волковой. – СПб: Питер, 2002.
3. Дускаева Л. Р. Медиатекст как объект интенционально-стилистического изучения // Коммуникативистика в современном мире: эффективность и оптимизация речевого взаимодействия в социуме. Барнаул, 2012.
4. Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза рекламных текстов // Язык средств массовой информации. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. – С. 624–633.
5. Коняева Ю. М. Выражение диалогичности в PR-тексте (на материале байлайнера) // Мир русского слова. 2014. – № 1.
6. Кривоносов А. Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб., 2001.
7. Медведева Е. В. Рекламная коммуникация. – М.: Едиториал УРСС, 2003.

EXPRESSION OF CULTURAL AND EDUCATIONAL MEANINGS IN THE TEXTS OF APPLIED COMMUNICATIONS

A. A. Goryachev

*Saint-Petersburg
State University*

*e-mail:
aga@list.ru*

The article is devoted to the expression of cultural and educational meanings in the sphere of applied communications. The reasons why the elements of cultural and educational discourses appear in this sphere are described, the difference between the expression of cultural and educational meanings in advertising and public relations is revealed.

Keywords: cultural and educational meanings, applied communications, media, advertising, public relations, discourse.

УДК 070

ПОЗНАВАТЕЛЬНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ МЕДИАРЕЧЬ: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СЦЕНАРИЯ ТРЭВЕЛ-МЕДИАТЕКСТОВ

Л. П. Дускаева

*Санкт-Петербургский
государственный
университет*

*e-mail:
LRD2005@yandex.ru*

В статье представлены формально-содержательные особенности тревел-медиадискурса, для анализа которых была установлена интенциональность как совокупность референтных, модальных и коммуникативных интенций, а затем было выявлено, каким образом эти доминанты эксплицируют эпизоды коммуникативного сценария дискурса путешествий. В ходе исследования было обнаружено, что важнейшие интенциональные смыслы, которые помогают отразить сценарий путешествия, – это локативности, перцептивности – из референтных, эмоциональной и рациональной оценочности, приглашения к путешествию и предупреждения об опасностях путешествий – из модальных, установления на контакт с аудиторией и стимулирования ее интереса к изложению – из коммуникативных. Каждый из этих смыслов репрезентируется системами равноуровневых языковых средств.

Ключевые слова: тревел-медиадискурс, интенциональность, коммуникативный сценарий, интенциональные семанτικο-стилистические категории локативности, перцептивности, оценочности, волеизъявления и диалогичности.

В российском информационно-медийном поле значимое место занимают познавательно-просветительские издания. В данной статье попытаемся представить механизм речевого воздействия в этих изданиях через понятие стиля. Некоторые лингвисты относятся к нему как к маргинальному. Однако известный польский языковед С. Гайда справедливо отмечает, что понятие стиля «оказывается – интуитивно (?) – полезным, и сторонникам строгого научного языка «убить» его не удалось. К стилю обращаются вновь и вновь, вспоминая старые (все еще живые) концепции и создавая новые» [2, с. 25]. Думается, эвристическая ценность понятия обнаруживается прежде всего в том, что оно дает возможность выявить типологическую специфику речевой деятельности в той или иной сфере общения. Характеризуя стиль, ученые отмечают его деятельностьную природу, связь с культурой, с традициями использования языка в той или иной сфере общения. Именно эти стороны стиля позволяют раскрывать закономерности использования языка в творческой речевой деятельности человека. В статье предполагается рассмотреть интенциональный **стиль** научно-популярных изданий о путешествиях.

Интенциональность, лежащая в основе этого интенционального стиля, представляет собой совокупность референтных, модальных и коммуникативных интенций. Стиль тревел-изданий прежде всего показывает результаты познавательной деятельности человеком пространства обитания и выражается в специфическом коммуникативном сценарии – путешествия по той или иной территории. Использование понятия сценария при характеристике стилистических свойств текстов позволяет увидеть, как отражается в них морфология культурной деятельности человека.

Объективация путешествия в тексте предполагает демонстрацию:

а) того, что обнаруживается в поле зрения путешественника, – свойства пространства наблюдения: географических объектов на воде и на суше, природных явлений, феноменов культурного наследия, традиций той или иной местности, в том числе фольклорных, кулинарных;

б) того, каким образом путешественник узнает о пространстве, как он перемещается по территории, как он наблюдает, к каким выводам приходит в результате наблюдений.

Доминантная интенция осведомления в трэвел-издании «подкрепляется» дополнительными, среди них прежде всего интенции эмоциональной и рационалистической **оценки** [1] объектов «осваиваемого» путешественником пространства, интерес к которому выступает движущей силой путешествия и привлекательный образ которого создается в тексте. Оценочность и эмоциональность подкрепляет разнонаправленное **волеизъявление**, в трэвел-изданиях представляющее собой, во-первых, приглашение в путешествие, во-вторых, предупреждение потенциальных путешественников об опасностях. Безусловно значимы в таком дискурсе **коммуникативные интенции** – установка на контактоустановление, которое позволит привлечь читателя в попутчики, организовать сопереживание с ним, пробудить интерес к познанию еще неизвестного.

Выражение доминантной интенции – осведомления о территории – осуществляется, конечно, коммуникативными действиями описаний территории (пейзажами), отражающих свойства того пространства наблюдения, которые обнаруживаются в поле зрения путешественника. Здесь налицо прежде всего внимание к естественно-географическим характеристикам территории: **Бермудский архипелаг** – это сотни **больших и малых островов**. Среди них встречаются и **совсем крохотные**, на которых даже дом не поставить. Как объясняют геологи, **архипелаг возник на месте подводного вулкана, едва выступающего над водой** (Вокруг света. Электронный ресурс: index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=76). Перед нами описание географического объекта, организованное именем собственным (**Бермудский архипелаг**), лексикой «целое – части» (**архипелаг – острова**), прилагательными, придаточным, причастным оборотом, выступающими в значении определений: размера (**больших и малых, совсем крохотные, на которых даже дом не поставить**) и положения в пространстве (**едва выступающего над водой**).

Пейзажные описания организуются номинациями мест осмотра: *Это явление повторяется в Монтевидео с завидной регулярностью каждый год. Бушует Рио-де-Ла-Плата, накатывает на берега свирепые валы, неумолимо и беспощадно крушит и уносит с собой все воздвигнутые за летний сезон пляжные постройки. Гигантская река-море словно проводит генеральную чистку и самого берега, и всех накопившихся на нем за год грехов. День, два, неделя... Но вот этот день настает. И, хотите – верьте, хотите – нет, а Монтевидео просыпается под совершенно чистым небом. Первые же лучи солнца освещают кроткое, прямо-таки нежно-бархатное зеркало воды, бесконечные, аккуратно вымытые и отглаженные многодневными атаками водяных утюгов пляжи, готовые превратиться в арену традиционных празднеств во славу богини моря и вод, плодородия и материнства, покровительницы рыбаков и мореходов, великой красавицы – Йеманхи* (Вокруг света. 30.10.2014). Эти номинации представлены географическими наименованиями объектов, названиями их частей, предложениями, благодаря которым уточняется место нахождения и особенности расположения объектов: *Монтевидео, Рио-де-Ла-Плата, на берега, пляжные постройки, река-море, берега, под небом, зеркало воды, пляжи, Йеманхи*. Имена прилагательные, в том числе сложные, глаголы-метафоры, образные сравнения помогают воссоздать картину явления. Благодаря всем этим средствам мы узнаем не только о каких-то объективных свойствах посещаемого места (о размере *гигантская, бесконечные*, расположении *под небом*, направлении движения *накатывает, уносит с собой*, о регулярных изменениях объекта, который *сначала бушует, ... свирепые валы, неумолимо и беспощадно крушит, словно проводит генеральную чистку*, а позже *выглядит иначе: кроткое, прямо-таки нежно-бархатное, аккуратно вымытые и отглаженные многодневными атаками водяных утюгов*), но и об отношении к нему повествователя – о восхищении и страхе, которое объект вызывает.

В путешествиях встречается описание памятников архитектуры: *Обнесенная стеной, высится ступенчатая искусственная гора, на которой стоят пять бажен-святилиц. Вокруг – другие массивные сооружения; все это образует прямоугольник, протянувшийся на полтора километра! Ангкор Ват обведен широким каналом; к нему ведет двухсотметровая прямая дорога, вдоль которой стоят изъеденные временем скульптуры змей-нагов и львов. Гигантский храм расположен на трех террасах, украшенных галереями со множеством великолепных рельефов. Полоса рельефных фигур первой террасы тянется более чем на километр...* (Вокруг света. 28.10.2014). В таких статических описаниях важно уточнение размещения объекта на территории, что передается разноуровневыми языковыми средствами: лексикой «целое – части» *Ангкор Ват – пять святилиц, террасы, галереи, рельефы*, глаголами и глагольными формами *высится, протянувшийся, обведен, расположен, тянется*, наречием *вокруг*, распространенными определениями *обнесенная стеной*. Значительное место в описании занимают определения размера, формы объектов (*гора, прямоугольник, массивные, протянувшийся на полтора километра, широкий, двухсотметровая, гигантский, более чем на километр*).

Как видно уже из представленного анализа, локативные смыслы в текстах путешествиях доминирующие, они выражаются разноуровневыми языковыми средствами, которые, вступая во взаимодействие, организуют описания разнообразных мест. Этим обусловлена чрезвычайная значимость (и семантическая, и количественная) в текстах путешествий средств выражения локативности, которые отражают особенности пространственной локализации путешественника и обследуемых им объектов, перемещения субъекта или изменения положения в пространстве объекта, параметрических свойств объектов [4]. Далее мы увидим, что их роль велика и в презентации других эпизодов коммуникативного сценария путешествия. Следовательно, эти средства, выступающие маркерами стилистической специфики данного медиадискурса*, выступают в текстах интенциональной семантико-стилистической категорией.

Большую роль для организации коммуникативного сценария трэвел-текста играет логика познания описываемого объекта. Познавательная активность повествователя становится движущей силой текста и отражается в научно-просветительских текстах по-разному. Это может быть показано, например, передачей действий передвижения, которые осуществляет путешественник: *И вот «Крузенштерн» подошел к Бермудам...* (Вокруг света. Электронный ресурс index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=76 – дата обращения 05.11.2014). Как видим, структура такого предложения весьма специфична: именем собственным названо средство передвижения (транспорт), глаголом движения – соответствующее действие (подошел), географическим наименованием в сочетании с пространственным предлогом – цель путешествия (*к Бермудам*). Такие предложения чрезвычайно значимы для структурирования коммуникативного сценария путешествия.

В некоторых текстах именно такие «конструкции движения путешественника» становятся своеобразными конструкциям связи текстов путешествий, скрепами между описательными фрагментами: *Подъезжая к озеру, издали видим ...; Что это? Хватаемся за бинокли, и кошмар рассеивается; По мокрому песку пытаюсь подойти ближе, чтобы рассмотреть это чудо. ... Приближаюсь – она отодвигается, отхожу – она придвигается* (Вокруг света. http://vokrugsveta.com/index.php?option=com_content&task=view&id=1486&Itemid=67 – дата обращения 05.11.2014). Интересно, что глаголы движения, наряду со значением действий по перемещению путешественника в пространстве, в трэвел-тексте обогащаются значением познавательных

* Под дискурсом мы, вслед за В. Е. Чернявской, понимаем «комплексную взаимосвязь многих текстов (типов текста), функционирующих в пределах одной и той же коммуникативной сферы» [6, с. 11 – 12].

действий. Включенная в фрагмент вопросительная конструкция отражает акт мысли в осознании увиденного.

Этапом познания интересующего географического объекта может быть его открытие, об истории которого ведет речь повествователь в тексте: **...Испанский моряк Хуан Бермудес, направляясь в новые испанские владения в 1522 году, обследовал Бермудские острова, но, не увидев здесь индейцев, увешанных золотом, отправился дальше. Об островах забыли почти на сотню лет. В 1609 году английский адмирал Джордж Соммерс на фрегате «Си Венгер» шел с переселенцами в Америку. Но у берегов Виргинии шторм выбросил парусник на рифы. Потерпевшие кораблекрушение стали первыми жителями островов** (Вокруг света. Электронный ресурс index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=76).

Повествование в этом случае строится как многократное приближение путешественников к объекту. В связи с этим активно используются названия объектов, выраженные именами собственными, географическими терминами, пространственные предлоги, глаголы передвижения.

Познание может быть представлено как научное изучение свойств объекта, которое предстает во временной динамике: **Известно, что коралловые рифы постепенно растут, поднимаясь все ближе к поверхности воды. ... Но вот недавно близ побережья Флориды обнаружен самый глубоководный из существующих в водах США коралловых рифов: до его вершины пришлось нырнуть почти на 80 метров! Вообще-то, риф нашли еще в 1999 году, но до сих пор ученые проверяли: действительно ли он растет и благополучно развивается. Ведь не исключалось, что участок дна в этом районе океана просто понизился и колония кораллов давно погибла, окаменела. Однако риф, несмотря на глубину, оказался полностью жизнеспособным. За более, чем семь лет исследований было установлено, что это редкостное создание природы, находящееся примерно в 150 километрах от побережья Флориды, имеет размеры пять на тридцать километров. Недосток света сказался лишь в одном странном свойстве рифа. Обычно коралловые постройки тянутся вверх, к свету; флоридский риф же стал активно расти в стороны, увеличивая свою площадь, а не высоту!**.. (Вокруг света. Электронный ресурс http://vokrugsveta.com/index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=76). Динамика познания передана темпоральной лексикой (недавно, еще в 1999 году, до сих пор, за 7 лет исследований) и цепочкой глаголов и глагольных форм, называющих действия субъекта познания: обнаружен, пришлось нырнуть, не исключалось, было установлено, нашли, проверяли, сказался. Мы наблюдаем, как в ходе изучения открываются новые и новые свойства объекта и корректируются старые представления о нем благодаря использованию цепочки глаголов и глагольных форм, иногда в сочетаниях с существительными, которые передают свойства объекта познания: растут, поднимаясь, погибла, окаменела, имеет размеры, находящееся, тянутся, стал расти, увеличивая площадь, а не высоту.

В ходе познания его субъект переживает эмоции удивления, восхищения, отзвук которых отражаются в текстах: **Не устаешь поражаться диковинному круговращению цивилизаций. Огромные великолетные города, славные на весь мир храмы, полные роскоши дворцы владык – все обращается в руины; на место гула много-тысячных толп приходит тишина** (Вокруг света. Электронный ресурс: http://www.vokrugsveta.com/index.php?id=1344&option=com_content&task=view).

Эпизоды, в которых отражены этапы познания географически объектов, показывают, насколько «статично» представлено в трэвел-медиа текстах время, например: **Селигер – огромное водное пространство – 260 квадратных километров, 160 островов.** [В предложении нет глаголов и др. указателей времени.] **Некоторые во время падения уровня воды неожиданно всплывают, а затем вновь исчезают в пучине.** [Значение глаголов вневременное.]

Особенность этого ледникового озера в том, что в него **впадает** 400 рек и речушек, а **вытекает** лишь одна — Селижаровка. [Значение глаголов вневременное.] Навигация здесь сложная — нужно знать все плесы, мели и ветры. [В предложении нет глаголов и др. указателей времени.] Волна на озере коварная. [В предложении нет глаголов и др. указателей времени.] Здесь излагаются сведения о том, что размещается в пространстве вне времени: было, есть и будет. Но важнее всего то, «что **сейчас** здесь можно наблюдать»: даже если речь идет о том, что было, то только лишь для того, чтобы понять, почему в сию минуту это мы наблюдаем таким. Если речь идет о том, что может случиться, то для того, чтобы глубже понять сущность настоящего.

В трэвел-текстах путешественник выражает свой глубокий интерес к знакомству с новыми местами, когда сокрушается о том, как много не увиденного им еще остается: *А мы еще не видели, как живут кхмеры, не были на озере Тонлесап, не повидали рыбацких плавучих деревень... Проглядывая путеводитель, обратили внимание на упомянутые там горы Пном-Кулен и Пном-Кбаль-Спин.* В повторе отрицаний разных познавательных действий (*не видели, не были на, не повидали*) мы чувствуем волнение повествователя (Вокруг света. Электронный ресурс: <http://www.vokrugsveta.com/index.php?id=1344&option=comcontent&task=view>).

Иногда путешественник испытывает растерянность перед неизвестным, что в следующем примере подчеркнуто отрицанием, вопросительной конструкцией: **Научно объяснить этот феномен невозможно. Но стоит ли удивляться? То же самое можно наблюдать, например, и в перуанской Кахамарке в канун февральского карнавала.** Порою в тексте слышен отзвук пережитого отчаяния из-за невозможности справиться с природной стихией: *Уже, кажется, нет и быть не может такой силы, которая остановила бы этот разгул стихии. А тем более к определенной дате — 2 февраля* (Вокруг света. 28.10.2014). Часто путешественник испытывает душевный трепет перед невероятной красотой и величием открывающейся перед его взором картины: *...поднимаюсь на балкон колокольни. Под самым шпилем с часами носятся ласточки. К дождю? Молодой монах в задумчивости любуется селигерским простором. Ежедневные, бытовые мысли покидают здесь любого. Необычное место. Оно успокаивает, просветляет* (Вокруг света. № 3. 1999). Интонация немногословия (парцелированного вопросительного, односоставного неопределенно-личного, односоставного назывного, нераспространенного двусоставного предложения) передает состояние задумчивости, душевного спокойствия, вызванное величием природы.

Именно субъективностью сценария текстов-путешествий обусловлено весьма активное использование в них **оценочных коммуникативных действий**. В пейзажах трэвел-медиа-текстов отражается то, какое впечатление на путешественника производит знакомство с территорией, когда, например, восхищение передается высокой эстетической оценкой объекта наблюдений: **Нереальность этой щедрой архитектуры, красота и гармоничность ее форм очаровали нас настолько, что мы совершенно забыли** — ведь через пару дней нам возвращаться в Киев! (там же) Оценка выражается именами существительными (*красота и гармоничность*), прилагательными (*щедрая*), глаголами (*очаровала*), акцентуаторы (*настолько, что...*) подчеркивают силу впечатлений.

Высокая эстетическая оценка архитектурного объекта подкрепляется гедонистической, отмечающей то, что нравится путешественнику, знакомство с чем доставляет ему удовольствие: *Такого нет больше нигде в мире: каждая из многих тысяч фигур — шедевр! Слоны, воины и колесницы в боевых сценах из древних индийских поэм «Махабхарата» и «Рамаяна»; прекрасные небесные танцовщицы в сложных головных уборах...* (там же). Как видим, для выражения отношения в тексте могут использоваться очень стандартные средства *прекрасные, шедевр*, однако это не лишает текст экспрессивности.

В следующем примере положительную эстетическую оценочность архитектурного ансамбля города формируют оценки разных семантических видов (эмоциональные, этические, утилитарные, телеологические), поскольку направлены и на творца и на его творение: **Преданный** своему искусству, Ланфан задумал не просто новый **удачный** градостроительный проект, но как **истый** архитектор и вдобавок как француз он **замахнулся** на нечто, еще **невиданное прежде**. Мужавшей нации Нового Света он хотел подарить город **больше**, чем Лондон, **уютнее**, чем Вена, **шикарнее**, чем Париж, одним словом, создать **великую** столицу для **великого** народа. **Дерзновенность** его замысла, а затем и **размах** действий оказались неуютны президенту Вашингтону, и спустя год после начала большой стройки их союз распался. Однако то, что успел сделать **талантливый** француз, и по сей день **удерживает Вашингтон в объятиях света и воздуха**. Ланфану **удалось осуществить** основу своего замысла – разбить город на концентрические окружности, пересекаемые исходящими из одного центра, как солнечные лучи, радиальными улицами (Вокруг света. URL: http://vokrugsveta.com/index.php?option=com_content&task=view&id=1459&Itemid=1).

В повествованиях о типичных событиях, происходящих на той или иной территории, проявляется эмоциональная оценочность: *Но, несмотря на это, один из **самых ярких и красочных** южноамериканских карнавалов все-таки проходит*. Эстетическая оценка акцентируется постановкой оценочных определений в ряд однородных членов и добавкой суперлатива.

Эстетическая оценка может быть направлена на объект природы – остров: *Потерпевшие кораблекрушение стали первыми жителями **островов***. Однако и поселенцы не сразу оценили **прелесть этих клочков земли, поросших пальмами, обрамленных пляжами с розоватым песком** (Вокруг света. Электронный ресурс: [index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=76](http://vokrugsveta.com/index.php?option=com_content&task=view&id=542&Itemid=76)).

Следовательно, выражение оценочных коммуникативных действий органично «встроена» в каркас сценария текста путешествия и отражает провозглашаемые в трэвел-текстах ценности.

Выражение коммуникативных действий волеизъявления в рассматриваемом дискурсе подчинено главным образом двум задачам путешествий: одна состоит в стремлении к активизации туризма как формы социокультурной деятельности и, конечно, к продаже туристических услуг. Другая состоит в том, чтобы заинтересовать в путешествии как форме познавательной коммуникации. Обе эти задачи выполняются в разных стилистико-речевых формах побуждения.

Побуждение здесь предстает:

— как предложение к путешествию, т.е. побуждение к перемещению в пространстве в поисках сильных впечатлений: *Кстати, **приехать сюда с собственной палаткой** (ну или взять напрокат уже на острове) – **хорошая идея***. Предложение сформулировано как одобрение действий, выраженное общеоценочным прилагательным, и продолжено обоснованием предложения: *Это **гораздо дешевле**, чем снять номер в отеле, а **впечатления можно получить замечательные***. Все стоянки **ухожены** (за чистотой следят специальные люди), **есть места для костра, то там, то тут в глухом лесу** встречаются мусорки. **Можно остановиться** на пляже, окруженном соснами, где не будет никого, кроме вас, **белого песка и островов вдалеке**. Или в лесу у обрыва – **в полной тишине, с видом на море и небо** (Клуб «Моя планета». Электронный ресурс – дата обращения 13.10.2014.). Обоснование побуждения «строится» несколькими способами: (а) предложением вариантов размещения (сформулированных конструкцией «модальное слово+инфинитив» *можно остановиться* в сочетании с однородными обстоятельствами места *на пляже ... или в лесу*), (б) демонстрацией преимущества предложенного вида размещения (с помощью формы сравнительной степени *дешевле*) с участием акцентуатора (*гораздо*), (в) обещанием ярких впечатлений, продемонстрированных экспрес-

сивным лаконизмом пейзажных описаний (которые переданы уточняющими обстоятельствами места и различными определениями пространства – согласованными, несогласованными, а также придаточными предложениями: *на пляже, окруженном соснами, где не будет никого, кроме вас, белого песка и островов вдалеке. Или в лесу... – в полной тишине, с видом на море и небо*);

– как рекомендация туристу по организации им осмотра объекта, например: *Для того чтобы осознать величие одного лишь храма Ангкор Ват, **нужно возвращаться к нему раз за разом, в разное время суток и года.** Шутка ли!* (Вокруг света. Электронный ресурс: <http://www.vokrugsveta.com/index.php?id=1344&option=comcontent&task=view>). Совет сформулирован как ответ (обстоятельствами образа действий *нужно возвращаться к нему раз за разом, в разное время суток и года*) на гипотетический интерес потенциального туриста (выраженный придаточным цели: *Для того чтобы осознать величие одного лишь храма Ангкор Ват*);

– как предупреждение об опасностях, подстерегающих туриста: *Как сообщает Русский информационный центр в Гоа (РИЦ), за день до трагедии Метеорологическая служба Индии выпустила штормовое предупреждение с запретом на выход в море в течение 72 часов. **Запрет распространяется** на несколько прибрежных штатов, в том числе и на Гоа. **РИЦ призывает туристов трезво оценивать ситуацию, прежде чем соглашаться на услуги местных фирм*** (Вокруг света. 28.10.2014). Предостережение сформулировано трансляцией призыва к осторожному поведению после сообщения о трагедии, к которой привело пренебрежение к таким предупреждениям, благодаря этому звучит весьма убедительно.

Во всех примерах трэвел-медиатекстов, которые мы проанализировали, проступает их коммуникативная направленность, действие в них установки повествователя на диалогическое взаимодействие со своей аудиторией. Следовательно, значимой характеристикой стиля этих текстов является диалогичность в виде **адресованности и ответственности** [3, с. 4].

Адресованность и ответственность в их цикличности проявляются в воображаемых диалогах с читателем: *Так о ком же или о чем идет речь, спросил бы спавший трехсотлетним сном историк, не пугающийся путешествий во времени? Твердолобый ортодокс советского периода (еще доживающий свой век в некоторых из нас) сказал бы, не задумываясь: «Речь идет о столице империи зла». Но как показала реальная жизнь, оперировать аргументом «а зато у вас негров линчуют» оказалось недальновидно* (Вокруг света. 12.10.2014).

Адресованность обнаруживается:

– в текстовых приглашениях читателя к совместному путешествию по объектам с помощью глагольных форм совместного действия и инфинитивов глаголов, отражающих познавательные действия: *...**Попробуем лучше узнать и понять** этот город; **Но вернемся** в Вашингтон. Зимой, при плюсовой температуре...* (Вокруг света. 12.10.2014);

– в упоминаниях о присутствии читателя: *... Как уже **понял читатель**, статья о Вашингтоне не получится лишь с позиции истории и культуры* (там же);

– в своеобразной идентификации с читателем, прежде всего с помощью местоименных форм 1 л., рекомендациях ему (и себе) по выработке отношения к рассказанному: *Но даже для этого **не обязательно пересекать** Атлантику, выходить из серебристого авиалайнера в вашингтонском аэропорту Даллас... **Достаточно просто любить нашу** Землю, всю без исключений и темных пятен на карте, одним из которых когда-то был для нас Вашингтон – город, в котором почти всем **нам** не суждено побывать никогда...* (там же). Рекомендации передаются конструкциями «модальное слово+инфинитив», инфинитивом называются рекомендуемые действия;

– в прямой обращенности к аудитории с помощью местоименно-глагольных форм 2 лица: ***Представьте** себе, что на излете XVIII века, во времена становления нации, у нее появилась возможность заложить и обустроить свою столицу* (там же). Сам ход путешествия передается глаголами познавательных действий *узнать, понять, представить*.

Представляя географические объекты, повествователь акцентирует внимание на самых важных у них сторонах, например, с помощью языковых средств противопоставления, суперлативов, лексических повторов: *Вашингтон – это не Вечный Рим и не Берлин, не Древний Киев и не Мадрид. Вашингтон среди столиц великих государств – город самый молодой* (там же). Акцентирующие средства позволяют «выстроить» своеобразную ответственность гипотетическому читателю-спорщику. Следовательно, без диалогичности, помогающей организовать смысловое взаимодействие с потенциальными читателями, текст-путешествие немислим.

Подведем итог. Интенциональность дискурса путешествия представлена специфическим набором интенций, каждая из которых репрезентируется языковыми средствами разных уровней, взаимодействие которых предопределяет стиль этого дискурса. Наш анализ материала показал, что интенциональный речевой стиль дискурса путешествий «отмечен» не только пейзажами, описанием туристических объектов, но и демонстрацией познавательной деятельности путешественника и организацией в ходе путешествия специфического коммуникативного взаимодействия с читателем. Важнейшей интенциональной семантико-стилистической категорией, отражающей интенциональный стиль путешествий, является категория локативности, выраженная самыми разнообразными языковыми средствами и работающими как на осведомление о географическом объекте, так и на выражение отношения путешественников к нему и к познанию о нем.

Языковые средства трэвел-текста способствуют тому, чтобы передать красоту и величие природы и культурных ценностей, созданных человеком, значимость для человека гармоничного существования с природой, уважительного отношения к созданным в прошлом шедеврам культуры, важность для развития личности самого активного познания мира и – в целом гармоничного существования человека с окружающим.

Предложенный нами интенмент-анализ стилистики текстотипов в массмедиа позволяет увидеть причинно-следственные отношения в речеобразовании, дает возможность обнаружить не только интегральные стилистико-речевые свойства медиатекстотипа, которые обусловлены его принадлежностью данной сфере общения, но и дифференциальные свойства, детерминируемые разнообразием экстралингвистических факторов в ней, а значит помогает обнаружить правила профессионального речевого поведения коммуникатора в разных ситуациях медийного общения.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Аксиология в механизмах жизни и языка, Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1984.
2. Гайда С. Что такое стиль? Стилистика как речеведение. М., 2014.
3. Дускаева Л. Р. Выражение диалогичности в газетных текстах 1981-1995 гг. Автореф. дис. канд. филол. наук. Пермь, 1995.
4. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004.
5. Федосеева Л. Н. Категория локативности в современном русском языке: автореферат дис. ... доктора филологических наук. Тамбов, 2013.
6. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований, Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. Санкт-Петербург, 2001.

EDUCATIONAL MEDIA SPEECH: REPRESENTATION OF THE COMMUNICATIVE SCRIPT OF TRAVEL MEDIA TEXTS

L. R. Duskaeva

St. Petersburg State University

e-mail:
LRD2005@yandex.ru

This article is devoted to model of effective information exchange between university administration, scientific and pedagogical workers, students and employers for generation and approbation of innovative ideas, advance of a brand of university, promoting of scientific knowledge.

Keywords: information technologies, vertical system of communications, horizontal system of communications, portal of opinions, federal university.

УДК 81-139

СТИЛЬ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО КОРПОРАТИВНОГО ИЗДАНИЯ: ИНТЕНЦИОНАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ю. М. Коняева*Санкт-Петербургский
государственный
университет**e-mail:
yulia.konyaeva@gmail.com*

В статье раскрываются особенности формирования стиля образовательного корпоративного издания с точки зрения интенциональной стилистики. В качестве узловых интенций рассматриваются оптимизированное информирование о жизни вуза, внедрение корпоративных ценностей, создание в коллективе благоприятной рабочей атмосферы, стимулирование творческой активности сотрудников. Отмечается, что стиль образовательного журнала формируется под воздействием корпоративной оценочности и аудиторного фактора.

Ключевые слова: корпоративное издание, образовательный журнал, стиль издания, интенциональность, корпоративная оценочность.

Образовательные издания занимают особое место в ряду корпоративной прессы, в первую очередь в силу специфики своей целевой аудитории: из всех корпоративных изданий они имеют «наиболее социализированный и гуманитарный характер» [3, с. 8]. Являясь одним из главных инструментов внутривузовской коммуникации, образовательный корпоративный журнал ориентирован на внутреннюю аудиторию – студентов, профессорско-преподавательский состав, администрацию вуза и др. Кроме того, он способствует формированию и поддержанию на определенном уровне бренда учебного заведения в глазах внешней общественности.

Для того чтобы проиллюстрировать эти положения, а также выявить особенности формирования стиля образовательного корпоративного издания, обратимся к рассмотрению журнала «Санкт-Петербургский университет». Материалом послужили номера за 2013 – 2014 годы. Методика анализа состоит в выявлении частных интенций обозначенного типа изданий, характеристике жанровой специфики и особенностей выражения оценочных значений и диалогичности, разработанная в трудах Л. Р. Дускаевой [1, с. 2].

Интенциональность образовательных журналов, как и в целом корпоративных изданий, направлена на формирование положительного имиджа образовательного учреждения для внутренней и внешней аудитории. Она проявляется в таких частных интенциях как: а) оптимизированное информирование о жизни вуза; б) внедрение корпоративных ценностей; в) создание в коллективе благоприятной рабочей атмосферы; г) стимулирование творческой активности сотрудников и др. Каждая из обозначенных интенций находит отражение в стилистике обозначенного типа изданий. Рассмотрим их по порядку.

Так, особенности **информирования** наиболее ярко проявляются в тематической модели журнала: основным предметом освещения становится университетская жизнь, но при этом все события подвергаются корпоративной оценке, отбираются только факты, способствующие формированию положительного имиджа университета. Оптимизированному информированию о жизни университета способствуют новости следующих тематических сфер:

1) сообщения о событиях, конференциях, встречах, проводимых в университете: *СПбГУ принимал лучших математиков (№1. 2014); Золотоискатели из СПбГУ получили премию (№2. 2014); Торжественное вручение первых PhD дипломов СПбГУ (№16. 2013);*

2) новости образовательного процесса: *Два года — и дорога в медийный мир Европы открыта. В СПбГУ открывают новую учебную программу (№2. 2014); О*

мире науки просто, популярно, понятно. Открывается новая магистерская программа «Научно-популярная журналистика» (№ 3. 2014);

3) события студенческой жизни: *Репортаж с футбольного матча* (№15. 2013); *Война для нас не закончилась...* Студенческий поисковый отряд «Ингрия» провел две очередные Вахты Памяти (№ 13. 2013).

Как можно заметить, приведенные примеры, отличает именно корпоративно ориентированное информирование: отбираемые события объединены наличием прямого или косвенного указания на базисный субъект PR и в совокупности формируют образ динамично развивающегося в различных направлениях (наука, образовательный процесс, внеучебная работа и др.) учебного заведения.

Внедрению корпоративных ценностей служат в первую очередь материалы, посвященные истории университета и способствующие сохранению исторической памяти: *Университетские аудитории стали колыбелью самиздата Ленинграда* (№ 2. 2013); *Кантата для науки. Внучка композитора Римского-Корсакова стала известным минералогом* (№ 5. 2014). Такие публикации являются важной составляющей номера: университет здесь предстает как учебное заведение с богатой историей, со своими традициями, сложившимися на протяжении веков существования.

В одном из номеров, например, материал об университетских анекдотах завершается призывом, который, с одной стороны, указывает на многолетнюю историю университета, с другой же, способствует объединению коллектива и созданию благоприятной рабочей атмосферы: *Здесь приведены только некоторые образцы университетского фольклора, а ведь есть еще различные мифы и легенды, песни, целые пласты экспедиционного фольклора геологов, географов, биологов, археологов и других «полевых» специальностей. Наверняка у всех есть свои предания и о профессорах, и о студентах, со своим специфическим «профессиональным» юмором. Так давайте соберем все это в Музее истории СПбГУ! Тогда со временем при помощи наших филологов-фольклористов можно будет выпустить большую книгу о фольклоре Санкт-Петербургского университета* (Несерьезное серьезно // № 1. 2014).

Стимулированию благоприятной рабочей атмосферы внутри коллектива, с одной стороны, а с другой – формированию имиджа одного из ведущих университетов страны способствуют публикации, рассказывающие о материально-техническом оснащении вуза, научных разработках сотрудников университета, проводимых в рамках различных грантов исследованиях и проч. Приведем несколько отрывков из публикаций первого типа: *Сквозь «прибыльные стекла». От микроскопа Левенгука до ресурсного центра* (№ 1. 2014); *Вычислительный центр СПбГУ: быстрее, мощнее, эффективнее* (№ 3. 2014) и др. Тексты насыщены телеологическими оценками (*прибыльный, быстрее, мощнее, эффективнее*), что позволяет указать на конкурентные преимущества университета, его соответствие современным требованиям, а также убедить в существовании необходимых условий для проведения научных исследований.

Что касается самих описаний исследований, то здесь на первый план выдвигается субъект – представитель университета, являющийся профессионалом в своей области. Это позволяет опять же косвенно наращивать публичный капитал учебного заведения. К примеру: *Эти непростые простые химические реакции. В лаборатории кластерного катализа СПбГУ под руководством члена-корреспондента РАН профессора Валентина Ананикова разрабатывают методы, с помощью которых можно будет получать новые биологически активные соединения и новые лекарственные препараты* (№ 4. 2014).

С интенцией **реализации творческой активности и самовыражения** связаны публикации в журнале произведений представителей университета. Это может быть литературная критика (например, *Довиль, Вертинский и кино* – очерк, написанный профессором кафедры истории журналистики В. В. Перхиным и опубликованный в № 14 за 2013 год); собственно художественные произведения

различных жанров (*Водополь* – рассказ профессора ЛГУ Н. И. Соколова в № 9 за 2011 год); путевые заметки универсантов (*Соловки. Часть 1. Духовная твердыня Беломорья*, № 16 за 2013 год); *Остров Наксос – мраморное ухо планеты* в № 12 за 2013 год) и др.

Этим же целям служат книжные обзоры сотрудников, выпускаемые под рубрикой «Человек читающий»: *Доцент СПбГУ Егор Малашичев знает, что лучше читать в палатке под дождем, а не на диване* (№3. 2014); *Людмила Петровна Громова открыла для себя «Остров Крым»* (№ 4. 2014) и т. д.

Специфической чертой образовательных корпоративных журналов становится то, что проблемы общественно-политической и культурной жизни страны и мира представлены здесь через призму опыта сотрудников и студентов университета: *Европейская планировка центра и отсутствие холмов делают Петербург весьма привлекательным для тех, кто хочет передвигаться по городу на велосипеде. Городские власти идут навстречу, и уже к концу 2015 года правительство Северной столицы намерено подготовить предложения по трассировке городских велосипедных маршрутов по 16 направлениям, предложенным в «Концепции развития велосипедного движения в Санкт-Петербурге». Она разработана социологами СПбГУ совместно с командой открытой лаборатории «Город». (Я буду долго ждать велосипед?// №5. 2014).* В анализируемом отрывке четко прослеживается проблема, ставшая в последние годы очень актуальной для города – отсутствие условий для развития велосипедного движения. Но рассмотрение этой проблемы, поиск путей ее решения ограничивается университетской средой, в очередной раз высвечивая условия отбора фактов и событий для журнала.

Специфика образовательного издания просматривается и в вопросе **жанровых предпочтений**. Как отмечают исследователи, в целом корпоративная пресса «ориентируется на констатирующие, а не на аналитические жанры: описывается состояние дел, планы корпорации, социальные мероприятия, даются портреты работающих в корпорации людей, все это, естественно, с положительной оценкой» [4, с. 147]. Первое не совсем верно по отношению к именно к типу образовательного издания.

Как и для большинства корпоративных изданий, для образовательного журнала характерно сочетание журналистских жанров и жанров PR-коммуникации. PR-жанры большей частью призваны формировать и поддерживать имидж учебного заведения. В связи с этим мы встречаем:

– событийные байлайнеры, являющиеся заменой привычной для СМИ колонки редактора: *Трудитесь, дерзайте и вдохновляйте!* (№ 1. 2014) – байлайнер от лица ректора, посвященный 290-летнему юбилею университета;

– поздравления от лица университета: *50 лет в Университете* (№15. 2013); *Историк, популяризатор науки, педагог. К 80-летию профессора Владислава Александровича Кутузова* (№ 14. 2013) и др.;

– факт-листы, ставшие популярными в журнале: они визуализируют информацию о базисном субъекте и обладают косвенной положительной оценочностью: *Древо жизни Университета* (№1. 2014); *Петербург vs Москва, или Круговорот умов. Выпускники и профессора СПбГУ и МГУ* (№4. 2014); *Имена универсантов на административной карте России* (№3. 2014) и др.;

– имиджевые интервью: например, с проректором Л. А. Цветковой *Об инновациях в образовании и оптимизации ресурсов* (№ 7. 2011); с ректором СПбГУ Н. М. Кропачевым *Большому университету – большие перспективы* (№ 1. 2014) и др.;

– имиджевые статьи: *Профессиональное признание на академическом уровне* (№3. 2014) – статья о присуждаемой в Университете престижной научной награде – Невской премии и т. д.

Материалы журналистских жанров создают особую атмосферу образовательного журнала, сближая его с общественно-политическими и деловыми изданиями. Так, информационные жанры (заметки и отчеты) направлены на информирование

об актуальных событиях мира науки (рубрика «На острие науки»). Важную часть каждого номера составляют аналитические материалы (в первую очередь – статьи). Опора на аналитику, безусловно, связана со спецификой целевой аудитории журнала, большая часть которой – это «профессионалы речи, владеющие системой научных оценок жанрово-стилевых предпочтений» [3, с. 171].

Оценочные значения в журнале «Санкт-Петербургский университет» выражаются в основном косвенно, в первую очередь через акцентирование отдельных фактов, способствующих формированию положительного имиджа университета. С этой целью выражение получают следующие смыслы:

1) компетентность преподавательского состава (получение премий, наград сотрудниками университета): *В СПбГУ трудится **уникальная команда** востоковедов и имеются **все условия** для научной работы. Именно это побудило выпускника Университета, а ныне **ученого с мировым именем**, профессора Мичиганского университета Александра Дмитриевича Кньиша вернуться в свою *alma mater* и возглавить здесь в рамках гранта новую лабораторию (В СПбГУ узнают, что представляет собой ислам сегодня // № 1. 2014);*

2) преимущества образовательного процесса (открытие новых образовательных программ): *Два года – и дорога в медийный мир Европы открыта. Такую **перспективу** открывает студентам **новая уникальная программа** магистратуры по журналистике «Глобальные коммуникации и международная журналистика» (*Global Communication and International Journalism*), реализуемая в рамках сотрудничества СПбГУ и Свободного университета Берлина (№ 3. 2014);*

3) наличие передовых технологий: *Сегодня студентам и ученым СПбГУ доступна **самая современная техника**. Она позволяет не только увеличить изображение объекта до пяти миллионов раз, но и воздействовать на него в процессе работы. Во времена Ломоносова такую возможность сложно было даже представить (Сквозь «прибыльные стекла» // № 1. 2014);*

4) успешность выпускников: *Есть те, кто, получив естественнонаучное образование, погружаются в науку, и те, кто занимается ее популяризацией. Выпускница СПбГУ Ася Казанцева пошла по второму пути. Сегодня она **известный журналист** и **нисколько не жалеет о своем выборе** («Журналист должен быть самостоятельной боевой единицей» // № 3. 2014);*

5) возможности публикации результатов научных исследований: рубрика «Новинки издательства СПбГУ».

Выражение диалогичности в вузовских изданиях связано с установкой на гармонизацию отношений как с внутренней, так и с внешней аудиторией. Поскольку адресат мыслится, с одной стороны, как имеющий непосредственное отношение к миру науки (и собственно к университету), с другой же – как массовый читатель, тексты приобретают нередко черты научно-популярного изложения: *Можем ли мы осознанно и целенаправленно применять или не применять имплицитные знания (знания, полученные неосознанно)? Влияет ли на использование таких знаний наличие у человека определенной стратегии при решении задач и принятии решений? Чтобы ответить на эти вопросы, психологи СПбГУ провели исследование, в ходе которого были созданы условия, чтобы имплицитные и эксплицитные знания вступали в противоречие. Это было необходимо для того, чтобы понять, какие из них пользуются приоритетом. (Интуиция пасует перед противоречиями // № 5. 2014).*

В приведенном отрывке мы можем встретить основные черты выражения диалогичности в образовательном корпоративном журнале. Текст адресован образованной аудитории, о чем свидетельствует и литературный язык (имеет черты научного стиля), и наличие сложных конструкций (сложноподчиненных предложений с придаточными цели). Разнородность аудитории подчеркивается, например, пояснительной конструкцией, ориентированной на неподготовленного читателя (*знания, полученные неосознанно*). Текст начинается предполагаемыми вопросами адресата, на которые

автор в дальнейшем намерен ответить. Такое построение направлено на стимулирование интереса к излагаемому.

Таким образом, стиль образовательного корпоративного издания формируется под воздействием корпоративной оценочности и аудиторного фактора. При этом обращенность к читателю проявляется в косвенной форме через акцентирование значимых для учебного заведения фактов и событий.

Список литературы

1. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Пермь, 2004.
2. Дускаева Л. Р. Интенциональность речевой деятельности журналиста: онтология и структура // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. – № 2.
3. Майданова Л. М., Чепкина Э. В. Проблема достоверности информации в журналистских практиках: речевой аспект // Этика речевого поведения российского журналиста / Ред.-сост. Л. Р. Дускаева. СПб., 2009.
4. Мисонжников Б. Я. Современные корпоративные СМИ: актуальность творческих стратегий // Корпоративные массмедиа (генезис, функционирование, трансформации): матер. науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (Корпоративные массмедиа) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 2010.
5. Цветова Н. С. К проблеме формирования речевой концепции корпоративного издания // Корпоративные массмедиа (генезис, функционирование, трансформации): матер. науч.-практ. семинара «Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов (Корпоративные массмедиа) / отв. ред. Б. Я. Мисонжников. СПб., 2010.

STYLE OF EDUCATIONAL CORPORATE JOURNAL: INTENTIONAL STYLISTIC APPROACH

Y. M. Konyaeva

*Saint Petersburg
State University*

*e-mail:
yulia.konyaeva@gmail.com*

The article describes the specific of forming the style of educational corporate publications from the positions of intentional stylistics. The main intentions are considered optimized communication about university life, the introduction of corporate values, creating a collective favorable working atmosphere, stimulating creativity of employees. It is noted that the style educational journal is formed under the influence of corporate evaluation and auditorium factor.

Keywords: corporate edition, educational journal, style of type of publications, intentionality, corporate evaluation.

УДК 070

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО ЗНАЧИМОГО СОБЫТИЯ В МЕДИАТЕКСТАХ НОВОСТНЫХ ВЫПУСКОВ ТЕЛЕКАНАЛА «ДОЖДЬ»

Т. Р. Красикова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
институт*

*e-mail:
krasikova@bsu.edu.ru*

В статье рассматривается проблема конструирования социально значимых событий на примере медиатекстов телеканала «Дождь». Автор выделяет основные способы и специфику вербальной репрезентации новости, обладающей характеристикой «значимости». Особое место среди них занимает воплощение в тексте информационного повода, социальных акторов, аксиологического компонента, нарратива и визуального ряда.

Ключевые слова: «конструирование социально значимых событий», «социальные акторы», «информационный повод», «ценности».

Передача социально значимых сведений – важная задача средств массовой информации. Именно они призваны сообщать аудитории ту информацию, которая касается ее жизни и адекватного существования в обществе. Однако зачастую событие приобретает статус социально значимого только после самого факта его появления в эфире, на печатной полосе или ленте информационных агентств. В силу специфики работы средств массовой информации и взаимодействия института журналистики с другими социальными институтами нельзя утверждать, что СМИ только лишь отражают события. Массмедиа также конструируют в своих сообщениях повседневную реальность, превращая ее в медиареальность.

Отметим, что под конструированием событий в данной работе мы будем понимать не «материальное производство» фактов реальности и не создание иллюзии происходящего. Конструирование используется нами в качестве эпистемологического понятия, выражающего «когнитивные операции, связанные с коллективным, интерактивным формированием представления о чём-либо, с *определением* фактов или ситуаций» [2, с. 198]. В этом смысле выражение *массмедиа конструируют реальность* означает то, что они имеют особое представление о реальности и «сами вынуждены реагировать, приспособливаться к своим «представлениям», учитывать их в выстраивании собственных коммуникаций» [1, с. 213].

В настоящее время данная тема изучена недостаточно полно, причём наименее изученными являются конкретные способы и особенности конструирования социально значимых событий в журналистских текстах.

События, о которых идет речь в медиатекстах, являются *конструктами*, то есть производимыми в профессиональном медийном сообществе идеальными объектами, репрезентирующими всё множество достаточно разрозненных фактов, имеющих отношение к некоторой категории (например, «политическое событие», «культурное событие», «спортивное событие»), и существующими в силу того, что представители этого сообщества готовы действовать так, как будто эти объекты существуют в действительности.

Под *медиатекстом* мы понимаем вид текстов массовой коммуникации (журналистской, PR и рекламной), который сочетает в себе информативную и воздействующую функции и формируется из вербальных и медийных компонентов, а также отличается направленностью на конкретную аудиторию, особой модальностью и высокой культуроспецифичностью.

Важно определить особенности построения этих событий и то, что влияет на их формирование в качестве «социально значимых». Под *социально значимыми собы-*

тиями мы понимаем факты реальности, несущие в себе информацию, представляющуюся важной для широких социальных групп (целевой массовой аудитории СМИ).

Мы исходим из понимания различий между социальной реальностью и медиареальностью. Если социальная реальность является объективной данностью для социальных субъектов в аспекте именно intersubъективных связей, то медиареальность является результатом превращения представлений медийного сообщества о социальной реальности в устойчивые и повторяющиеся репрезентации социального мира, которые в конечном итоге воспринимаются аудиторией как точное отражение действительности. В частности, СМИ формируют так называемую повестку дня – то, что, по мнению массмедиа, должно интересовать всех. Как правило, повестка дня и состоит из социально значимых событий. Как показывают многие ведущие исследователи в области социального конструкционизма (например, П. Бергер и Т. Лукман, П. Бурдье, Н. Луман, Э. фон Глазерсфельд, В. И. Ильин и др.), повестка дня СМИ представляет собой особым образом отобранные факты, которые становятся предметом широкого обсуждения, внимания, переживания, интереса, предпочтения, что задаёт определенный фокус внимания аудитории по отношению к социальной реальности и как следствие – определенные типы поведения аудитории.

Конструирование имеет свои особенности в различных типах медиатекстов, и, по всей видимости, наиболее ярко проявляется в телевизионном тексте, поскольку осуществляется здесь как на вербальном, так и невербальном уровне, как за счет языковых, так и визуальных средств.

В то же время, различные телеканалы, обладая схожим арсеналом «конструирующих инструментов» (язык, образы, техника монтажа, техника плана и т.п.), тем не менее, производят разные повестки дня или же формируют различную степень значимость социальных фактов. В связи с этим остаётся не полностью прояснённым вопрос различий (в том числе в отношении информационной политики редакции) в стратегиях конструирования СМИ социально значимых событий.

В данной статье речь идет о конкретных способах конструирования социально значимых событий в телевизионных новостных материалах. Мы проанализировали более 300 текстов новостных выпусков программы «Здесь и сейчас» телеканала «Дождь».

В исследованном материале мы выделили семь типов событий. Основным критерием их выделения послужил информационный повод, то есть мы обращали внимание на сообщение о произошедшем в реальности.

1. События-происшествия (криминал, чрезвычайные ситуации). Примеры: «На северо-западе Москвы иномарка протаранила машину «скорой помощи», «Трагедия в Альпах. Там погибли российские туристы»;

2. События-конфликт (представляют противоречия между интересами разных социальных групп, отдельных личностей, институтов; отражают нарушения привычного течения общественной или частной жизни). Примеры: «В Германии разгорается новый скандал, связанный с пересадкой органов», «Массовые акции протеста в Стамбуле»;

3. События, в центре которых необычное явление, неординарный поступок, уникальные люди, беспрецедентные действия. Примеры: «Тренером служебных собак украинских пограничников станет пес, который не боится препятствий», «Рэп-бабуся: модные ритмы от финской пенсионерки», «Даже разбогатец, жительница Поднебесной продолжает работать дворником»;

4. События, которые касаются нормативных изменений жизни общества. Примеры: «С Нового года в России ужесточаются правила продажи пива», «Азартных игроков смогут лишить права тратить свои деньги»;

5. События из жизни известных людей, личности которых вызывают общественный интерес («Власти Венесуэлы подтвердили информацию о том, что состояние Уго Чавеса ухудшилось», «Неукротенному и строптивому Адриано Челентано исполнилось 75»);

6. События, касающиеся действий властей. Примеры: *«Владимир Путин открыл в Москве штаб-квартиру Русского географического общества»*, *«Депутаты государственной Думы собрались на первое в новом году пленарное заседание»*;

7. Событие-«созидание», касающиеся какого-либо положительного сдвига в развитии общественной системы, прогрессе, положительном явлении в жизни социума. Примеры: *«Грузия заинтересована в налаживании отношений с Россией»*, *«Приемные дети находят новый дом в поселке в Калужской области, который был назван в честь сказочного града Китеж»*.

Как проявляется значимость события в тексте – главный вопрос нашего исследования. Итак, мы определили четыре главных средства, на которые, по нашему мнению, стоит обратить внимание, анализируя социальную значимость события:

1. *Подача и обозначение информационного повода*, то есть, способы определения на лексическом уровне места события в общей информационной картине и вербальные средства выделения события из общего фактуального ряда;

2. *Социальные акторы*. У любого медиасобытия всегда есть действующее лицо. Их наличие и, своего рода, показатель качественной работы журналиста и своеобразная неизбежность, поскольку не бывает события, которое не имело бы акторов. Все, что происходит, имеет, фигурально выражаясь, «автора» или «творца». При этом их статус, роль, действия всегда придают событию определенное положение в ряду других социальных практик. В контексте журналистской коммуникации это место, как правило, определяется понятием «значимость»;

3. *Аксиологический компонент*. Ценности – важный компонент ментальной картины мира человека. Культурные единицы, наделенные особой категорией – «значимостью». В нашем исследовании мы постарались перечислить основные ценности, которые встречаются в изученных текстах;

4. *Нарратив*. Особенности повествования, не всегда явные, тоже несут в себе определенную отсылку на значимость события.

Также в качестве вспомогательного фактора мы будем рассматривать визуальный компонент.

Эта методологическая схема применена нами в рамках эмпирического исследования, результаты представим далее.

Итак, далее рассмотрим особенности конструирования социально значимого события на примере новостных текстов телеканала «Дождь»

События-конфликты

В основе таких событий противоречия и споры между разного рода социальными группами и системами: между двумя личностями, личностью и социальной группой, социальной группой и властью, личностью и обстоятельствами.

Отметим, как на уровне репрезентации **информационного повода** подчеркивается значимость события.

- Номинация конфликта лексемами, которые несут в себе негативный окрас и вызывают ассоциации с противостоянием интересов двух сторон: *«протестная акция»*, *«манифестация»*, *«спор»*, *«скандал»*, *«протест»*, *«жалоба»*.

- Характеристика предмета конфликта в негативных красках: *«...18 корпус, самый невезучий из всех построек в элитном, но недостроенном комплексе»* («Дождь», «Здесь и сейчас», 8.01.2013). Частная номинация и устойчивые названия, причем предмет конфликта известен широкой публике уже продолжительное время, у аудитории уже сформировано к нему определенное отношение: *«антисиротский закон»*, *«антимагнитский закон»*, *«дело «Оборонсервиса»*, *«беспорядки на Болотной 6 мая»*.

- Новый поворот в уже известной конфликтной ситуации: *«теперь появились, по-видимому, новые факты в деле»*, *«какие именно обстоятельства открылись не уточняют»*, *«новые детали появились в скандальной истории»*, *«набирает обороты скандал»*;

– Оценка конфликтной ситуации: *«история становится все запутаннее», «это было центральное событие в городе»;*

– Субъективные умозаключения журналиста, подчеркивающие масштаб участников конфликта: *«Исаев тем самым вступил в заочный спор с десятком деятелей культуры, которые высказались против закона» («Дождь», «Здесь и сейчас», 11.01.2013);*

– В основе конфликтного события злободневные проблемы социума: *«Люди на улицах требуют у правительства защищать женщин, снизить уровень уличной преступности и ужесточить наказание для насильников вплоть до смертной казни» («Дождь», «Здесь и сейчас», 2.01.2013);*

– Систематичность конфликтов: *«Интриги и скандалы в театральном мире – не новость. Но вокруг Большого за последние годы их было слишком много» («Дождь», «Здесь и сейчас», 18.01.2013);*

– Подача информационного повода начинается с интриги: *«В городе Березняки Пермского края небывалое оживление» («Дождь», «Здесь и сейчас», 15.01.2013);*

– Ссылка на общественное мнение, которое выступает здесь не участником конфликта, а третьей, нейтральной стороной: *«жители возмущены», «против... выступили уже многие общественные деятели»;*

– Конфликт между личностями или социальными группами влечет последствия для всех, прежде всего, нормативные изменения в жизни общества. К примеру, как после конфликта между журналистом Владимиром Познером и депутатами Госдумы: *«...в Кремле якобы отказались от проекта «Закон Познера», который заставляет журналистам с иностранным или двойным гражданством работать на федеральных каналах» («Дождь», «Здесь и сейчас», 10.01.2013);*

– Указание на то, что конфликт произошел недавно, что подчеркивает актуальность новости: *«Скандал вокруг 14-летнего Максима Карагапольцева разгорелся вчера» («Дождь», «Здесь и сейчас», 10.01.2013).*

Социальные акторы репрезентированы следующим образом.

– Посредством указания на масштаб события через обозначение количества его участников: *«Более двух тысяч индийских адвокатов отказались защищать мужчин, которых обвиняют в групповом изнасиловании студентки» («Дождь», «Здесь и сейчас», 2.01.2013);*

– Социальные акторы, которые, неявно, но признаны справедливой стороной конфликта, те, кто прав. Часто выражены через обобщение: *«таксисты», «должники», «несостоявшиеся жильцы», «недовольные», «активисты «Архнадзора», «экологи».* Представлены они также и посредством обозначения имени и рода деятельности: *фигурант Болотного дела Сергей Кривов, оппозиционер Алексей Навальный, челябинский сирота Максим Карагапольцев, участница панк-группы Pussy Riot Екатерина Самуцевич;*

– Негативные социальные акторы представлены подобным образом – через обобщение, номинацию и функционализацию: *«мэрия Москвы», «чиновники», «депутаты», «полицейские», «местные власти», «городская администрация», бывший губернатор Карелии Андрей Нелидов, депутат от «Единой России» Андрей Исаев.* Как видно из примеров, здесь статусы и профессия не предполагают негативной деятельности, однако по утверждениям журналистов именно их носители являются виновниками конфликтных ситуаций. Такие обстоятельства не могут не привлечь внимание аудитории, как наиболее значимые.

Немаловажную роль играет и характеристика социальных акторов, как правило, неоднозначная: *«его сторонники известны еще и громкими скандальными акциями» («Дождь», «Здесь и сейчас», 15.01.2013).*

Ценностное поле достаточно разнообразно: *«семья», «дети», «безопасность», «права человека», «справедливость»* составляют основное аксиологическое пространство текстов о данном типе событий.

Нарратив события-конфликта представлен так: рассказ о сути конфликта, редко, когда журналист говорит в подробностях о том, как он развивался. Далее автор уделяет внимание негативным сторонам конфликта и возможному итогу.

Визуальный ряд исключителен для каждого репортажа. Объединяет их то, что кадры в большинстве случаев демонстрируют главных фигурантов конфликта или предмет противоречивой ситуации.

События-происшествия

Данный тип событий достаточно часто появляется в выпусках программы «Здесь и сейчас». Прежде всего, это сюжеты о криминальных инцидентах, чрезвычайных ситуациях, расследованиях, военных конфликтах.

Посмотрим на то, как с помощью репрезентации **информационного повода** эти события приобретают качество «значимости».

– Номинация события. Лексика, которой журналист называет случившееся, в силу человеческой психологии не может не вызвать внимание аудитории. Как правило, это слова с негативной денотацией или коннотацией: «катастрофа», «гибель», «стрельба», «крушение», «контрнаступление», «военная операция», «коррупция», «убийство»;

– Лексика, которая только усиливает воздействие на аудиторию в сочетании с отрицательной номинацией: «незаконное удержание в плену», «пытали и издевались», «угрозы расправой»;

– Указание на то, что происшествия носят системный характер: «Изнасилования **стали серьезной проблемой** для Индии» («Дождь, «Здесь и сейчас», 7.01.2013);

– Сообщение о количестве жертв и пострадавших: «...**тысячи граждан** – в том числе, из Парижа и Лондона – жалуются на тошноту и головную боль» («Дождь, «Здесь и сейчас», 23.01.2013);

– Оценка: «самые **громкие уголовные дела**», «**резонансное уголовное дело**»;

– Незаконные действия со стороны должностных лиц. Эти события приковывают особое внимание, поскольку, когда официальные лица становятся фигурантами уголовных дел, это всегда вызывает особое возмущение общественности: «**Депутата Госдумы от партии ЛДПР подозревают в незаконной охоте в заповеднике**» («Дождь, «Здесь и сейчас», 28.11.2013);

– Вопиющие по своей жестокости, циничности и непредсказуемости преступления: «**В Подмосковье несколькими ударами ножом ранена активистка Людмила Гарифулина ... ей 70 лет, и это уже не первое нападение на пожилую активистку за последние три месяца**» («Дождь, «Здесь и сейчас», 24.01.2013);

– Подача информационного повода о некоем происшествии как о нечто привычном, что в сознании аудитории непременно вызывает возмущение и испуг: «**нападения на выставки и театры стали уже обычным делом**» («Дождь, «Здесь и сейчас», 15.01.2013);

– Начало подводки с интриги: «**Следственный комитет займется своими же следователями**» («Дождь, «Здесь и сейчас», 15.01.2013);

– Нетипичное чрезвычайное происшествие или неоднозначное по своим причинам: «**В Грузии выявили сеть тайных агентов-геев**» («Дождь, «Здесь и сейчас», 15.01.2013);

– Образное выражение или сравнение с чем-то ужасающим, что трудно представить в реальной жизни: «**Эта история, как ее рассказывает 57-летний врач-нарколог Вячеслав Токаренко, скорее, напоминает некий триллер**» («Дождь, «Здесь и сейчас», 14.01.2013);

– Акцент на деталях, носящих устрашающий характер: «**В деле Толстых есть такой эпизод: подсудимый выбивал показания у женщины, вставляя ей карандаши между пальцами рук**» («Дождь, «Здесь и сейчас», 22.01.2013);

– Указание на реакцию социума: «поднялся резонанс в обществе», «акции протеста из-за гибели изнасилованной девушки не утихают»;

– Подчеркивает важность и место, где произошло событие: «пригород индийской столицы», «в центре Тель-Авива», «Транссибирская магистраль».

Рассмотрим, каким образом репрезентированы **социальные акторы**.

– Особое место занимает представление тех, кто пострадал в тех или иных инцидентах. Репрезентация при помощи обобщения: «погибшие», «раненые», «жертвы террористов», «невольники», «заложники», «ЛГБТ-активисты», «рабы», «участники пикета», «моряки». А также при помощи номинации и функционализации: «врач-нарколог Вячеслав Токаренко», «пожилая активистка Людмила Гарифулина», «председатель исполкома Национально-демократической партии Владимир Тор»;

– Социальные акторы, находящиеся в положении отрицательных персонажей. Здесь также в первом случае они репрезентированы с помощью обобщения: «исламиты», «мятежники», «боевики», «хулиганы», «подсудимые», «подозреваемые».

Кроме того, используется номинация и функционализация, причем чаще всего с добавлением оценочной лексики: «скандальный российский предприниматель», «эмоциональный Сергей Полонский», «депутат Госдумы», «лидер крупнейшего преступного сообщества в стране», «влиятельный вор в законе», «коронованный царь преступного мира Дед Хасан».

– Отдельно считаем необходимым выделить тех социальных акторов, к которым нет однозначного отношения. С одной стороны, они выступают как виновники какого-либо инцидента и находятся под следствием, с другой стороны, в текстах телеканала «Дождь» они обозначены нейтрально посредством номинации и функционализации: *активист «Партии народной свободы» Сергей Кривов, вологодский оппозиционер Евгений Доможиров, Леонид Развозжаев, Сергей Удальцов, оппозиционер Илья Яшин*;

– Социальные акторы, к которым уже в обществе сформировано негативное отношение, притом, что используется вполне нейтральная функционализация: «бывшие сотрудники отдела полиции «Дальний».

Ценностная база представлена в первую очередь витальными ценностями – «здоровье», «безопасность», «жизнь», а также моральными аксиологическими единицами «честь» и «достоинство», социальной – «права человека».

Нарратив. Всегда журналист начинает повествование сразу со случившегося, что моментально привлекает внимание зрителя. Далее следует подробное описание инцидента. Затем немалую часть материала автор посвящает анализу причин произошедшего и возможным последствиям и итогам.

Видеоряд состоит из оперативной съемки или записей последствий происшествия. Встречаются и «ассоциативные» кадры.

События, которые касаются нормативных изменений жизни общества

Как правило, это новости, касающиеся принятия каких-либо законодательных актов или выдвижении правовых инициатив, то есть того, что регулирует и направляет общественную систему.

Рассмотрим специфику репрезентации **информационного повода**, как социально значимого.

– Журналисты применяют ссылку на беспрецедентность: «Это произошло впервые в истории страны» («Дождь», «Здесь и сейчас», 12.01.2013);

– Указание на наказание, которое грозит нарушившим новый порядок: «На 5 тысяч рублей будут штрафовать автомобилистов, которые зимой ездят на «лысой» резине» («Дождь», «Здесь и сейчас», 11.01.2013);

– Оценка с использованием эмоциональных эпитетов: «**Самая, пожалуй, яркая на сегодня инициатива Следственного комитета**» («Дождь», «Здесь и сейчас», 15.01.2013);

– Указание на противоречивость, лежащую в основе нормативных изменений жизни общества, их неоднозначное восприятие: «**Закон о добровольном тестировании школьников на наркотики, вызвавший уже много критики, сегодня рассматривается в Думе в первом чтении**» («Дождь», «Здесь и сейчас», 18.01.2013);

– Лексика, которая указывает на степень и характер изменений, внесенных в жизнь социума: «**усиление ответственности**», «**контроль**», «**получать разрешение**», «**ограничить продажу**», «**собирается лишить**», «**запретят**»;

– Ссылка на мнение общества по вопросу нормативных нововведений: «**Сегодня в Мосгордуме вновь рассматривали поправки к Градостроительному кодексу, которые ранее вызвали недовольство граждан**» («Дождь», «Здесь и сейчас», 18.01.2013);

– Использование частной номинации при обращении к уже узнаваемым объектам внимания аудитории: «**Антитабачный закон**», «**закон против гей-пропаганды**».

Социальные акторы делятся на несколько типов:

– Действующие лица, обозначенные через обобщение: «**автомобилисты**», «**мусульманки**», «**подростки**», «**школьники**» – все те, кого должны коснуться нормативные изменения, кто является их главным адресатом. Как правило, именно с социальными группами себя и ассоциирует та или иная часть аудитории. Также посредством обобщения репрезентированы и те, кто выступает инициаторами новых законов: «**депутаты**», «**чиновники**», «**власти**», «**авторы документа**»;

– Также не исключена репрезентация социальных акторов и по конкретным именам и должностям: *глава ФМС Константин Ромодановский, премьер-министр Дмитрий Медведев, депутат Елена Мизулина*;

– Еще одна группа социальных акторов представлена ведомствами, которые либо вносят некие изменения в общественную жизнь, либо также становятся их адресатами: *Госдума, Мосгордума, ФСБ, Минюст*.

Ценности данной группы не отличаются разнообразием и представлены в основном константами «**закон**», «**безопасность**», «**здоровье**».

Нарративная структура достаточно проста и однотипна. Журналист начинает повествование с особенностей нового нормативного проекта, переходя затем анализу его положительных и отрицательных сторон. Причем негативных аспектов всегда оказывается больше. Как известно, критика привлекает внимание аудитории чаще, чем похвала, что, таким образом, только добавляет новости социальной значимости.

Видеоряд однообразен и состоит чаще из кадров с официальных заседаний законодательных органов.

События, рассказывающие о работе власти

В данном случае **информационным поводом** становятся действия властей – визиты, заявления, комментарии, проверки, ротации, отставки.

– Включение элементов разговорного дискурса, нетипичные ремарки, нестандартные речевые обороты для новостного медиадискурса: «**Бывшему министру культуры Александру Авдееву нашли работу и снова близко к престолу**» («Дождь», «Здесь и сейчас», 14.01.2013), «**премьер-министр Дмитрий Медведев поставил на место – или, во всяком случае, попытался – анонимных кремлевских политологов**» («Дождь», «Здесь и сейчас», 15.01.2013);

– Прямая оценка: «**один из главных этапов работы**», «**начал трудовую деятельность с угрожающего заявления**»;

– Избирательность. В традиционных мероприятиях журналисты «переворачивают» информационный повод, акцентируя внимание на острых проблемах или других актуальных событиях. Так, в выпуске программы «Здесь и сейчас» от 7 января 2013

года после основного события – Рождественской службы, авторы сообщают о реакции патриарха Кирилла на «антимагнитский» закон. Используя при этом свой домысел: **«Очевидно, отвечая на резкую реакцию в обществе на так называемый «антимагнитский» закон, патриарх Кирилл в своем обращении заговорил о христианской добродетели усыновления сирот».** («Дождь», «Здесь и сейчас», 7.01.2013). Однако, на самом деле, в речи патриарха об этом законе не упоминалось. Отметим, также, что подобное явление в конструировании социально значимого события, определенное нами как «избирательность» граничит с понятием манипулирования;

– Выдвижение вместе с официальной версией случившегося неофициальной: **«Депутат Александр Сидякин снят с должности координатора Общероссийского народного фронта по Приволжскому федеральному округу, официальная версия – в рамках плановой ротации... Неофициальная версия заключается в том, что Сидякина наказывают за неожиданное упрямство»** («Дождь», «Здесь и сейчас», 15.01.2013);

– Часто использование лексемы «все-таки» в подаче информационного повода: **«Глава Дагестана Магомедсалам Магомедов все-таки ушел»** («Дождь», «Здесь и сейчас», 28.01.2013);

– Действия властей, которые преопределили положительный исход дела для особой социальной группы: **«Больных детей с Крестовского острова перевозить не будут. Власти отказались от первоначального проекта переместить онкологический центр и освободить бывшую номенклатурную 31-ю больницу для нужд судей верховного и арбитражного судов»** («Дождь», «Здесь и сейчас», 23.01.2013).

Социальные акторы репрезентированы следующим образом.

– Через номинацию и функционализацию: **лидер «Справедливой России» Сергей Миронов, исполняющий обязанности главы Подмосковья Андрей Воробьев, госсек США Хиллари Клинтон;**

– Посредством обобщения: **«депутаты», «дипломаты», «власти», «граждане», «активисты из «Новой газеты».**

Аксиологический компонент представлен следующими ценностями: **«профессионализм», «безопасность», «общественное мнение», «дипломатические взаимоотношения», «дети», «окружающая среда».**

Нарратив. Журналист сообщает о каком-либо действии власти. Как правило, его цель направлена на решение конкретной проблемы. Однако далее журналист рассказывает о том, что не все можно исправить одним волевым решением либо само это решение не столь эффективно.

Видеоряд представлен кадрами с официальных мероприятий должностных лиц.

События из жизни известных людей

Сразу отметим, что в этом случае в основе информационного повода не только события, связанные с чьей-либо персоной – этот тип значительно расширяется, прежде всего, за счет добавления событий, где на месте известной личности популярные бренды, компании, кинопремии, фестивали, фильмы.

Есть и еще одна особенность. В новостях первого канала знаменитость интересна односторонне – исключительно как личность. Ситуация с «Дождем» несколько иная. Здесь та или иная персона оказывается в центре внимания в процессе своего взаимодействия с обществом.

В данном случае интерес представляют несколько групп публичных людей и известных марок.

Во-первых, те, кого мы в предыдущем параграфе обозначили как «любимцев публики» – актеры, музыканты, режиссеры и т.д. Отличие в том, что в программе «Здесь и сейчас» они выставлены зачастую в отрицательном свете.

Во-вторых, те, кто уже имеет отрицательное отношение социума, совершив противозаконный или безнравственный поступок.

В-третьих, личности, которые можно назвать «жертвами режима» – те, кто в силу каких-либо причин преследуется властью или уже находится в заключении. При этом, по мнению журналистов телеканала, все обвинения этих персон в нарушении закона абсолютно несправедливы.

В-четвертых, предметом интерес становятся, как уже было отмечено, известные бренды, фильмы, компании.

Рассмотрим, как в данном типе событий были использованы средства конструирования социально значимых событий в репрезентации **информационного повода**.

– В основе информационного повода – обличающее событие на грани сенсационности. Когда некая личность совершает вопиющий по своему характеру поступок: *«В YouTube» появился второй фильм, разоблачающий российского премьера как предателя интересов России»* («Дождь, «Здесь и сейчас», 30.01.2013);

– Указание на некую важную особенность, черту: *«Наверное, история была бы вполне традиционной, если бы не одна деталь», «пикантности это истории добавляет то...»;*

– Раскрывая информационный повод, журналист начинает с интриги, которая не просто привлекает внимание аудитории, но и подчеркивает важность события: *«Российская Федерация обрела нового гражданина»* («Дождь, «Здесь и сейчас», 3.01.2013);

– Прямая оценка личности, зачастую, подчеркивающая ее значимость в истории: *«Его путь оказался не менее загадочным и захватывающим, чем и вся жизнь»* («Дождь, «Здесь и сейчас», 19.01.2013);

– Говоря о негативных событиях в жизни знаменитой персоны, журналисты обозначают и отрицательные их последствия: *«Теперь известному политику грозит до 10 лет тюрьмы»* («Дождь, «Здесь и сейчас», 18.01.2013);

– «Настраивает» зрителя на восприятие события как значимого и такой прием как «предварение». Журналист не сразу обозначает информационный повод, но в первой фразе тексте уже дает ему характеристику: *«Все-таки не все события из театральной сферы такие неприятные, как случаи с Сергеем Филиным и Кириллом Серебренниковым»* («Дождь, «Здесь и сейчас», 18.01.2013);

– Возможные события в жизни известных людей, обладающие чертами исключительности и оставляющие много вопросов о причинах произошедшего: *«Никита Джигурда скоро станет французом»* («Дождь, «Здесь и сейчас», 9.01.2013), *«Министр иностранных дел Сергей Лавров в шаге от клейма «иностранного агента»* («Дождь, «Здесь и сейчас», 10.01.2013);

– Значимым информационным подом становится и нарушение закона, как в отношении известной личности, так и ею самой, а также частная жизнь, никак не связанная с профессиональным долгом: *«Сегодня в интернете появился фотоотчет о том, как проводит каникулы вице-премьер Владислав Сурков»* («Дождь, «Здесь и сейчас», 17.01.2013);

– Важность информационного повода подчеркивается подачей основных фактов как противоречивых и странных: *«...там **вместо губернатора** – по данным «LifeNews» – **оказался некий человек** по фамилии Петросян, якобы бизнесмен»* («Дождь, «Здесь и сейчас», 8.01.2013);

– Прямое указание на то, что кто-то вывал на себя интерес общественности: *«оказался в центре внимания», «журналисты действуют очень внимательно, отслеживая каждый его шаг»;*

– Обновления, новинки в деятельности компаний, которые касаются самой широкой аудитории: *«Производители «яблочной» продукции вот-вот должны выпустить еще один новый iPhone. На этот раз – бюджетный вариант»* («Дождь, «Здесь и сейчас», 9.01.2013);

– Оценка изменений в деятельности известного бренда: *«Для компании, которая провозглашает мировое господство частью своей стратегии, это серьезный шаг»* («Дождь, «Здесь и сейчас», 8.01.2013).

Социальные акторы.

– Оригинальная интерпретация или частная номинация: *«теперь уже нефранцузский актер»* (о Жераре Депардье), *«лоббист»* (о Сергее Лаврове), *«завоеватели»* (о компании «МакДональдс»), *«последний беспартийный губернатор»* (о Никите Белых);

– Указание на вес в обществе: *«гигант мирового фаст-фуда»*;

– Привлечь внимание аудитории помогает и прием иронии в обозначении личности человека: *«известный мордовский актер Жерар Депардье»*;

– Номинация по имени персоны, группы или названию компании/бренда: *Юрий Башмет, Игорь Холманских, Барак Обама, PussyRiot, Apple, iPhone, Boeing, «Аэрофлот»*. Эти люди и организации не нуждаются в каком-либо особом представлении. Их имена привлекают внимание благодаря их известности;

– Вместе с тем встречается и номинация, совмещенная с функционализацией. Таким образом, еще больше подчеркивается особый статус личности или же журналисты напоминают так аудитории, чем знаменит их герой: *миллиардер и лидер партии «Гражданская платформа» Михаил Прохоров, королева Нидерландов Беатрикс, депутат и боксер Николай Валуев*;

– Достаточно редко встречается оценочная номинация: *«выдающаяся кинопремия «Золотая малина», «пятый по размерам кассовых сборов фильм 2012 года», «мировая премьера»*.

Нарратив. Для начала журналист обозначает информационный повод. Новость может быть исключительной по своим фактам или вполне вписывающейся в «традиционную» информационную картину. Однако затем автор повествует о некоем «повороте» в данном событии, как бы говоря своей аудитории, что не все так просто в личности известного человека или в деятельности какой-либо компании.

Ценностное поле данных текстов достаточно разнообразно и представлено следующими аксиологическими единицами: «здоровье», «права человека», «помощь», «справедливость», «доброе имя», «вклад в развитие культуры», «заслуги перед страной».

Визуальный ряд. Большую часть видеоряда составляют кадры из известных кинофильмов, также записи встреч известных персон с публикой, выступления перед зрителями или общения с журналистами. Отметим, что подчас публику мы видим ликующей, что только подчеркивает общественную важность статуса той или иной личности. Значимости добавляет демонстрация эксклюзивных кадров, представляющих частную жизнь знаменитости. В случае с коммерческими компаниями журналисты используют их узнаваемые логотипы и рекламные ролики.

Событие-«созидание»

Здесь также речь идет о событии, которое отражает положительный сдвиг в развитии общества, некий прогресс, позитивный скачок.

В новостных выпусках телеканала «Дождь» данный тип событий встречается достаточно редко.

Рассмотрим, как здесь происходит конструирование социально значимых событий на уровне репрезентации **информационного повода**.

– Указание на признание на международном уровне: *«Три российских астронома-любителя получили международную премию Вильсона за открытие комет»* («Дождь», «Здесь и сейчас», 30.01.2013)

– Указание на то, что событие вызывает интерес: *«Собралось несколько сотен журналистов, были даже коллеги с азиатских и европейских телеканалов»* («Дождь», «Здесь и сейчас», 25.01.2013);

– Указание на время, когда что-то произойдет, будет реализовано. Как правило, это ближайшая дата: *«Скоро при министерстве создадут управление культуры, которое будет заниматься солдатским досугом»* («Дождь», «Здесь и сейчас», 25.01.2013);

– Что-то происходит впервые, то есть имеет в своей основе беспрецедентность: «В Госдуме был представлен проект создания первого православного духовно-просветительского экологического центра» («Дождь», «Здесь и сейчас», 29.01.2013);

– Использование глаголов с соответствующим «оттенком созидания», преимущественно в будущем времени: «создадут», «поставит», «появится»;

– Номинация предмета, о котором идет речь в сочетании с прилагательным «новый»: «новое управление культуры», «новые подразделения», «новое министерство», «новая партия», «новая госкорпорация».

Репрезентация **социальных акторов** не отличается разнообразием. Отметим, что в основном это известные люди. Представлены они посредством номинации и функционализации: *министр Сергей Шойгу, американский режиссер Джей-Джей Абрамс, послы Олимпиады Татьяна Навка, Илья Авербух.*

Ценностное поле тоже не отличается разнообразием. Основные аксиологические единицы: «победа», «доступность», «новизна».

Нарративная структура также однообразна. Журналист повествует о начале чего-то нового, описывает его обусловленное появление.

Визуальный ряд достаточно разнообразен, так как эти события подтолкнули журналистов в данному типу событий.

События уникальные

Журналисты телеканала «Дождь» рассказывают о необычных явлениях и беспрецедентных событиях. Однако, в отличие от текстов «Первого канала», здесь вся уникальность зачастую может быть продиктована лишь субъективной интерпретацией авторов. Факты, которые нельзя отнести к исключительным выдаются за нечто нетрадиционное.

Информационный повод основан на том, что может привлечь и заинтересовать аудиторию.

– Беспрецедентность в общественных событиях. Здесь нет ничего сверхъестественного, однако подобного ранее не происходило: «Новая газета» собрала 100 тысяч подписей за роспуск Госдумы» («Дождь», «Здесь и сейчас», 10.01.2013) или «Впервые за 112 лет корона дома Оранских Нассау будет водружена на голову мужчине» («Дождь», «Здесь и сейчас», 29.01.2013);

– Нетривиальная оценка беспрецедентного факта: «кто-то назвал это предложение фашистским», «сенсационные заявления»;

– Нестандартная номинация главного героя или предмета, связанного с необычным событием: «дом №161, который не даст россиянам забыть о своем президенте» («В Зеленограде появился дом имени Путина», «Дождь», «Здесь и сейчас», 9.01.2013);

– Часто встречающаяся лексема «неожиданно», подчеркивающая нестандартность случившегося: «Сегодня полпреда президента на Урале больше заботили другие события. А именно – танк, который неожиданно выехал на улицы родного для Холманских Нижнего Тагила» («Дождь», «Здесь и сейчас», 28.01.2013).

Кроме того, журналисты ссылаются на общественный резонанс: «газеты и блогеры активно обсуждают»; указывают прямо: «весьма необычное явление»; оценивают факты: «самое пикантное», «историческая для КНДР поездка».

Социальные акторы делятся на два типа: известные люди и самые обычные жители страны. Средства, с помощью которых они репрезентированы достаточно скупы: в основном это номинация и функционализация (*экс-губернатор штата Нью-Мексико Билл Ричардсон, мультипликатор Юрий Норштейн, оппозиционер Алексей Навальный; председатель домового комитета Геннадий Давыдов*).

Аксиологическое поле текстов о рассматриваемом типе событий строится в основном вокруг следующих ценностных единиц: «здоровье», «общественное мнение», «закон», «права человека».

Нарратив. Здесь в отличие от текстов «Первого канала» акцент с действий какого-либо человека смещается на явление: общество живет своей жизнью, когда однажды происходит нечто не вмещающееся в привычные рамки. Необычное явление в этом случае не разовое «действие», а то, что меняет социум, если не навсегда, то точно надолго.

Визуальный ряд разнообразен и исключителен для каждого события. Примечательно, что в сюжетах о данных событиях не всегда показаны кадры именно того, о чем идет речь. По всей видимости, именно из-за того, что данные записи сделать или приобрести редакция не смогла. Многие проговариваются журналистом в кадре или с использованием «похожих» кадров. К примеру, сообщая о том, что «Новая газета» собрала 100 тысяч подписей в поддержку роспуска Госдумы, показаны кадры заседания этой нижней палаты российского парламента по абсолютно другому вопросу.

Выводы

Материальным продуктом процесса конструирования выступает медиатекст. Именно он является результатом «соединения» повестки дня, актуальной проблемы, запросов аудитории. Используя возможности медиатекста – вербальные или/и визуальные, журналист имеет возможность создавать особое пространство – медиареальность. Особенно в этом аспекте интересен телевизионный текст, поскольку он соединяет в себе все основные уровни конструирования.

Важно, что именно социально значимые события становятся предметом медиатекста. Черты такого события стандартны для любого типа СМИ. К ним относят беспрецедентность, способность вызвать общественный резонанс, масштаб события, количество участников, эксклюзивность, необычность происходящего, персонифицированность, наличие противоречия, изменения в конвенциональных правилах, положительный сдвиг в общественном развитии. Все перечисленные черты нашли свое подтверждение и в нашей работе в части эмпирического исследования.

Обращаясь к специфике конструирования социально значимых событий, важно обратить внимание на то, что этот аспект имеет место сразу на нескольких уровнях медиатекста. Во-первых, на вербальном. Здесь стоит отметить, журналисты часто обращаются либо к стандартам новостного дискурса, либо новаторским способам выделения новости как значимой (сюда можно, отнести, к примеру, использование оценочно-эмоциональной лексики). Во-вторых, аспект конструирования наблюдается на визуальном уровне медиатекста. В этом случае значимость автор текста представляет определенные фрагменты действительности посредством «картинки». Документальные кадры с места событий или видео-эксклюзив всегда приковывают внимание зрителя.

Список литературы

1. Антоновский А. Ю. Массмедиа – трансцендентальная иллюзия реальности? / А. Ю. Антоновский // Н. Луган. Реальность массмедиа. – М.: Канон+, 2012. – С. 213
2. Кожемякин Е. А. Самореференция как дискурсивная операция массмедиа // Дискурсология: язык, общество, культура. – № 1 (39). – Луганск, 2014. – С. 198.

CONSTRUCTION OF SOCIALLY SIGNIFICANT EVENTS IN MEDIA NEWSCASTS OF THE TV CHANNEL "DOZHD"

T. R. Krasikova

*Belgorod National
Research University*

krasikova@bsu.edu.ru

The paper presents the problem of constructing the socially significant events with mediatexts TV channel «Dozhd». The author gives basic ways and features verbal representation of significant news. The main of them are representation of agenda, social actors, values, narrative and video set.

Keywords: construction of socially significant events, social actors, agenda, values.

УДК 070.485

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ РЕКЛАМНОГО ИЗДАНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ МЕДИАРЫНКЕ (НА ПРИМЕРЕ ЖУРНАЛА «ТОРГОВЛЯ И ПРОИЗВОДСТВО БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ»)

В. А. Мельникова

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
vetik7@list.ru*

Рекламная пресса, переживающая на сегодняшний день свой расцвет, во многом изменила современную структуру системы средства массовой информации. Данная статья посвящена изучению регионального рекламного рынка Белгородчины, представлена его типологическая классификация, выделены факторы успешного функционирования рекламного издания.

Ключевые слова: рекламная пресса, рекламный рынок, региональное СМИ, реклама, Белгородская пресса, «Торговля и производство Белгородской области».

Несмотря на то, что реклама в прессе имеет глубокие исторические корни, данный тип изданий был абсолютно не был представлен в системе средств массовой информации нашего государства вплоть до начала «перестройки». Преобразования в сфере экономики и политики в начале 1990-х гг. XX в. привели к активному росту печатной рекламы. Реклама, в свою очередь, изменила облик прессы, став неотъемлемой составной частью современных газет и журналов. В России вновь появились частные издания, существование которых ставится в прямую зависимость не только от количества подписчиков, но и от рекламных доходов. Рекламные газеты и журналы играют все более заметную роль на рынке прессы, их число постоянно растет, увеличиваются тиражи и рекламные бюджеты. Данный тип печатной периодики является уже неотъемлемой частью современной системы СМИ, а обороты рекламы в этой сфере составляют большую долю финансовых потоков медиа. Но за последние годы, в связи активным ростом рекламы на других рекламных носителях: наружная реклама, телевидение, радио, и в особенности, сети Интернет, наблюдается спад рекламных потоков в печатных СМИ.

Сегодня возникает большое количество споров о современном состоянии рынка печатных рекламных СМИ и перспективах их дальнейшего развития. Рекламные издания на сегодняшний день занимают достаточно большой сегмент российской и общемировой системы СМИ. Они единственно верно интерпретируются как служащие реализации целей экономических субъектов медиапредприятия. Их сложно отнести к качественным, а равно и к массовым изданиям, поскольку их наполняет не социально значимая, а рекламная информация, обладающая иными феноменологическими характеристиками. Некоторые рекламные издания явно тяготеют к деловой прессе и по характеру контента сходны с деловой прессой.

Рекламные издания так же, как и вся система СМИ, будут делиться по характеристикам аудитории (профессиональная сфера, социальный статус, возраст, пол), за исключением национальной принадлежности и вероисповедания. Рекламные печатные СМИ легко дифференцировать по распространению (география и методы), а также по ряду количественных и качественных характеристик.

Эта относительная универсальность, многомерность рекламных изданий, не характерная для многих других типов СМИ, например, общеполитических изданий, деловой прессы или религиозной печати, делает феномен рекламных изданий особенным, выделяющимся из общей картины. Подчеркнутое выше пограничное состояние рекламных изданий, с одной стороны ограниченных рамками понятия СМИ и, с другой стороны, служащих целям маркетинговых, а не массовых коммуникаций, застав-

ляет нас обратиться к обратной стороне их природы и исследовать их в фокусе позиций рекламы и рекламных коммуникаций.

Рекламные печатные периодические издания – это издания, содержащие изложенные в привлекающей внимание форме сведения об изделиях, услугах и мероприятиях с целью создания спроса на них. Рекламные издания представляют обособленный тип периодики, коренным образом отличающийся от традиционных СМИ.

В средствах массовой информации, не зарегистрированных в качестве специализирующихся на сообщениях и материалах рекламного характера, реклама не должна превышать:

- 40 % объема отдельного номера периодического печатного издания;
- 25 % объема вещания – для радио- и телепрограмм.

Редакция не вправе взимать плату за помещение рекламы под видом информационного, редакционного или авторского материала.) рекламным изданием считается издание, содержащее более 40 % рекламной информации.

Единственной целью существования любого рекламного издания является постоянное извлечение и наращивание прибыли. Рекламные издания как элемент системы СМИ включены в массовую коммуникацию, но также являются активными субъектами экономической деятельности, будучи рекламопроизводителями и рекламораспространителями. Первую сферу можно упрощенно представить, как взаимодействие субъектов вида «рекламное издание – аудитория», а вторую – как взаимодействие «рекламодатель – рекламное издание». Функции рекламных изданий почти не совпадают с функциями традиционных СМИ.

Специализированного закона, определяющего правовой статус рекламных изданий и регулирующего их деятельность, нет. Ключевые законы не содержат легальной дефиниции понятия. Законодатель, с одной стороны, отказавшись от какого-либо определения правового статуса рекламных изданий и регулирования их деятельности в Законе «О СМИ» с другой стороны, не уделил им внимания и в новом Законе «О рекламе», что признается существенным недостатком и создает правовой вакуум деятельности всех рекламных изданий в России. Существующих косвенных критериев на практике явно недостаточно для безошибочного отграничения рекламных изданий от традиционной прессы. При этом на рекламные издания полностью распространяются требования Закона «О рекламе» к содержанию текстов.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что рекламные издания занимают в системе СМИ и в сфере рекламоносителей особое место в силу своей двойной природы. Этим объясняется специфика их типологической модели.

В типологии рекламных изданий учитываются следующие признаки: внутренняя структура издания, география распространения, жанровые характеристики, метод распространения, предметно-тематическая направленность, формат, объем, его периодичность, тираж, цветность, вид рекламных текстов, соотношение рекламных и редакционных текстов.

Рекламные издания представляются особым типом прессы со сложившимися видами изданий. Основная концепция типологии рекламных изданий выделяет около 10 типов:

- бесплатная универсальная рекламная пресса («Все для Вас», «ТВ-магазин», «Визит к Вам»);
- оптово-розничные бюллетени («Оптовик», «Оптовик Черноземья», «Цены, товары, услуги»);
- специализированные бюллетени («Медицина и Фармакология», «Энергетика России»);
- специализированные рекламные журналы («STYLE»);
- рекламно-информационные издания;
- корпоративные каталоги;
- справочники («Фолиант», «Золотые Страницы»);

К смежным, спорным отнесены:

– газеты частных объявлений («Моя реклама», «Из рук в руки») и

– рекруiterские издания.

Рассмотрим данные типы подробнее.

Универсальная рекламная газета – это неспециализированная газета, содержащая рекламные тексты, объектом которых являются многопрофильные товары и услуги массового потребления, и распространяемая на максимизированную аудиторию. В будущем бесплатные универсальные рекламные газеты под давлением конкуренции способны последовательно перейти в разряд рекламно-информационных, усилив объем социально значимой информации, которая могла бы привлечь внимание аудитории.

Специализированная газета (журнал) – это рекламное издание, содержащее тексты модульной рекламы, ориентированное на узкий сегмент аудитории и распространяемое бесплатно. Типовые издания всегда специализированы на конкретном товарном рынке, чем и задана наша номинация данного типа. Каждая предметно-тематическая группа задает свою узкую целевую аудиторию. Общее количество печатных единиц делает данный тип абсолютным лидером среди прочих рекламных изданий.

Бюллетень представляет собой печатное издание, содержащее формализованный список каких-либо товаров и услуг, как правило, без соответствующего иллюстративного материала. Бюллетени – особый тип рекламных изданий, одной из основных типоформирующих характеристик которого является их принадлежность к прессе строчных объявлений.

Информационно-рекламное издание – это издание, содержащее материалы о социально значимых событиях, явлениях и процессах и рекламные тексты, представленные в виде модульной рекламы, ориентированное на широкий круг читателей и идентифицируемое целевой аудиторией как содержащее журналистскую информацию. Читатель-адресат ищет в подобных изданиях социальную информацию, он воспринимает их как традиционные, «журналистские» СМИ со всеми вытекающими отсюда последствиями. Журналистские материалы в таких изданиях условно преобладают. Читатель получает продукт, близкий к глянцевым журналам, где оперативность уступает место оригинальности, глубине исследования и эстетике подачи. Большая цена за вход на рынок вкупе с жесткой конкуренцией требуют от издателей четкой успешной маркетинговой политики, выверенной стратегии.

Прошел начальный период становления в качестве типа рекламной прессы *корпоративный каталог*, т. е. издание в виде журнала, выпускаемое рекламодателем, содержащее напоминающие рекламные тексты унифицированного содержания в жанре каталога, предназначенное для продвижения товаров и услуг, реализацией которых занимается данный рекламодатель. С корпоративными изданиями корпоративный каталог сближает отсутствие конкуренции. Обычно он распространяется локально, на территории той или иной торговой организации. Целевая аудитория корпоративного каталога – клиенты и посетители торговой сети, которые дополняются довольно большой и непредсказуемой средой вторичных читателей. Корпоративный каталог служит цели информирования потенциального клиента. Издание корпоративного каталога инициируется, финансируется и осуществляется компанией-«рекламодателем». Существует множество корпоративных рекламных каталогов, не имеющих статуса официально зарегистрированных изданий.

Отдельный тип – группа *справочников*. Их основным типоформирующим признаком является природа рекламных текстов, собственно и формирующая «справочность» данной группы изданий. Основа этих трех рекламных изданий – рекламные тексты, представляющие собой предельно краткую характеристику объекта рекламы и минимальные рекламные реквизиты (адрес организации, указание на способ контакта с ней) тех или иных субъектов рекламы, а также модульные объявления, приносящие, видимо, основной доход данным медиапредприятиям.

К рекламной периодике причисляются так называемые «журналы знакомств», которые публикуют оплаченную информацию об одиноких мужчинах и женщинах.

К смежным феноменам рынка рекламных изданий относятся те, что по ряду функциональных критериев, остаются близкими рекламной периодике, но в законодательном или научном смысле остаются нерекламными. Прежде всего, здесь представлены *газеты частных объявлений и рекрутерская пресса*. Под *рекрутерским изданием* подразумеваем периодическое издание, содержащее модульные и строчные тексты, публикуемые на безвозмездной и коммерческой основе, обслуживающее социальных субъектов (предприятия и физических лиц), занятых наймом на работу или поиском работы, и предназначенное для обеспечения связи между ними.

Газета частных объявлений – это газета, содержащая тексты в жанре рекламного объявления, принимаемые преимущественно от физических лиц и на бесплатной основе.

Характерной особенностью существования любой сложной системы (каковой и является социальный институт СМИ) является то, что «система как целое обладает свойствами, отсутствующими у ее составных частей». В нашем случае это означает, что было бы неверно полностью экстраполировать функции российской медиасистемы в целом на составляющие ее элементы – отдельные СМИ. Некоторые типы прессы выполняют далеко не все указанные функции, в том числе рекламные и корпоративные издания. Они придают системе СМИ России определенную степень эмерджентности – несводимости свойств системы к свойствам элементов системы.

В общем виде система СМИ России может быть представлена как совокупность периодических печатных изданий, аудиовизуальных СМИ и информационных агентств. Каждое из этих структурных образований в сущности является экономически и технологически обособленным видом СМИ. Рекламные издания принадлежат к печатной прессе.

Белгородская рекламная пресса. Типологическая характеристика

При изучении любого издания, прежде всего, необходимо обратиться к типологическим методикам. Типология помогает понять место изданий в системе СМИ и определяет особенности деятельности, взаимоотношений с политическими структурами, экономическими институтами, с потребителями информации, читателями, слушателями, зрителями. Типология обеспечивает наиболее эффективную реализацию информационной политики в данных условиях, помогает выработать методы общения с аудиторией.

Особое место занимают взаимодействие с рекламодателями, рекламная политика СМИ. Это важнейшая для жизнеспособности средств массовой информации сфера гармонизации информационных интересов и потребностей аудитории, обусловленных покупательной способностью людей. Тщательно разработанные типологические параметры обеспечивают выживаемость на рынке СМИ.

Сближение, контакт с аудиторией во многом определяются типологически. Газета может быть городской, областной, массовой или элитарной, и в каждом случае точное определение типа издания помогает ему не только выжить, но и приобрести необходимую форму. Понимание типологии позволяет правильнее сформировать и журналистский коллектив, наметить цели и обеспечить правильное и разумное их выполнение и, кроме того, выработать ту сумму приемов, методов, жанров, которые позволят удовлетворить аудиторию, на которую рассчитано данное издание.

По данным пресс-центра губернатора Белгородской области, в регионе работают около ста печатных средств массовой информации. В том числе две межрайонные и 19 районных и городских газет.

Следует также отметить, что многие новые региональные издания, находясь в стадии поиска собственного профиля, не раз за пятилетие сменили свои характеристики. Поэтому отнесение региональных газет к тому или иному типу достаточно условно:

реальные издания могут иметь лишь основные черты «идеального» типа. И все же контуры новой типологической структуры региональной печати уже сформировались.

Среди региональных универсальных изданий, адресуемых «всем» и повествующих «обо всем», – традиционная общественно-политическая пресса. Ее главные функции – информационная, обзорная, аналитическая. Все остальные – рекламная, развлекательная и т. д. – присутствуют обычно в качестве второстепенных. Основной предмет освещения – местные события, аудитория – самая широкая в рамках своего региона.

Информационно-рекламная пресса – принципиально новый для областного уровня информационно-коммуникативный феномен.

Тиражи изданий этого типа, как правило, в несколько раз превышают тиражи традиционных общественно-политических газет. Высокие тиражи рекламных изданий в определенном смысле перекрывают традиционные газеты, отнимая у них рекламодателей.

Большинство рекламно-информационных изданий начинали свою жизнь как бесплатные. Такую тактику используют сегодня многие новые издания, стараясь попасть в фокус читательского внимания. Те, кто сумел заинтересовать рекламодателей и организовать распространение на довольно больших территориях, закрепились в этой нише. Довольно большая часть бесплатных рекламных газет пошла по пути включения в содержательную структуру большого блока информационных материалов и распространения своих изданий по подписке и в розницу. А некоторые вообще перепрофилировались в информационные и даже информационно-аналитические издания.

Белгородскую рекламную прессу можно разделить на следующие категории:

- деловые издания («Белгородский Бизнес-журнал», «Я № 1», «Ваш успех»);
- газеты с частными объявлениями («Моя реклама», «Из рук в руки»);
- бесплатные издания, с распространением по почтовым ящикам жилых домов («Визит к Вам», «Магазин», «7 линия»);
- информационные издания («Торговля и Производство Белгородской области»);
- автоиздания («Автополис», «Автомир»);
- справочники («Фолиант», «Золотые страницы», «Белгородчина для деловых людей»);
- специализированные по строительству и недвижимости (Газета «Стройка», журнал «Недвижимость Строительство»);
- глянцевого издания («Статус Белгорода», «Bellfashion», «Гид-инфо», «Свадебный мир»).

Ведущие СМИ рекламного и информационно-рекламного сегмента – «Моя реклама», «Из рук в руки», газеты бесплатного распространения «Визит к вам», «Магазин». В списке ведущих белгородских журналов – рекламно-информационный «Торговля и Производство Белгородской области», глянцевого «Bellfashion», деловой «Белгородский Бизнес-журнал».

Журнал «Торговля и Производство Белгородской области» является одним из подразделений медиахолдинга «Престиж-Медиа», в который помимо него входят: арт-группа «Премиум», выпуск рекламно-информационных буклетов: проспект «Каприз», журнал для родителей «Мамина азбука», газета «Стройка», региональный Белгородский выпуск, справочники «Промышленные предприятия» и «Строитель», автомобильный справочник «Автополис», телефонная справочная служба 578-978, 26-26-43, справочная служба о товарах и услугах 317-317, справочник «Товары Услуги Цены», типография «БелПолиИнформ» и отдел по продажам расходных материалов и оборудования для полиграфии «Лавка печатника».

Журнал «Торговля и Производство Белгородской области» выходит 2 раза в месяц, распространяется собственной службой курьерской доставки бесплатно по организациям Белгорода, Старого Оскола и Шебекино. В первую очередь его получают все

стабильно работающие организации и предприятия, в каждой организации читают по несколько человек – люди, которые работают и платежеспособны.

База данных организаций постоянно проверяется и обновляется, что исключает доставку по несуществующим адресам. Для частного потребления журнал распространяется через редакционные стойки в банках, офисах компаний, госучреждениях, с начала строительного сезона журнал распространяется собственной службой доставки по массивам ИЖС. Курьеры вручают журнал непосредственно на объекты строительства лично в руки присутствующим застройщикам и подрядчикам.

Журнал размещает информацию о предприятиях и организациях, осуществляющих свою деятельность в сфере производства, строительства, торговли и услуг Белгородской области и других регионов России.

Реклама в печатных изданиях считается одной из самых эффективных, а срок ее действия исчисляется не секундами (как реклама на радио или телевидении), а неделями для газет и месяцами, иногда даже годами, для журналов, особенно специализированных.

Для гарантированной результативности рекламной кампании необходимо правильно выбрать издание, которое гарантированно попадет в руки целевой аудитории, т. е. потенциальным потребителям, грамотно выбрать рубрику, соответствующую профилю фирмы и разработать стратегию размещения. Реклама на обложках журнала – наиболее красочная и привлекательная. Она с большей вероятностью запоминается нам даже при беглом ознакомлении с журналом.

Размещение в виде отдельного блока иллюстрации (или фотографии), заголовков объявления, основной текст, логотип рекламодателя и его контактные данные. Его эффективность объясняется просто: человек в первую очередь воспринимает рисунок и только потом текстовую информацию. Броский дизайн рекламных модулей в данном случае является привлекающим внимание читателя фактором.

Прайс-листы – это один из наиболее эффективных видов рекламы. Размещение прайс-листов дает возможность ознакомить покупателей со всем ассортиментом товаров, выделиться среди конкурентов целевой и ассортиментной политикой. Этот вид размещения способствует созданию позитивного имиджа, повышает конкурентоспособность, привлекает горячих покупателей и увеличивает продажи.

В рекламной статье можно подробно рассказать об истории организации, развитии бизнеса или о преимуществах, уникальности тех или иных товаров или услуг. В статье читатель стремится почерпнуть информацию о выгодах, об особенностях предложения.

Журнал «Торговля и Производство Белгородской области» – это бизнес-издание, основной стратегией работы которого является подача рекламной информации клиента на качественно новом уровне, а именно: позиционирование рекламы в издании, как отдельной ниши в рекламной концепции клиента и на рекламном рынке Белгорода, не акцентируя внимание клиента на других печатных изданиях, как на конкурентах. Построение рекламной компании клиента в издании с учетом современных экономических условий в стране и регионе.

Так как редакция журнала «Торговля и производство Белгородской области» является одним из отделов медиахолдинга «Престиж-Медиа», а предметом деятельности ООО «Престиж-Медиа» является рекламная деятельность, информационное обслуживание клиентов в продвижении рекламных мероприятий, полиграфическая деятельность и др., то именно это во многом позволяет изданию быть конкурентоспособным на Белгородском медиарынке.

Медиахолдинг ООО «Престиж-Медиа» располагает необходимым оборудованием и персоналом, специально обученным для изготовления печатной рекламной продукции. Это оборудование приспособлено для изготовления многих видов печатной продукции.

Редакция журнала «Торговля и производство Белгородской области» работает с крупными, средними, малыми предприятиями, а также с индивидуальными предпринимателями. Таким образом, имеет определенный круг постоянных клиентов. Кроме того, клиентская база постоянно дополняется новыми заказчиками.

Журнал предоставляет собой эффективную полиграфическую продукцию. Также за эффективность отвечает текстовое и художественное оформление печатных рекламных материалов.

Создание рекламных материалов тесно связано с фирменным стилем рекламодателя. Фирменный стиль неотъемлемая часть бренда. Без фирменного стиля потребитель не сможет позиционировать товар среди огромного количества конкурентов.

Последующие нужды в рекламных материалах зависят от сферы деятельности организации. Это могут быть брошюры, листовки, для которых в свою очередь нужны принципы верстки рекламных материалов.

При всей, на первый взгляд нестабильности ситуации печатного издания, журнал «Торговля и производство Белгородской области» не только остается успешно работающей организацией, но и имеет возможность постоянно повышать свою конкурентоспособность на рынке. К факторам, позволяющим с успехом это делать, можно отнести следующие активно разрабатываемые направления:

1. *Дизайн.* На сегодняшний день основным фактором, обеспечивающим привлекательность абсолютно любого вида полиграфии, является грамотный профессиональный дизайн изделия, начиная от фирменного бланка и заканчивая многостраничным полноцветным журналом. Каждый заказчик полиграфической продукции знает, что успех каждой рекламной листовки, брошюры или буклета почти на 50 % зависит от графического оформления, то есть дизайна. Вторая половина успеха зависит от рекламного текста. Дизайн полиграфии – это первое, что видит потребитель, это то, от чего зависит дальнейшая заинтересованность клиента. А текст только помогает задержать внимание, усилить интерес и побудить действие (приобретение товара)

В ООО «Престиж-Медиа», с момента основания предприятия, едва ли не главное внимание изначально уделялось качеству разработок дизайн-макетов продукции. Причем работы выполнялись не только на полиграфию, но и на многие смежные рекламные области: наружную рекламу, сувенирную продукцию, оформление и разработку выставочных стендов и т.п. По сути, сфера дизайна это отдельное направление рекламного бизнеса. На данный момент редакция журнала создала себе вполне профессиональное имя в области дизайн-разработок. Возможность получить грамотный дизайн, который практически сразу может быть воплощен в реальное изделие, не может не привлекать клиентов, заботящихся об имидже своей организации, да и потом это просто удобно;

Повышение профессионализма и качества выполняемых работ. К сожалению, в условиях постоянного роста спроса на качественную полиграфию, имеющийся печатный станок загружен практически максимально, и заявленный принцип оперативной полиграфии в глазах клиента, который не принимает в расчет наличия жесткого графика печати, может быть подорван. Чтобы избежать подобной ситуации, большое внимание уделяется профессиональной квалификации печатников, непосредственно работающих на станке. Основной состав имеет большой профессиональный стаж в офсетной полиграфии, что позволяет максимально снизить время изготовления любого тиража без потери качества продукции.

2. *Снижение постоянных издержек.* К сожалению, небольшой объем производства не позволяет закупать расходные материалы в большом количестве, что дало бы существенные скидки у поставщиков и их дилеров. По этой же самой причине экономически нецелесообразно покупать расходные материалы в Москве (где порядок цен немного ниже, чем в Белгороде). Однако, с целью снижения постоянных издержек постоянно проводится мониторинг цен поставщиков бумаги и расходных материалов.

Это позволяет иметь некоторую экономию средств и соответственно, снижать цены на продукцию;

3. *Снижение переменных издержек.* С переменными издержками ситуация обстоит аналогичным образом. С целью удержания и привлечения высокопрофессиональных кадров необходимо обеспечить для них конкурентоспособный уровень заработной платы. На этом экономить не приходится. Однако, арендуя как производственные, так и офисные помещения постоянно используется возможность погашения части арендных платежей собственной полиграфической продукцией, что приносит порой весьма неплохую экономию денежных средств;

4. *Совершенствование работы с клиентами.* Постоянный поиск новых клиентов, ведущийся менеджерами фирмы, привлечение к сотрудничеству рекламных агентств города на выгодных для них условиях, опережающая работа с постоянными клиентами позволяют построить четкий график работы редакции, обеспечить максимальную загрузку, и получать максимальную прибыль без повышения уровня цен. Стремление к завоеванию рынка специализации;

5. *Перспективные направления развития.* Следуя принципу: «Если дела фирмы идут хорошо – расширяйся. Если дела фирмы пошли плохо – расширяйся», можно указать несколько перспективных направлений развития. Весьма неплохое подспорье основному виду деятельности может принести поставка расходных материалов для полиграфии. Как и практически все виды рекламного бизнеса, поставка оборудования и расходных материалов лучше всего на данный момент развиты в столице. Многие белгородские фирмы-поставщики просто перепродают материалы, купленные в Москве. Выделив в отдельное направление этот вид деятельности при грамотной постановке дела, можно как получить дополнительные оборотные средства, так и используя в собственном печатном процессе расходные материалы, купленные по оптовым ценам, еще более удешевить выпускаемую продукцию;

6. *Смежные области рекламной полиграфии.* В настоящее время формируется устойчивый спрос на комплексные рекламные услуги. Что подразумевает под собой заключение клиентом с рекламным агентством, или группой рекламных фирм разного направления договора о ведении комплексной рекламы предприятия, начиная от маркетинговых исследований и PR, и заканчивая полиграфией. Клиенту эти услуги обходятся на 10 – 15 % дешевле, чем, если бы он, проводил свою рекламную кампанию с использованием нескольких узкоспециализированных фирм. Клиент, пришедший в типографию, может здесь же заказать пакет с фирменной символикой, рекламный щит, или выставочный стенд. Подобное удобство позволяет выглядеть еще более привлекательно в глазах любого клиента.

Чтобы укрепить позиции на белгородском медиарынке, журналу «Торговля и производство Белгородской области» необходимо дополнительно запланировать ряд мероприятий:

1. Организация и планирование рекламной кампании: использование товарной и фирменной рекламы в СМИ, транспорте и обязательно в изданиях медиахолдинга «Престиж-Медиа». Основная цель в данном случае будет состоять в создании у покупателей и потребителей продукции предприятия устойчивого восприятия торговой марки;

2. Предоставление в подарок активным клиентам фирменной атрибутики (карманные календари, закладки, пакеты обязательно с рекламой журнала «Торговля и производство Белгородской области»);

3. Организация фирменных секций в крупных торговых центрах, либо предоставление рекламной атрибутики посредникам для дарения ее покупателям (фирменные плакаты, календари, пакеты и т. п.);

4. Создание, ведение и обновление собственного web-сайта в Интернете.

Углубление и развитие вышеперечисленных направлений позволит повысить конкурентоспособность журнала «Торговля и Производство Белгородской области» и

занять хоть и незначительную, но стабильную долю рынка, что позволит редакции успешно работать в дальнейшем.

Уникальные возможности журнала «Торговля и Производство Белгородской области», работающего более девяти лет с целевой аудиторией, и опыт, накопленный коллективом редакции за это время, обеспечивают партнерам и рекламодателям издания следующие возможности:

- эффективный выход на целевую аудиторию;
- установление долгосрочных контрактов с новыми клиентами;
- закрепление и поддержание активной позиции на рынке;
- оперативное обновление информации, необходимой заказчику;
- достижение объективных преимуществ в соответствующем сегменте рынка;
- оптимальное использование средств рекламного бюджета.

Основной целью журнала «Торговля и Производство Белгородской области» является качественное оказание рекламных услуг своим клиентам, при оптимальных расходах, когда первостепенное значение приобретает экономическая эффективность и целесообразность рекламной кампании.

Можно сделать вывод, что результатом деятельности издания является эффективное решение задач клиентов, которые решаются постоянным совершенствованием методов работы редакции журнала и достижение поставленных целей. Перспективами развития издания можно обозначить долгосрочные договора с рекламодателями, которые ощущают отдачу от рекламной кампании.

Подытоживая, стоит отметить, что рассмотрение перспектив развития рекламного периодического печатного издания представляется на сегодняшний день актуальным, по той причине, что в российской системе печатных СМИ преобладают издания рекламного характера, как наиболее конкурентоспособные и востребованные.

THE FEATURES OF FUNCTIONING OF ADVERTISING PUBLICATIONS REGIONAL MEDIA MARKET (BY THE MATERIAL OF THE MAGAZINE "TRADE AND PRODUCTION BELGOROD REGION")

V. A. Melnikova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
vetik7@list.ru*

Advertising media, experiencing today its dawn, largely changed the structure of the modern media. This article is devoted to the study of regional advertising market of Belgorod. In the article is the typology of advertising media market and factors highlighted the success of the advertising publications presented.

Keywords: advertising media, advertising market, regional media, advertising, Belgorod press, "Trade and manufacture of the Belgorod region".

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕКА В ПУБЛИЦИСТИКЕ П.Н. ТКАЧЕВА

В. Ю. Меринов

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

В статье продолжается исследование социально-исторической типологии человека в творчестве Петра Никитича Ткачев, народника, видного деятеля революционного движения второй половины XIX века.

Ключевые слова: Ткачев, публицистика, политика, типология.

Данная статья является продолжением исследования социально-исторических типов человека в творчестве яркого отечественного публициста и революционера П. Н. Ткачева [см. 1]. В рамках общей антропологической диады: «дикарь» (иррационально мыслящий), – цивилизованный (рационально, критически мыслящий) человек, в сочинениях П. Н. Ткачева «выстраивается четкая логическая линия представителей (людей), отношений, явлений Прошлого и Будущего» [1]. Представители Прошлого и Будущего разнесены в аксиологическом пространстве на разные полюса (абсолютное Зло и абсолютное Добро) и имеют четкую социально-историческую маркировку. Ранее, мы выявили начало этого типологического ряда в следующих социально-исторических типах: первобытный человек – человек религиозный (его подтипы: церковник и простой верующий) и противостоящий им человек цивилизованный

Следующий тип, представленный в трудах П. Н. Ткачева, это современный «дикарь» – философ-идеалист (подвид теософ). Его антагонист – «здравомыслящий человек», или человек науки. Как и первобытный дикарь, философ – глуп, легковверен, тёмнен. «... Философы весьма тупы и туги на убеждения» – уверен П. Н. Ткачев [2, с. 110]. «Серьезно заниматься философией, – считает П. Н. Ткачев, – может теперь или человек полупомешанный, или человек дурно развитый, или крайне невежественный. К сожалению, в ученых рангах такие люди составляют самое обыкновенное явление» [2, с. 109]. Философия окончательно потеряла свой «кредит» доверия. Почему? А потому, что «В настоящее времяНикто уже не верит в ее шарлатанские обещания, никто не предается ей с тем страстным увлечением, с каким это делалось прежде и с каким еще и теперь сотни тружеников посвящают себя этой ученой эквилибристике» [2, с. 109].

По мнению П.Н. Ткачева, само занятие таким пустым делом как философия не может нравиться «здравомыслящему человеку». Здравомыслящий человек, если и обращает своё внимание на философию, то это делается единственно только для того, только, «... чтобы или посмеяться над ней, или кольнуть» философов «... за их упорную глупость и их удивительное легковверие» [2, с. 109].

Так что же делать с философией и философами? Может оставить их в покое, разрешить тешить ум безделками? Пусть переводчики переводят, к примеру, Гегеля, и вместе с философами «потешаются и набивают себе голову всем, чем угодно, – нам какое дело» [2, с. 110] – спрашивает П. Н. Ткачев. Ответ на этот вопрос вполне вписывается в общую биполярную схему рассуждений в рамках противопоставления вредного Прошлого и прекрасного Будущего. Только «легкомысленным», недалёким людям может показаться, что переводы и авторы философских трактатов «совершенно безвредны». Философы отвлекают людей от действительности, уносят их в безжизненные теоретико-мистические дали. Кроме того, философы «паразиты» общества, они забирают «последние гроши» у чернорабочего, а «... взамен взятых грошей не дают черно-

рабочему ничего, кроме печатных листов, испачканных какими-то глупыми, лишеными человеческого смысла фразами. Разве это не значит платить фальшивыми жетонами за настоящее золото?» – вопрошает П. Н. Ткачев [2, с. 110]. А раз так, то, как считает П.Н. Ткачев, до тех пор, пока есть люди, занимающиеся философией, пишущие и печатающие философские трактаты и рассуждения, «... до тех пор другие, более здравомыслящие люди не должны переставать доказывать этим паразитам, что работа их равняется плевкам в потолок и что подобная эксплуатация человеческой глупости безнравственна и возмутительна» [2, с. 110]. Поэтому, по мнению П.Н. Ткачева, не только не стоит самому заниматься философией, но и тратить время на её исследование, даже с критических позиций. Так, делая рецензию на книгу приверженца позитивистского подхода к философии, западного автора Льюиса «История философии», П. Н. Ткачев упрекает последнего и в излишней, на его взгляд, детализации исследования и даже некоторой увлеченности исследователя своим предметом. «Льюис, по мнению П. Н. Ткачева, – не везде остается строго верным своей цели; ученый дилетантизм часто увлекает его в сторону, и он, ... нередко с умыслом и безо всякой надобности углубляется в непроницаемые дебри философского леса. Бродить по «безысходному лабиринту» философии, видимо, доставляет ему немалое удовольствие. И, читая его «Историю», можно иногда забыть, что ее пишет человек, внутренне убежденный в несостоятельности всякой философии и «не верующий в возможность метафизической достоверности». П.Н. Ткачеву жаль труда и потраченного времени специалиста-исследователя: «... игра не стоила свеч, что нерасчетливо было посвящать несколько лет жизни раскапыванию необъятных куч философского мусора, [накопившихся] в несколько веков» [2, с. 110].

Интерес к философии, считает П. Н. Ткачев, должен стать историческим, антикварным: «Льюис, как я сказал, смотрит на философию так, как следует смотреть на нее всякому трезвому и разумному человеку. Он признает за ней в настоящем только чисто историческое значение, он не верит в ее прогресс, он отрицает ее будущее» [2, с. 111).

Само издание книги, исследующей философские взгляды, оправдано только прагматико-идеологическими задачами, которые поставил перед собою её автор: оказать поддержку общему «... возрастающему пренебрежению к философии и возрастающему предпочтению науки» [2, с. 111]. С учетом этой цели русскому читателю, полагает П. Н. Ткачев, достаточно перевести не весь текст книги. Книга автора, вполне совпадающая со взглядами самого П. Н. Ткачева и журнала «Русское слово», («Действительно, уж если знакомить публику с философией, то лучше всего знакомить ее по Льюису»), «... должна бы была появиться в русском переводе совсем не в том виде, в каком теперь она появилась» [2, с. 111]. Из нее, предлагает П. Н. Ткачев, надо было «... выкинуть все те мелкие биографические подробности, все те неважные частности и неинтересные рассуждения о различных микроскопических деталях, которыми Льюис так любит иногда блеснуть перед читателями. Тогда основная цель автора «Истории философии» выступила бы рельефнее, определилась бы яснее и несостоятельность самой философии, и в то же время самое издание книги значительно удешевилось бы, круг ее читателей расширился бы, и она сделалась бы и общепонятнее и общедоступнее» [2, с. 111].

П. Н. Ткачев, считал, что философия ставит перед собой «неразрешимые задачи», и «... блуждая в неведомом мире «причин и сущностей», недоступных человеческому пониманию», не имеет ничего общего с «положительной» наукой [2, с. 111]. Наукой она может быть названа разве только в насмешку. «... Отсюда не следует заключать, – пишет П. Н. Ткачев – как это многие делают, будто коренное различие между наукой и философией состоит в том, что первая черпает свои выводы из наблюдения фактов окружающей действительности, вторая – из глубины человеческого духа. И та и другая наблюдают факты и из этих наблюдений строят свои выводы. Разница только в способах отношения к этим фактам» [2, с. 111]. Как полагает П. Н. Ткачев: «Наука относится к ним критически, она не делает ни одного шага без анализа и проверки и, медленно подвигаясь вперед, всегда переходит от известного к неизвестному.

Совсем не то с философией: философия не может ни критиковать, ни поверять своих посылок. Посылки ее — вымыслы, и единственной гарантией этим вымыслам может служить только вера в непогрешимость ума философов» [2, с. 111]. Но чтобы возыметь веру в эту непогрешимость, русский революционер-народник считает, что «... нужно быть по меньшей мере идиотом. Ведь непогрешимость была до сих пор только уделом пап, а между папами и философами по мепыней мере такая же разница, как между вызывателями духов и канатными плясунами» [2, с. 111].

А между тем, без этой веры в непогрешимость философия, по мнению П. Н. Ткачева немислима. В этом отношении между философией и теософией нет и не может быть различия. «Вместо того чтоб объяснять мир окружающих, но еще неизвестных явлений с помощью каких-нибудь известных достоверных данных, — пишет П. Н. Ткачев — философ старается приискать для их объяснения невероятные гипотезы, о правдоподобности которых мы так же мало знаем, как и о самих явлениях» [2, с. 111].

Следующая пара — писатели-метафизики, авторы философско-консервативных романов — им противостоят писатели-«реалисты».

Этот тип «дикаря» ставится П. Н. Ткачевым на одну доску с философами. По мнению П. Н. Ткачева, «... к занятию философией нельзя относиться вполне индифферентно, как нельзя относиться индифферентно к полицейско-эротическим романам гг. Крестовского, Стебницкого (Н. С. Лескова — М. В.) или к художественно-бесцельным произведениям г. Толстого (имеется ввиду А. К. Толстой, автор, «Князя Серебряного». «Смерти Иоанна Грозного» и т. п. — М. В.)» [3, с. 541]. Как полагает публицист, и философия, и романы Крестовского и Стебницкого, и трагедии Толстого одинаково бесполезны, более того, они вредны. Они отвлекают ум от серьезной деятельности, от серьезных вопросов, «... они ослабляют его наркотическими вымыслами и не способствуют ни на одну йоту прогрессу мысли; напротив, они развращают эту мысль, дают ей такое направление, при котором она теряет способность к производительной деятельности. А между тем эта философия, эти романы и повести оплачиваются производительным трудом общества» [3, с. 541].

Одним из самых одиозных, но и самых успешных и талантливых идеологов этого направления в искусстве, П. Н. Ткачев считает Ф. М. Достоевского. Именно в силу своей неординарности и талантливости, Ф. М. Достоевский рассматривается П. Н. Ткачевым как чрезвычайно опасный противник. Рассмотрению творчества Ф. М. Достоевского П. Н. Ткачев уделяет особенно много места в своих работах.

Другой современный инвариант «дикаря» — поэт. П. Н. Ткачев перебрасывает исторический мостик от «миросозерцания первобытного фетишиста», через типы мистика и церковника к «миросозерцанию современного поэта». В них, по мнению революционера, «преобладает тот же тон». В обоих случаях «...мы видим то же господство мысленно-чувственной над мысленно-волевой реакцией». А если так, «то мы не можем не отнести его к одному типу с типом миросозерцания дикаря» [3, с. 542]. Мысля в категориях временности Прошлого, П. Н. Ткачев полагает, что на поэзию и искусство вообще нужно смотреть как на явление чисто историческое, временное, преходящее, имеющее свое основание лишь в «... недостаточности или, лучше сказать, в слабости умственного развития человечества».

Отсюда логика той же точки зрения заставляет нас признать, что с устранением этой «недостаточности» или этой слабости, с окончательным переходом человеческого ума из низшей стадии развития в высшую искусство, поэзия, в общепринятом смысле этих слов, должны исчезнуть из нашей цивилизации, как исчезла метафизика, эта переходная (и потому весьма недолго существовавшая) ступень от поэзии к науке или, как бы выразился Конт, от фетишизма к позитивизму» [3, с. 542]. Поэзии (Поэту), как и её предшественницам, — философии — метафизике и религии, противостоит Наука (Ученый).

Список литературы

1. Меринов В. Ю. Социально-историческая типология человека в публицистике П. Н. Ткачева // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. № 13 (184). Вып. 22 – С. 218 – 222.
2. Ткачев П. Н. Льюис Д. Г. История философии от начала ее в Греции // Ткачев П. Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Вступит. статья В.Ф. Пустарнакова и Б.М. Шахматова. – М.: Мысль, 1975. С. 109-115.
3. Ткачев П. Н. Идеализм и реализм в области права // Ткачев П.Н. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Общ. ред. А. А. Галактионова, В. Ф. Пустарнакова, Б. М. Шахматова. Вступит. статья В. Ф. Пустарнакова и Б. М. Шахматова. – М.: Мысль, 1975. – С. 529 – 558.

SOCIAL HISTORICAL TYPES OF THE MAN IN TKACHEV'S PUBLICISM

V. Yu. Merinov

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

The article continues the research of social-historical typology of the man in works of P. N. Tkachev, a narodnik, an outstanding revolutioner of the second part of the XIXth century.

Keywords: Tkachev, publicism, politics, typology.

ПЕДАГОГИКА

УДК 378.14

ВОПРОСЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМОВОСПИТАНИЯ ПРИ ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В. Н. Котляр

*Академия Федеральной
службы исполнения
наказаний России,
г. Рязань*

*e-mail:
kotlyarrzn@mail.ru*

Рассматриваются актуальные вопросы профессионального самовоспитания обучающихся в системе подготовки специалистов для правоохранительных органов, особенности педагогического руководства профессиональным самовоспитанием курсантов и слушателей.

Ключевые слова: курсант, педагогическое руководство, правоохранительные органы, профессиональное самовоспитание, руководитель, слушатель, специалист.

Введение

Современный образовательный процесс в вузах характеризуется все более широким применением новых педагогических технологий и методик, внедряемых с целью совершенствования профессиональной подготовки компетентных специалистов для правоохранительной системы.

Одним из существенных недостатков в подготовке данных специалистов, по мнению исследователей, является смещение приоритетов в сторону получения знаний обучающимися без достаточного учета их личностных особенностей. Система образования призвана не только давать знания по тем или иным дисциплинам, но и способы эффективного их усвоения.

Теоретический анализ проблемы и результаты экспериментальной работы показывают, что одним из действенных путей совершенствования профессиональной подготовки, повышения психолого-педагогической компетентности обучающихся является профессиональное самовоспитание курсантов и слушателей вузов правоохранительной системы, которое наиболее результативно при целенаправленном педагогическом руководстве.

Педагогическое руководство профессиональным самовоспитанием обучающихся представляет собой совокупность организационных, воспитательных, учебных мероприятий, осуществляемых руководящим и профессорско-преподавательским составом вуза, направленных на обеспечение планомерной, целеустремленной и систематической работы обучающихся по профессиональному самовоспитанию.

Успех в педагогическом руководстве профессиональным самовоспитанием приходит тогда, когда руководитель всесторонне знает индивидуальные особенности обучающихся, их способности, социально-психологические явления в курсантском коллективе и их влияние на конкретную личность. «Умелое руководство самовоспитанием – дело сложное, требующее от вузовских работников глубоких психолого-педагогических знаний, высокой культуры, большого такта, постоянного обогащения передовым опытом» – пишет Р. С. Гарифьянов [1, с. 9].

Особенности профессионального самовоспитания при подготовке специалистов правоохранительной системы

Педагогическое руководство профессиональным самовоспитанием курсантов и слушателей базируется на твердом знании руководителями теоретических положений по профессиональному самовоспитанию, владении методикой осуществления данного процесса, тесном сотрудничестве руководителя и обучающегося. Руководитель определяет использование наиболее действенных средств и методов профессионального самовоспитания, работает над созданием педагогических условий для «включения» обучающихся в данный процесс и для его эффективного осуществления.

Руководство профессиональным самовоспитанием курсантов и слушателей по своему содержанию не ограничивается обычными воспитательными мероприятиями, а требует особенной, специальной работы, целями которой являются:

- воспитание гордости за выбранную профессию, осознание значимости профессионального самовоспитания для сотрудника правоохранительной системы;
- диагностика уровня профессионального самовоспитания обучающихся, сформированности профессионально важных и личностных качеств;
- изучение теоретических основ, сущности, структуры, специфики и методики профессионального самовоспитания;
- формирование потребности в профессиональном самовоспитании;
- «включение» каждого курсанта и слушателя в процесс активной работы над собой;
- создание условий, стимулирующих процесс профессионального самовоспитания;
- оказание действенной помощи в планировании и осуществлении данного процесса, в преодолении возникающих трудностей;
- контроль и оценка результатов работы, помощь в своевременной корректировке целей и задач.

Значительную помощь в воспитании у курсантов и слушателей гордости за избранную профессию, осознании значимости профессионального самовоспитания для сотрудника правоохранительной системы, как показывает практика, оказывает организация и проведение в вузе следующих мероприятий [2, с. 10]:

- ознакомление с историей и традициями правоохранительной системы страны, их соблюдение и приумножение;
- проведение торжественных ритуалов, таких как: зачисление в вуз, принятие присяги, вручение удостоверений личности, погон, документов об образовании и др.;
- организация торжественных мероприятий, посвященных государственным и вузовским праздникам;
- посещение музеев, создание экспозиций, стендов, посвященных стойкости и героизму сотрудников правоохранительной системы;
- проведение тематических вечеров, устных журналов, диспутов, круглых столов, научно-практических конференций и встреч с ветеранами Великой Отечественной войны, боевых действий;
- пропаганда опыта самовоспитания выдающихся государственных деятелей, полководцев и военачальников.

Для профессионального самовоспитания педагогически целесообразно разделять обучающихся на группы по степени сформированности профессионально важных качеств и работать с ними дифференцированно. Групповые методы интенсивного воздействия способствуют быстрее овладевать новыми знаниями и навыками, своевременно перестраивать структуру своей деятельности, ведут к объективному изменению отношения к себе и к другим. К преимуществам в групповой работе относится то, что она:

- способствует «включению» обучающихся в профессиональное самовоспитание;
- позволяет получить более объективную самооценку;
- повышает активность и целеустремленность в работе над собой;

- интенсифицирует профессиональное самовоспитание курсантов и слушателей;
- дает возможность обсуждать проблемные вопросы и находить пути их решения, делать совместные открытия;
- развивает способности совместной деятельности (чувство партнера);
- позволяет получать поддержку и помощь группы;
- повышает ответственность за выполнение программы профессионального самовоспитания.

Благоприятный климат в коллективе способствует его сплочению, создает условия для самореализации каждого его члена, существенно облегчает педагогическое руководство профессиональным самовоспитанием, оказывает стимулирующее воздействие в работе над собой. Неблагоприятный климат в коллективе, ощущение недоброжелательности, агрессивности окружающих порождает неуверенность в себе, боязнь насмешек, тревожность, безынициативность и пессимизм, что в конечном итоге негативно сказывается на профессиональном самовоспитании, тормозит данный процесс. Поэтому, создание благоприятного климата в коллективе учебной группы, курса, является важнейшей задачей педагогического руководства профессиональным самовоспитанием курсантов и слушателей.

Педагогическое руководство профессиональным самовоспитанием

Педагогическое руководство профессиональным самовоспитанием курсантов и слушателей строится в соответствии с требованиями руководящих документов к специалистам правоохранительной системы и включает в себя следующие этапы:

- а) диагностику уровня профессионального самовоспитания курсантов и слушателей, изучение их личности;
- б) психолого-педагогическую подготовку обучающихся к профессиональному самовоспитанию;
- в) планирование руководства профессиональным самовоспитанием, оказание помощи курсантам (слушателям) в определении целей, задач, составлении программы, выборе методов и приемов работы над собой;
- г) осуществление профессионального самовоспитания: совместная деятельность руководителей и обучающихся по формированию и развитию профессионально важных и личностных качеств, преодолению отрицательных качеств;
- д) контроль профессионального самовоспитания курсантов и слушателей, определение его результатов, внесение необходимых корректив.

Между названными этапами нет четких границ, возможны временные отступления, замедление протекания процесса профессионального самовоспитания, ошибки и корректировка деятельности. Переход от одного к другому, взаимопроникновение осуществляется незаметно по мере совершенствования качественного состояния предыдущего этапа и созревания предпосылок для последующих действий. Окончательной целью руководства профессиональным самовоспитанием является достижение обучающимися осознанного и усвоенного образа (идеала) высококвалифицированного специалиста, грамотного воспитателя и руководителя [3, с. 103].

Планирование педагогического руководства профессиональным самовоспитанием включает:

- разработку специальной комплексной программы руководства профессиональным самовоспитанием;
- оказание помощи курсантам (слушателям) в объективной самооценке, поиске образца для подражания (идеала), определении целей, задач;
- помощь в составлении реально выполнимой программы, выборе методов и приемов работы над собой.

Каждый раздел комплексной программы руководства профессиональным самовоспитанием курсантов и слушателей включает в себя целый ряд мероприятий.

К выполнению этих мероприятий привлекается преподаватели, руководители учебно-строительных подразделений и служб, кураторы учебных групп.

Совместная деятельность руководителей и курсантов (слушателей) по устранению отрицательных качеств, формированию и развитию профессионально важных и личностных качеств, как показывают результаты исследований, наиболее результативна при определенных педагогических условиях.

Основными педагогическими условиями эффективного профессионального самовоспитания курсантов и слушателей являются [4; 6]:

- создание и развитие необходимой учебно-материальной базы в вузе;
- обеспечение в достаточном количестве учебно-методической литературой по профессиональному самовоспитанию;
- комплексное изучение индивидуальных особенностей курсантов и слушателей;
- создание благоприятного общественного мнения в коллективе на процесс профессионального самовоспитания, развитие интереса и положительной мотивации к нему;
- привлечение к пропаганде данного процесса возможностей печати, телевидения и радио;
- внедрение разноуровневой программы профессионального самовоспитания с учетом индивидуальных особенностей курсантов и слушателей,
- активное использование новейших достижений, современных педагогических технологий и методик по профессиональному самовоспитанию;
- повышение интенсивности осуществления данного процесса;
- повышение педагогического мастерства преподавателей и руководителей;
- стимулирование процесса профессионального самовоспитания курсантов и слушателей;
- тесное взаимодействие, единство подходов и согласованность в работе всех участников процесса профессионального самовоспитания, оказание взаимной помощи;
- привлечение обучающихся к общественной деятельности, при осуществлении которой они могли бы развивать профессионально важные и личностные качества.

Контроль закрепляет потребность обучающихся в профессиональном самовоспитании. Осуществляется руководителем профессионального самовоспитания регулярно в установленные сроки (например: после каждого семестра обучения). Формами контроля профессионального самовоспитания являются:

- педагогическое наблюдение;
- беседа;
- отчеты обучающегося на собрании курса, учебной группы, заседании аттестационной комиссии;
- проверка выполнения программы профессионального самовоспитания, ведения дневника;
- обобщение независимых характеристик.

Руководитель, на основе результатов диагностики уровня профессионального самовоспитания курсантов и слушателей, оказывает им необходимую помощь [3, с. 23].

Для определения результатов профессионального самовоспитания обучающихся проводится повторная диагностика уровня профессионального самовоспитания. Осуществляется экспертной группой, которая определяет уровень соответствия полученных результатов поставленным целям и задачам.

Заключение

По завершении указанного цикла профессионального самовоспитания, в случае его успешности, начинается следующий цикл на качественно новом, более высоком уровне. Осуществляется постановка новых целей, задач и ведется дальнейшая работа над собой. Если поставленная цель не достигнута, но мотивация самовоспитания устойчива, проводится поиск и анализ причин, приведших к неудаче. По результатам

анализа руководитель вносит необходимые коррективы в работу курсантов и слушателей над собой [5; 7].

При подведении итогов профессионального самовоспитания курсантов и слушателей необходимо учитывать тот факт, что полученные результаты являются итогом всей образовательной работы в вузе.

Достигнутый уровень профессионального самовоспитания нельзя считать раз и навсегда установленным. Он может изменяться под влиянием различных факторов. С учетом этого необходимо, чтобы психолого-педагогическое воздействие на обучающихся, руководство профессиональным самовоспитанием не заканчивалось, а было постоянным, носило творческий характер, развивало потребность в самореализации себя как личности и как специалиста правоохранительной системы.

Список литературы

1. Гарифьянов Р. С. Психолого-педагогические основы руководства самовоспитанием студентов. – Казань, 1978. – 79 с.
2. Иваньков И. А. Подготовка кадров для УИС в рамках специализации «Организация режима в Академии ФСИН России: современное состояние и перспективы». – М: НИИ ФСИН России, 2013. – 14 с.
3. Котляр В. Н. Педагогическое руководство профессиональным самовоспитанием курсантов и слушателей вузов ФСИН России // Человек: преступление и наказание. Академия ФСИН России. – Рязань, 2006. – № 2 – 3. С. 102 – 105.
4. Котляр В. Н. Педагогическое руководство профессиональным самовоспитанием курсантов и слушателей вузов ФСИН России: методические рекомендации. Академия ФСИН России. – Рязань, 2005. – 33 с.
5. Котляр В. Н. Профессиональное самовоспитание курсантов и слушателей вузов ФСИН России: диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. – Рязань, 2006. – 193 с.
6. Котляр В. Н. Профессиональное самовоспитание курсантов и слушателей вузов ФСИН России: методические рекомендации. Академия ФСИН России. – Рязань, 2005. – 25 с.
7. Тюгаева Н. А. Профессиональное самовоспитание курсантов и слушателей вузов ФСИН России: монография / Н. А. Тюгаева, В. Н. Котляр. Академия ФСИН России. – Рязань, 2010. – 110 с.

QUESTIONS FOR SELF-PREPARATION OF PROFESSIONALS FOR LAW ENFORCEMENT SYSTEM

V. N. Kotlyar

*Academy of the Federal
Penitentiary Service
of Russia, Ryazan*

*e-mail:
kotlyarrzn@mail.ru*

The most important items of professional self-learning system of training for the law enforcement agencies, especially pedagogical management professional self-education listener and cadets.

Keywords: cadet, teacher leadership, law enforcement, professional self-education, the head of the listener, a specialist.

УДК 378 (075.8)

КАЧЕСТВО УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ: ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

**М. В. Носкова, Е. П. Шихова
Д. С. Андреева**

*Уральский государственный
медицинский университет
Министерства здравоохранения
Российской Федерации*

*e-mail:
mn66@mail.ru
shihovka@mail.ru
atrium-andreeva@yandex.ru*

В статье представлено исследование качества образования в рамках системы менеджмента качества в медицинском вузе. Основное внимание уделено психолого-педагогическим условиям качества образования, показаны результаты опроса удовлетворенности качеством образования учебным процессом в рамках дисциплины «Психология и педагогика».

Ключевые слова: система менеджмента качеством, психолого-педагогические условия, управление качеством учебного процесса.

Современные образовательные тенденции, актуализирующие проблемы качества образования, направлены на личностно-ориентированное обучение. В актуальных образовательных практиках внедрение инноваций связано с определенными сложностями. Глобальной задачей XXI в. является гуманизация образования, что предполагает усиление внимания к личности студента, и отношение к обучающемуся, как высшей социальной ценности. Следует отметить постепенный процесс перехода образования с позиций передачи глубоких знаний на формирование навыков, общекультурных и профессиональных компетенций. В связи с переменами увеличивается роль студенчества в образовательной среде, в том числе в сфере качества образования.

В настоящее время в высшей школе активно внедряется концепция практико-ориентированного обучения, использование информационных и технологических ресурсов, что знакомит студентов с новейшими исследованиями отечественных и зарубежных ученых. Для внедрения этих инноваций, Правительством РФ и Министерством образования и здравоохранения увеличивается финансирование ведущих вузов страны [1].

Качество результатов образовательной деятельности зависит от многих психолого-педагогических условий:

- системность – сбор, обработка, анализ и интерпретация полученной информации;
- мониторинг, диагностика при сочетании различных методов;
- ориентация на формы и методы обучения;
- учет совокупности показателей и факторов;
- адекватная психолого-педагогическая интерпретация данных мониторинга;
- привлечение к мониторингу преподавателей и студентов вуза.

Достижению необходимого уровня качества, удовлетворяющего требованиям всех заинтересованных сторон, способствует внедрение сертифицированной системы менеджмента качеством в образовательный процесс.

Следует отметить, что качество – многоплановая категория, характеризующая эффективность всех сторон деятельности (разработка организация учебного процесса, педагогические условия, опыт и др.). Принимая это во внимание, в рамках привлечения студентов вуза к качеству образования в ГБОУ ВПО Уральском государственном медицинском университете Минздрава России создан Совет студентов по качеству образования, где обсуждаются вопросы методики балльно-рейтинговой системы, организации учебного процесса, его содержание. Студенческий Совет активно принимает участие в обсуждении различных положений и мероприятий, проводимых в рамках системы менеджмента качества в вузе. В связи с тем, что студенты являются внутрен-

ними потребителями, их мнения обязательно учитываются, анализируются и служат основой для формирования корректирующих и предупреждающих мероприятий.

Под управлением качества учебного процесса в медицинском вузе понимается системный и планомерный процесс формирования будущего специалиста здравоохранения, базирующийся на компетентностном подходе.

В основе качества образования заложены цели и содержание образования; уровень профессиональной компетентности профессорско-преподавательского состава, организации их деятельности; состояние материально-технической и научно-информационной базы учебного процесса.

В инновационной методологии системы менеджмента качества одним из подходов является рефлексивный, предполагающий быстрое реагирование на изменения в социуме, при этом, фокусирующийся на ценностях и прагматизме. В рамках этого подхода приоритетными являются принципы гуманизации и демократизации образования. При этом критериями качества являются социокультурные аспекты образования.

В настоящее время актуализируются тенденции, повышающие качество обучения и соотносящиеся с требованиями работодателей. Усиливается роль и значение непрерывного образования, усложняются задачи для личностного развития, учитывая рыночную политику, сливающуюся, в том числе и с высшим медицинским образованием и т. д.

Согласно федеральному государственному образовательному стандарту третьего поколения и учебному плану, в рамках цикла гуманитарного блока реализуется дисциплина «Психология и педагогика», которая изучается на первых курсах педиатрического, лечебно-профилактического, медико-профилактического, фармацевтического и стоматологического факультетов ГБОУ ВПО Уральского государственного медицинского вуза Минздрава России.

Необходимо отметить, что качество образования предполагает получение обратной связи от обучающихся. В рамках системы менеджмента качества на кафедре психологии и педагогики была разработана анкета, направленная на изучение удовлетворенности учебным процессом первокурсников. Оценка проводилась по десятибалльной шкале, где 10 – максимальный балл, 1 – минимальный балл. В анкете предлагалось оценить качество изложенного материала лекционных и практических занятий, обеспечение учебно-методическим комплексом, его полноту и доступность на информационно-образовательном портале вуза, балльно-рейтинговую систему в рамках изучения дисциплины, взаимодействие преподавателя со студентами, вовлеченность обучающихся в учебный процесс, актуальность полученных психолого-педагогических знаний, наиболее понравившихся дидактических единиц, замечания и предложения будущих специалистов здравоохранения.

Проведение этих мероприятий – процесс неоднозначный и многоплановый, так как способствует активизации жизненной позиции и улучшению качества образования. Интерес вызывают оценка, замечания и пожелания студентов преподавателям кафедры. Анкетирование проводится анонимно.

В обсуждаемом исследовании участвовало 236 студентов набора 2013 – 2014 учебного года педиатрического, стоматологического и медико-профилактического факультетов.

По результатам анкетирования, большинство студентов отметили, что лекционный материал был интересным и заслуживающим внимания (средний балл оценивания лекций составил 8,75); и позиционировался обучающимся как весьма доступный для понимания (средний балл 9,07). Возможность применения изложенного лекционного материала в будущей профессиональной деятельности специалиста здравоохранения оценен в среднем на 8,79. На основании вышеизложенного, можно предположить, что разработанный преподавателями кафедры тематический план лекционных занятий, презентации, соответствующие тематике лекций, доступны, интересны, адаптированы для понимания и восприятия первокурсников медицинского вуза.

Практические занятия по дисциплине «Психология и педагогика» студенты по всем критериям оценили выше (средний балл 9,2) в сравнении с лекционными. Учитывая специфику обучения в медицинском вузе, количество студентов, обучающихся в группе, не превышает пятнадцати человек, что позволяет преподавателю осуществлять индивидуальный подход к студенту, учитывая когнитивные и эмоциональные особенности, уделяя большее внимание психологическому настрою и социально-психологическому климату группы. Скорее всего, совокупность всех этих аспектов способствует высокой положительной оценке профессорско-преподавательской деятельности со стороны студентов.

На фоне полученных высоких баллов психолого-педагогического мастерства преподавателей, обеспечение учебно-методической литературой, пособиями, оценено обучающимися низко (средний балл 6,2). Невысокие оценки по данному критерию, возможно, связаны с тем, что глобальная информатизация всех сфер жизни и деятельности меняет общечеловеческие ценности, это ведет к изменению целей, содержания и качества обучения. Для повышения качества подготовки специалистов необходимо внедрение в процесс обучения инновационных технологий. При этом следует отметить, чрезмерное использование информационных технологий в обучении может оказывать некоторое негативное влияние на активность обучающихся, так как у студентов снижается способность к самостоятельному, креативному мышлению. В связи с тем, что современные компьютерные технологии отчасти ориентируют мышление человека под формальные правила и модели логики, заменяя креативно-когнитивные функции мышления на шаблонные, что отвлекает студента от конструктивной исследовательской деятельности, необходимой специалисту в области медицины.

В учебной работе кафедры активно используются образовательные порталы ГБОУ ВПО УГМУ Минздрава России. Интерактивное взаимодействие студентов и преподавателей посредством образовательных электронных порталов оценено обучающимися как удовлетворительное – средний балл 7,8. Полученная оценка данного критерия, на наш взгляд, могла быть продиктована индивидуальными особенностями будущих специалистов здравоохранения и спецификой обучения в медицинском вузе. К вышесказанному следует добавить, интерактивные технологии взаимодействия между студентом и преподавателем на кафедре психологии и педагогики (рубежные тесты по дидактическим единицам, самостоятельная работа, УИСР и НИР, учебные задания, электронные журналы посещаемости лекционных и практических занятий) проходят период апробации и на момент анкетирования не являлись привычной и отработанной процедурой обучения.

Однако, относительно высокие баллы за соответствие содержания лекционных и практических занятий с рабочей программой дисциплины, по нашему мнению, связаны с одной стороны, с обеспеченностью информацией на образовательном портале университета, а, с другой – это результат разработанного учебно-методического комплекса дисциплины и четкое выполнение календарно-тематического плана преподавательским составом кафедры.

Ещё одной гранью СМК на кафедре является введенная методика балльно-рейтинговой системы оценивания достижений студентов, которая получила средний балл – 5,84. Объясняя такую невысокую оценку студентов первых курсов можно предположить неадаптированностью обучающихся к данной системе оценивания промежуточных знаний. Первокурсники в своем большинстве – это вчерашние школьники. Школьное оценивание знаний значительно отличается от вузовской.

Взаимодействие преподавателей кафедры со студентами – первокурсниками получило наивысший балл – 9,5. Отношения между студентами и преподавателями, построенные на уважении личности студента, традиционно культивировались и приветствовались на кафедре психологии и педагогики, что нашло свой отклик в проведенном анкетировании.

Студентами, среди предлагаемых к изучению дидактических единиц «Педагогика», «Общая психология», «Социальная психология», «Возрастная психология» особо выделены такие темы:

– «Темпераментальные и характерологические, индивидуально-психологические особенности личности» (именно на этих занятиях проводится личностная психодиагностика студентов, где они узнают особенности своего темперамента и характера, что позволяет им развивать сильные стороны и корректировать слабые);

– «Коммуникативная культура в сфере здравоохранения» (занятия этой тематики проходят в интерактивном формате, используя метод активного обучения – тренинг, где нарабатываются навыки взаимодействия через использование ролевых и деловых игр, моделирования, решения ситуационных задач, метод мозгового штурма, мастер-классы, групповые дискуссии, рефлексии);

– «Социальные феномены групп и классические социальные эксперименты» (на этих занятиях преподаватели знакомят студентов с социокультурными феноменами и закономерностями коллектива, что позволяет узнать основы управления коллективом, необходимое в сфере профессиональной деятельности «человек-человек»;

– «Ведущая деятельность и отношение к болезни в разные возрастные периоды» (знание этого материала традиционно вызывает интерес у студентов медицинского вуза, так как это связано с будущей профессиональной деятельностью и личной жизнью).

В соответствии с тематикой отмеченных студентами учебных занятий, приоритетным является личностно-ориентированное взаимодействие, что особенно привлекает студентов первых курсов.

Среди пожеланий студентов – увеличение количества часов проведения занятий в тренинговом режиме. Обучение в медицинском вузе сопряжено с большими когнитивными и физиологическими нагрузками. Многие дисциплины требуют повышенной концентрации всех психических процессов и состояний. На кафедре психологии и педагогике, занятия, проходящие в тренинговом режиме, с одной стороны, позволяют глубоко проработать изучаемый материал, с другой – предоставляют студентам релаксационные мероприятия в учебном процессе, а также обучение саморегуляции эмоциональных состояний, что крайне необходимо для студентов первых курсов медицинского университета.

Практически на каждой бланке анкеты студенты выражают благодарность преподавателю, прикрепленного к той или иной группе.

Таким образом, все вышеизложенное свидетельствует о том, что современная практико-ориентированная модель обучения в медицинском вузе, отводящая существенную роль системе менеджмента качества в процессе обучения, требует от научно-педагогического коллектива серьезной и вдумчивой учебно-методической проработке условий и форм организации практических и лекционных занятий со студентами, мониторинга качества образовательных услуг на кафедре и соответствующих корректирующих мероприятий, обеспечивающих качество реализации профессиональных образовательных программ. Проведенное мероприятие обозначило мнение и предложения студентов, что не может не способствовать улучшению качества образования.

Список литературы

1. Новые модели образования для экономики XXI века / Деловой завтрак Сбербанка РФ, 23 мая 2014 г. Петербургский международный экономический форум, Санкт-Петербург, 22 -- 24 мая 2014 г. Режим доступа: <http://www.vestifinance.ru/videos/16180>

QUALITY OF TEACHING IN THE MEDICAL SCHOOL: PSYCHOLOGICAL AND EDUCATIONAL APPROACHES

M. V. Noskova
E. P. Shihova
D. S. Andrega

*Ural State Medical
University, Ministry of Health
of the Russian Federation*

*e-mail:
mn66@mail.ru
shihovka@mail.ru
atrium-andrega@yandex.ru*

The paper presents a study of the quality of education within the framework of a quality management system in medical school. Focuses on the psychological and pedagogical conditions of quality of education, the survey showed satisfaction with the quality of education in the educational process within the discipline of «Psychology and Pedagogy».

Keywords: system of quality management, psycho-pedagogical conditions, quality control of the educational process.

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА К ХУДОЖЕСТВЕННО-ПРОЕКТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СРЕДСТВАМИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Г. В. Тришина

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
g.trishina@mail.ru*

Представлен авторский вариант осуществления художественного развития старших дошкольников в рамках реализации Федерального государственного стандарта дошкольного образования, заключающийся в формировании готовности личности к художественно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства. Такой путь решения обозначенной проблемы будет эффективным при соблюдении ряда педагогических условий. Осуществление процесса формирования готовности детей старшего дошкольного возраста к художественно-проектной деятельности предполагает реализацию авторской модели, результативность которой проверяется посредством использования ряда критериев и показателей.

Ключевые слова: художественно-проектная деятельность, язык изобразительного искусства, формирование готовности у старших дошкольников к участию в художественно-проектной деятельности.

Введение

В основополагающих документах дошкольного образования: Законе «Об образовании в РФ», Федеральном государственном стандарте дошкольного образования (2013г.) и др. отмечается, что дошкольное образование должно базироваться на принципе интеграции образовательных областей, обеспечивающих формирование интегративных качеств личности ребенка дошкольного возраста, гармоничное вхождение личности в общество.

Гармоничное вхождение личности в общество обусловлено уровнем развития ее духовно-нравственной культуры, которая во многом зиждется на эстетических ценностях (Б. Т. Лихачев, Б. П. Юсов, А. А. Мелик-Пашаев, Б. М. Неменский, В. И. Волынкин, И. А. Лыкова и др.). Именно поэтому сегодня программы дошкольных образовательных учреждений, в рамках реализации Федерального государственного стандарта дошкольного образования должны быть ориентированы на организацию совместных видов деятельности детей и взрослых, видов деятельности, способствующих развитию мышления, воображения и детского творчества, личностного и художественно-эстетического развития. К таким видам деятельности мы относим художественно-проектную деятельность.

Сущность формирования готовности детей старшего дошкольного возраста к художественно-проектной деятельности

Дошкольный период развития ребенка сензитивен для его художественного развития в изобразительной деятельности, формирования готовности к участию в художественно-проектной деятельности (Л. С. Выготский, Л. А. Парамонова, Н. Е. Веракса, А. Н. Веракса). Художественное развитие ребенка открывает дополнительные возможности для реализации его творческого потенциала; предполагает образное восприятие мира, «правополушарный» тип мышления, способность к эмоциональной отзывчивости на явления искусства и действительности, возможность воспринимать и оценивать художественное произведение в единстве его содержания и формы, способность выражать свое видение мира, свои мысли, чувства на невербальном языке искусства (Б. Т. Лихачев, Б. П. Юсов, Н. Л. Стариченко и др.).

В работах педагогов, психологов отмечаются огромные потенциальные возможности развития детей дошкольного возраста в изобразительной деятельности.

Однако эти возможности в практической деятельности часто используются недостаточно (Л. С. Выготский, Д. Б. Эльконин, А. Г. Ананьев, Д. Б. Богоявленская, Н. А. Ветлугина, Е. А. Флерина, Н. П. Сакулина, Б. П. Юсов, А. А. Мелик-Пашаев, Т. С. Комарова, Г. Г. Григорьева и др.). Развитие личности в определенной деятельности происходит при условии, что личность становится ее субъектом (А. Н. Леонтьев), однако без освоения языка той или иной деятельности невозможно её постижение. В процессе освоения ребенком языка изобразительного искусства идет активная работа мозга, развиваются мыслительные способности. Полноценное освоение дошкольником изобразительной деятельности возможно при условии осуществления комплексного, системного подхода к организации процесса освоения детьми дошкольного возраста основ языка изобразительного искусства (художественных материалов, технических приемов и техник изображения, некоторых закономерностей изображения в различных художественных системах и др.) на доступном для каждого возрастного этапа уровне (Н. Л. Стариченко).

Наиболее эффективно художественное развитие ребенка старшего дошкольного возраста, формирование его начальной художественной компетентности осуществляется в творческой деятельности, которая лежит в основе не только художественной, но и проектной деятельности (Л. А. Парамонова). Проектная деятельность – это инновационная образовательная технология и средство комплексного решения задач воспитания, образования, развития личности в современном социуме, трансляции норм и ценностей общества в образовательную систему. Сегодня проектная деятельность является одной из ведущих, как в дошкольном образовательном учреждении, так и в школе. Следовательно, начальной ступенью, закладывающей основы готовности к активному участию в проектной деятельности ребенка, является этап дошкольного детства. Творческая деятельность как единая основа художественной и проектной деятельности обусловила использование в образовательном процессе совместно этих двух видов деятельности. В последнее время эти два понятия используются в тандеме как художественно-проектная деятельность (В. П. Фалько и др.), следовательно, мы можем говорить об интеграции художественной и проектной деятельности в формировании готовности дошкольника к художественно-проектной деятельности. Поскольку проектная деятельность с художественным содержанием решает задачи как художественно-эстетического образования, так и интеллектуального развития ребенка, задачи развития его творческой продуктивной инициативности (Н. Е. Веракса, А. Н. Веракса), то формирование готовности дошкольника к художественно-проектной деятельности представляется нам особенно важным уже в дошкольном возрасте. Исследовательский характер и игровые формы ее организации позволяют осуществлять проекты с художественным содержанием в непосредственной образовательной деятельности (НОД) и в свободное время, интегрировать различные виды художественной деятельности, задействовать широкий спектр социальных партнеров (музеи, библиотеки, другие учреждения дошкольного образования), позволяет формировать партнерское взаимодействие и сотрудничество между различными участниками педагогического процесса, в том числе между детьми и их собственными родителями. Таким образом, формирование готовности к художественно-проектной деятельности у ребенка старшего дошкольного возраста позволяет решать насущные актуальные проблемы художественного развития личности в условиях реализации современной образовательной политики. Формирование готовности к художественно-проектной деятельности у детей именно старшего дошкольного возраста (результат освоения дошкольной образовательной программы) мы понимаем, как готовность ребенка к освоению программы начальной школы в области изобразительной деятельности: как развитую способность к художественному видению, владение основами языка изобразительного искусства, способность к самостоятельному изобразительному творчеству; готовность к активному участию в проектной деятельности художественно-изобразительного содержания.

Условия формирования готовности к художественно-проектной деятельности у детей старшего дошкольного возраста средствами изобразительного искусства

Различным аспектам проблемы формирования художественно-проектной компетентности детей старшего дошкольного возраста посвящены работы В. В. Краевского, О. Е. Лебедева, М. В. Рыжакова, Ю. Г. Татура, И. Д. Фрумина, А. В. Хуторского, О. В. Чураковой, Ю. В. Стюарт, А. Г. Гогоберидзе, и др. Все исследователи, изучавшие природу компетентности, обращают внимание на ее многосторонний, разноплановый и системный характер. Некоторые теоретические и практические аспекты проблемы готовности ребенка старшего дошкольного возраста к художественно-проектной деятельности отражены в педагогической науке, но вместе с тем, в целом, проблема требует дальнейшего изучения. Отсутствие достаточного количества теоретических и методических разработок в данной области и потребность практических работников в конкретных рекомендациях по организации эффективного образовательного процесса, направленного на художественное развитие личности ребёнка, обусловили поиск путей решения данной проблемы. Анализ существующих концепций и методических разработок, направленных на художественное развитие детей старшего дошкольного возраста, передового педагогического опыта, ретроспективный анализ собственной педагогической деятельности привел нас к выводу о том, что эффективность процесса формирования готовности ребенка старшего дошкольного возраста к художественно-проектной средствами изобразительного искусства будет зависеть от следующих педагогических условий:

- педагогу необходимо осознавать сущность художественного развития личности ребенка дошкольного возраста в изобразительной деятельности как освоение языка изобразительного искусства;
- художественное развитие личности старшего дошкольника должно осуществляться в соответствии с возрастными нормами освоения языка изобразительного искусства, и определяться той основной проблемой, которую ребёнок в данный момент может и должен решать;
- технология формирования готовности ребенка старшего дошкольного возраста к художественно-проектной средствами изобразительного искусства должна предполагать многовариантность использования компонентов языка изобразительного искусства, интеграцию видов деятельности, проектную деятельность.

Модель формирования готовности старших дошкольников к художественно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства

В соответствии с выявленными педагогическими условиями нами была разработана модель формирования готовности детей старшего дошкольного возраста к художественно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства, которую мы представили в графическом варианте. Она состоит из трех блоков целевого, процессуального и результативного.

Модель формирования готовности старших дошкольников к художественно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства

I. Целевой блок

цель – формирование готовности детей старшего дошкольного возраста к художественно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства, как готовность ребенка к освоению программы начальной школы в области изобразительной деятельности

задачи:

- овладение основами языка изобразительного искусства (знания, умения, навыки в области языка изобразительного искусства),
- развитие способности к художественному видению,

- развитие способности к самостоятельному изобразительному творчеству;
- формирование готовности к активному участию в проектной деятельности художественно-изобразительного содержания

II. Процессуальный блок

Организационно-деятельностный компонент

Виды взаимодействия участников

педагоги – дети (на всех этапах проектной деятельности)

педагоги – дети – родители (родители – чаще на этапе сбора информации и презентации проекта)

педагоги – дети – социальные партнеры (социальные партнеры – чаще на этапе сбора информации)

Содержательный компонент

1. Когнитивный аспект – накопление знаний в области языка изобразительного искусства и способов творческого преобразования данных, а также знаний о проектной деятельности (ее этапах и возможностях включения в художественно-проектную работу).

2. Практический аспект – формирование умений и навыков в области использования художественных материалов и технических приемов изображения и некоторых закономерностей изображения, а также активное включение в проектную деятельность.

3. Чувственно-мотивационный аспект – развитие интереса к художественно-проектной деятельности, развитие способности эмоционально откликаться на явления искусства и действительности

III. Результативный блок

Результат: высокий уровень сформированности готовности детей старшего дошкольного возраста к художественно-проектной деятельности изобразительного искусства характеризуется готовностью ребенка старшего дошкольного возраста (7-8 лет) активно участвовать в художественно-проектной деятельности и получать творческие продукты художественно-изобразительной деятельности.

Критерии и показатели формирования готовности старших дошкольников к художественно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства

На протяжении последних десятилетий в педагогической науке «неоднократно обострялись вопросы оценки и измерения количественных и качественных приращений в области эстетического и художественного развития личности», формирования ее художественных способностей [4, с. 23]. В настоящее время существует несколько концепций художественного развития дошкольников. Многие из этих концепций представляют в качестве критериев оценки уровня художественного развития художественно-творческие способности, эстетическое восприятие, творческое мышление, воображение, различные эстетические качества личности. Мы не оспариваем такую точку зрения, но настаиваем на том, что целенаправленный процесс формирования готовности старших дошкольников к художественно-проектной деятельности требует конкретизации критериев художественного развития личности не только в соответствии с возрастными особенностями, но и в соответствии с особенностями понимания сущности самого феномена художественно-проектной деятельности. В соответствии этим нами были выделены следующие критерии оценки готовности детей старшего дошкольного возраста к художественно-проектной деятельности средствами изобраа-

зительного искусства: овладение старшими дошкольниками языком изобразительного искусства, художественно-творческая активность старшего дошкольника, способность получать продукты художественно-изобразительной деятельности. Каждый критерий имеет свои показатели в соответствии с тремя уровнями сформированности готовности детей старшего дошкольного возраста к художественно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства.

Продуктивный – высокий, креативный, плодотворный, высокорезультативный уровень сформированности готовности детей старшего дошкольного возраста к художественно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства характеризуется готовностью ребенка старшего дошкольного возраста (7-8 лет) активно участвовать в художественно-проектной деятельности и получать творческие продукты художественно-изобразительной деятельности.

1. Ребенок обладает высоким уровнем сформированности знаний и умений в области использования художественных материалов и технических приемах изображения ими, о некоторых закономерностях изображения в различных художественных системах (знания основных, составных цветов, контрастах для создания выразительной работы, доперспективных способах передачи пространства и др.); способах и приемах передачи собственных эмоций, впечатлений в изображении;

2. Дошкольник владеет знаниями о способах обследования природы, у него очень хорошо развито умение целенаправленно наблюдать натурные объекты, видеть целостно и дифференцированно, быстро и легко сравнивает объекты и составные их части; ребенок имеет глубокие знания и о способах получения многообразия изображения одного и того же предмета, явления (способах творческого преобразования) и прекрасно владеет ими на практике;

3. Сформированы глубокие знания и четкие представления об этапах проектной деятельности и возможностях собственного включения в художественно-проектную работу. Дошкольник обладает высоко развитым умение активно участвовать в художественно-проектной деятельности и получать творческие продукты художественно-изобразительной деятельности. На высоком уровне сформировано умение работать в парах, в малых группах, в команде и достигать результата (сотворчество).

Частично-продуктивный – средний, конструктивный, базисный уровень сформированности художественно-проектной компетентности детей старшего дошкольного возраста в изобразительной деятельности характеризуется готовностью ребенка старшего дошкольного возраста (7-8 лет) участвовать в художественно-проектной деятельности и часто получать творческие продукты художественно-изобразительной деятельности.

1. Ребенок обладает средне выраженным уровнем сформированности знаний и умений в области использования художественных материалов и технических, приемах изображения ими, о некоторых закономерностях изображения в различных художественных системах (знания основных, составных цветов, контрастах для создания выразительной работы, доперспективных способах передачи пространства и др.); способах и приемах передачи собственных эмоций, впечатлений в изображении;

2. Владеет достаточными знаниями о способах обследования природы, средне развито умение целенаправленно наблюдать натурные объекты, видеть целостно и дифференцированно, с помощью взрослых (подсказки, схемы, наводящие вопросы) сравнивает объекты и составные их части. Ребенок имеет некоторые знания и о способах получения многообразия изображения одного и того же предмета, явления (способах творческого преобразования) и частично владеет ими на практике;

3. Сформированы некоторые знания и представления об этапах проектной деятельности и возможностях собственного включения в художественно-проектную работу. Дошкольник обладает умением участвовать в художественно-проектной деятельности и часто получает творческие продукты художественно-изобразительной деятельности. Сформировано умение работать в парах, в малых группах, в команде и дости-

гать результата (сотворчество), недостаточно активно и продуктивно проявляет свои индивидуальные особенности и склонности.

Репродуктивный- низкий уровень сформированности готовности детей старшего дошкольного возраста к художественно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства характеризуется слабой готовностью ребенка старшего дошкольного возраста (7-8 лет) участвовать в художественно-проектной деятельности и получать творческие продукты художественно-изобразительной деятельности.

1. Дошкольник обладает низким уровнем сформированности знаний и умений в области использования художественных материалов и технических приемах изображения ими, о некоторых закономерностях изображения в различных художественных системах (знания основных, составных цветов, контрастах для создания выразительной работы, доперспективных способах передачи пространства и др.); способах и приемах передачи собственных эмоций, впечатлений в изображении, допускает ошибки, требуется частая помощь педагога;

2. Ребенок недостаточно владеет знаниями о способах обследования природы, слабо развито умение целенаправленно наблюдать натурные объекты, видеть целостно и дифференцированно, не может быстро и легко сравнивать объекты и составные их части. Дошкольник не имеет глубоких знаний о способах получения многообразия изображения одного и того же предмета, явления (способах творческого преобразования), недостаточно владеет ими на практике;

3. Ребенок имеет некоторые знания и нечеткие представления об этапах проектной деятельности и возможностях собственного включения в художественно-проектную работу. Обладает слабо развитым умением участвовать в художественно-проектной деятельности и получать творческие продукты художественно-изобразительной деятельности. На низком уровне сформировано умение работать в парах, в малых группах, в команде и достигать результата (сотворчество).

Таковы на наш взгляд основные и необходимые критерии и показатели оценки уровня сформированности готовности старших дошкольников к художественно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства.

Заключение

Формирование готовности детей старшего дошкольного возраста к художественно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства – это процесс творческого взаимодействия педагогов дошкольного образовательного учреждения, детей, их родителей, социальных партнеров (музеи, библиотеки и др.) по формированию готовности ребенка к освоению программы начальной школы в области изобразительной деятельности. В связи с этим особое значение приобретает поиск эффективных путей формирования готовности к художественно-проектной деятельности детей старшего дошкольного возраста. Один из таких путей мы выработали в ходе нашего исследования и сумели предложить педагогические условия, способствующие повышению эффективности процесса формирования готовности к художественно-проектной деятельности и модель формирования готовности старших дошкольников к художественно-проектной деятельности средствами изобразительного искусства, результативность которой обеспечивается рядом специфических критериев и показателей. Таким образом, мы можем констатировать, что художественное развитие личности ребенка в детском дошкольном учреждении в современных образовательных условиях может осуществляться путем формирования его готовности к художественно-проектной деятельности.

Список литературы

1. Богоявленская Д. Б. Психология творческих способностей: Учеб. пособие для студ. Высш.учеб.заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2002. – 320 с.
2. Выготский Л. С. Воображение и творчество в детском возрасте. 2-е изд. М.: Просвещение, 1967. – 93с.

3. Ильинская И. П. Критерии оценки уровня сформированности эстетической культуры младшего школьника / Начальная школа – № 1. – 2009. – С. 20 – 25.
4. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. Изд. 2-е. – М.: Политиздат, 1977. – 304 с.
5. Стариченко Н. Л. Изобразительная деятельность дошкольника и младшего школьника – ступени развития / Н.Л. Стариченко // Преемственность в воспитательном процессе ДОУ и начальной школы. – Белгород: БелГУ, 1999. – С. 75 – 83.
6. Torrance E. P. The Nature of Creativity as Manifested in Testing // The Nature of Creativity / Sternberg R. J. (Ed) – Cambridge 1988. – P. 32 – 75.
7. Эдвардс Б. Художник внутри вас / пер. с англ.; Худ. Обл. Б.Г. Ключко. – Минск: Попурри, 2000. – 256 с.
8. Юсов Б.П. Грамотность и выразительность детского рисунка: Автореф. дисс. канд. пед. наук. – М., 1963. – 23 с.

THE FORMATION WAYS OF SENIOR PRESCHOOLERS READINESS TO PARTICIPATE IN AN ART AND DESIGN ACTIVITIES BY MEANS OF THE FINE ARTS

G. V. Trishina

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
g.trishina@mail.ru*

There is an author's artistic embodiment of the senior preschool children's development represented, in the framework of the Federal state standard of preschool education, which consists in the formation of person's readiness to the art- project activities by means of art. This way of solving the identified problem will be effective under certain pedagogical conditions. Implementation of the senior preschool children's skills formation process to art- project activity involves the implementation of the author's model, the impact of which is checked by using a number of criteria and indicators.

Keywords: art and design activity, language of the fine arts, senior preschool children's skills formation for participation in art and design activity.

УДК [378.011.3 – 051:911]:[378.091.33-027.22] 044

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ КОМПЬЮТЕРНО-ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ УЧИТЕЛЕЙ ГЕОГРАФИИ

Ю. Ю. Чикина*Луганский
национальный
университет
им. Тараса Шевченко**e-mail:
juliyajulchik@mail.ru*

В статье рассматриваются особенности профессиональной подготовки учителя географии в условиях информатизации образования. Автор обосновывает актуальность обогащения практических занятий методами активизации мыслительной деятельности географов, а также комплексность использования традиционных средств и компьютерно-информационных технологий в образовательном процессе. Проводится анализ метода проектов с использованием средств компьютерно-информационных технологий для углубленного усвоения студентами географических знаний, активизации самостоятельной и творческой деятельности будущих учителей.

Ключевые слова: активное обучение, средства компьютерно-информационных технологий, метод проектов.

Введение

В современных условиях развития образования учебный процесс подвержен изменениям и требует постоянного совершенствования. Это связано с тем, что использование компьютерных и информационных технологий в подготовке учителей приводит к изменениям стратегии и тактики обучения в высшем учебном заведении. В условиях информатизации образования основными требованиями к профессиональной подготовке учителя географии являются: понимание будущими учителями дидактических, психолого-педагогических и методических основ использования информационных технологий в обучении; высокий уровень компетентности для возможностей применения новых средств обучения. Немаловажными являются знания географами современных приемов и методов использования средств компьютерно-информационных технологий во время проведения учебных занятий; наличие представлений о возможности практической реализации лично ориентированного обучения в условиях использования информационных технологий; формирование общекультурного уровня, социальной активности; использование лучших методик и технологий обучения.

Необходимо отметить, что на этапе широкого использования информационных технологий в общеобразовательной школе подготовка будущих учителей географии должна быть направлена на овладение, использование и быструю адаптацию специалиста к изменениям в отрасли компьютерно-информационных технологий. Мы считаем, что современный учитель географии должен быстро реагировать на изменения и принимать решения, иметь профессиональную компетентность и мобильность, ориентироваться в использовании средств компьютерно-информационных технологий, быть способным к постоянному обновлению знаний и обучению в течение всей жизни, что гарантировало бы реализацию способностей личности, подготовку будущего специалиста к жизнедеятельности в информационном обществе. Поэтому, для повышения качества подготовки географов необходима организация учебного процесса с активной позицией студентов во время получения новых знаний.

Анализ научной литературы показал, что сегодня авторами уделено значительное внимание проблемам внедрения компьютерных и информационных технологий в образовательный процесс. Использованию средств компьютерно-информационных технологий, которые способствуют качественным изменениям в профессиональной подготовке, посвящены работы М. Жалдака, Г. Коджаспировой, Ю. Машбица, И. Роберт, Г. Селевко, В. Трайнева, Д. Чернилевского. Вопросы эффективности внедрения современных технологий в географическое образование освещены в работах

Л. Зеленской, С. Коберника, В. Корнеева, О. Топузова и др. Свой вклад в развитие активных методов обучения внесли А. Матюшкин, Т. Кудрявцев, М. Махмутов, И. Лернер, М. Леви и др.

Использование современных средств в процессе подготовки будущих учителей географии

Было установлено, что применение средств компьютерно-информационных технологий в подготовке будущих учителей представляет собой необратимый процесс, что связано с обновлением содержания, форм и методических принципов обучения [6, с. 25]. Использование средств компьютерно-информационных технологий на занятиях во время подготовки географов является целесообразным, если обеспечивается более высокая эффективность обучения, чем при использовании традиционных средств, а также при условии, когда преподаватель их профессионально использует. В процессе преподавания физико- и экономико-географических дисциплин средства компьютерно-информационных технологий в подготовке географов следует использовать:

-- во время изучения и закрепления нового материала, что способствует лучшему усвоению студентами информации, повышается наглядность, возможность разностороннего рассмотрения явлений или процессов, расширяются приемы подачи информации, экономится время на его изложение (интерактивные мультимедиа лекции (слайд-лекция, видеолекция), электронный учебник и др.);

-- во время проведения практических и семинарских работ – как средство для поиска и изучения необходимого материала, отработки навыков и умений самостоятельного решения заданий (использование программ Power Point, Corel, Adobe Photoshop и др.);

-- во время контроля знаний, что позволяет повысить его объективность (тестовые программы учебного предназначения);

-- во время организации и проведения в сети Интернет конференций, семинаров, круглых столов для обмена разными идеями относительно интересных тем, вопросов, анализа и изучения международного опыта (общие проекты и др.);

-- для самообразования (Интернет, телеконференции) и др.

При этом главной задачей высшего учебного заведения на современном этапе является подготовка специалистов, способных нестандартно, гибко и своевременно реагировать на изменения, которые происходят в мире. Для повышения эффективности и качества подготовки учителей географии необходима организация учебного процесса с активной позицией студентов во время получения новых знаний, что создает условия для творчества в обучении и способствует самостоятельности в приобретении географических знаний. Успешность достижения этой цели зависит не только от того, что усваивается, но и от того как усваивается: индивидуально или коллективно, с опорой на внимание, восприятие, память или на весь личностный потенциал будущего специалиста, с помощью репродуктивных или активных методов обучения. Поэтому акценты при изучении физико- и экономико-географических дисциплин следует переносить на сам процесс познания, эффективность которого полностью зависит от познавательной активности студента-географа.

Применение активных форм и методов при изучении студентами географических дисциплин

Непосредственное вовлечение географов в активную учебно-познавательную деятельность связано с применением приемов и методов, получивших обобщенное название «активные методы обучения». Появление и развитие активных методов обусловлено тем, что перед обучением встали новые задачи: не только дать студентам знания, но и обеспечить формирование и развитие познавательных интересов и способностей, творческого мышления, умений и навыков самостоятельного умственного труда [1, с. 56; 3; 7]. Активное обучение отличается от обычного рядом особенностей, к

которым относятся активизация мыслительной деятельности студентов путем формирования специальных условий, которые способствуют этой активизации независимо от их желания. Именно такая форма взаимодействия и общения учит географов формулировать мысли на профессиональном языке, владеть устной речью, слушать, слышать и понимать других, корректно и аргументировано вести спор. Совместная работа требует не только индивидуальной ответственности и самостоятельности, но и самоорганизации работы коллектива, требовательности, взаимной ответственности и дисциплины. На таких занятиях формируются предметные и социальные качества профессионала, достигаются цели обучения и воспитания личности будущего специалиста.

Активное обучение представляет собой такую организацию и ведение учебного процесса, которые направлены на всемерную активизацию учебно-познавательной деятельности обучающихся посредством широкого, желательного комплексного, использования как педагогических (дидактических), так и организационно-управленческих средств [2, с. 32]. Так, активизация обучения может идти как посредством совершенствования форм и методов обучения, так и посредством совершенствования организации и управления учебным процессом в целом. На наш взгляд, применение именно этих методов позволяет в преподавании географических дисциплин активизировать мышление и побудить студентов самостоятельно принимать творческие по содержанию, эмоциональные и мотивационно оправданные решения, развивать партнерские отношения. А также повысить результативность не за счет увеличения объема информации, а за счет глубины и скорости ее переработки; способствовать активной дискуссии, повышению эффективной деятельности будущих специалистов и преподавателей [5, с. 14].

Поэтому в профессиональной подготовке учителей географии необходима организация учебного процесса на более высоком качественном уровне оптимального взаимодействия преподавателей и студентов во время использования средств компьютерно-информационных технологий, где будущий учитель географии должен стать активным участником для понимания важности полученных знаний, умений и возможностей эффективного использования разных средств в профессиональной деятельности. Активные методы обучения побуждают студентов к активной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения учебным материалом. Это дает возможность направить внимание географов не только на изучение отдельных фактов, объектов, явлений, но и на овладение способами работы с географической информацией, развитие познавательной самостоятельности, интереса к изучению географических дисциплин.

Следует обратить внимание, что основной акцент необходимо делать на комплексном, систематическом использовании средств компьютерно-информационных технологий на лекционных и практических занятиях для привлечения студентов к активному познавательному процессу. Однако надо учитывать, что систематическое и комплексное использование компьютерных и информационных технологий может способствовать формированию творческой личности только тогда, когда они будут составляющей частью всего учебного процесса. Фрагментарное, эпизодическое, не связанное единой целью использование современных средств не только не даст желаемого эффекта, но может привести к обратному результату в учебно-воспитательном процессе подготовки учителей-географов.

Использование активных методов на практических занятиях

Опираясь на проведенный анализ научных источников, отметим, что изменения необходимо внести в проведение практических занятий и организацию деятельности студентов, что будет способствовать развитию творческого мышления будущего специалиста, усовершенствованию умений отыскивать необходимую информацию, творчески ее интерпретировать и применять в конкретных условиях. Это даст возможность обеспечить формирование коммуникативных умений и практическую подготов-

ку учителя географии к активной профессиональной деятельности в изменяющейся информационной среде.

Считаем, что центральным моментом в организации обучения является поиск и освоение таких форм и технологий, в которых акцент ставится на самостоятельности студентов во время учебной деятельности. Выработать самостоятельность и инициативность на практических занятиях можно, используя метод проектов с применением студентами программы Power Point, Corel и сети Интернет. Это способствует развитию познавательных, творческих навыков, умений самостоятельно конструировать собственные знания, ориентироваться в информационном пространстве, критически мыслить.

Метод проектов очень широко используется в образовательном процессе высших и средних учебных заведений, однако бывает, что на практике речь идет о работе над той или иной темой или просто о групповой работе [4]. На самом деле, если это метод, то он предполагает определенную совокупность учебно-познавательных приемов, которые позволяют решить проблему в результате самостоятельных действий студентов и предполагают презентацию этих результатов. Что предусматривает, с одной стороны, использование разнообразных методов, средств обучения, а с другой — интегрирование знаний, умений из различных областей науки, техники, технологии, творческих областей. Если же говорить о методе проектов как о педагогической технологии, то эта технология предполагает совокупность исследовательских, поисковых, проблемных методов, творческих по самой своей сути.

Более того, для достижения максимальной эффективности использования метода проектов с применением средств компьютерно-информационных технологий необходимо придерживаться следующих требований:

- наличие значимой в исследовательском, творческом плане проблемы (задачи), требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для ее решения (например, исследование демографической проблемы в разных регионах мира, создание серии репортажей из разных концов земного шара по одной проблеме, проблема влияния кислотных дождей на окружающую среду и др.). Решение поставленной проблемы предполагает обязательное формирование основных компонентов географического образования (усвоение, закрепление, углубление, практическое использование, обобщение географических знаний, развитие специальных и общеучебных умений, формирование опыта эмоционально-ценностного отношения к окружающей действительности, опыта творческой деятельности);

- практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов (например, доклад в соответствующие службы о демографическом состоянии данного региона, факторах, влияющих на это состояние, тенденциях, прослеживающихся в развитии данной проблемы; совместный выпуск газеты, репортаж с места событий и др.);

- самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность географов;
- структурирование содержательной части проекта (с указанием поэтапных результатов) и определение сроков выполнения каждого этапа;

- использование исследовательских методов: определение проблемы, вытекающих из нее задач исследования, выдвижение гипотезы их решения, обсуждение методов исследования, оформление конечных результатов, анализ полученных данных, подведение итогов, корректировка, выводы (использование в ходе совместного исследования метода «мозговой атаки», «круглого стола», статистических методов творческих отчетов, просмотров и др.).

Нами был сделан акцент на использовании метода проектов с обязательным применением студентами программы Power Point, интерактивных карт, сети Интернет с целью демонстрации и раскрытия особенностей, закономерностей развития географических явлений; демонстрации определенной территории, их характеристики и выделения определенных особенностей; демонстрации различных схем, карт, графиков,

таблиц. Что обеспечивает усиление визуализации географической информации и ее активного восприятия географами для возможностей глубокого овладения материалом. Кроме того, это будет способствовать формированию способностей студента ориентироваться в новой ситуации, находить собственный подход в решении заданий, способствовать желанию не только получать готовые знания, но и самостоятельно получать необходимую информацию, побуждать специалистов к поиску новых идей, где они действуют самостоятельно, берут на себя инициативу и ответственность за конкретные результаты.

Мы исходили из того, что обязательным во время подготовки и защиты проекта должно быть использование студентами программы Power Point и Corel, которые дают возможность, обосновано наглядно представить доказательства, суждения, аргументы, сравнения, проиллюстрировать перспективы развития идей, возможностей практического использования полученных выводов. Презентация позволяет географам представить полученные результаты более наглядно, с использованием элементов качественной графики, видеоматериалов и звуковым сопровождением.

На занятиях по физико-географическим дисциплинам мы использовали смешанный тип проекта (исследовательский, информационный, творческий), который направленный на побуждение специалистов к самостоятельному приобретению знаний и умений, активного включения в учебно-познавательную, исследовательскую, творческую деятельность. Отметим, что применение средств компьютерно-информационных технологий во время реализации проекта играло роль средства наглядности и представления результатов (презентация, фотовыставка, видеофильм, информационный буклет, компьютерная газета, репортаж), основного или вспомогательного носителя информации, средства связи между студентами и преподавателем. Обязательным является создание педагогом портфолио проекта с использованием информационных технологий (средств создания мультимедийных презентаций, текстового, графического, табличного процессоров, поиск информации в Интернете). Представление проблемы педагогом с помощью программы Power Point и интерактивных карт позволяет визуально продемонстрировать актуальное в исследовательском и творческом планах задание, проанализировать расхождения во мнениях.

Для возможности успешного выполнения будущими учителями географии проекта нами определены основные этапы его разработки:

1. На подготовительном этапе (организационные мероприятия) деятельность преподавателя включала: анализ рабочей программы по географии с целью выбора темы (раздела) программы для эффективного использования метода проектов; определения темы и цели проекта; формулирование проблемных тематических вопросов и планирование результатов проекта; поиск и систематизация источников информации (книги и периодическая литература, электронные ресурсы, интерактивные карты, сеть Интернет), оборудование и наглядность, необходимые для выполнения проекта; информирование студентов о будущем проекте, обсуждение условий его выполнения, критериев оценивания работы. На этом этапе географам необходимо обговорить информацию о выполнении проекта в мини-группах, а также поиск и систематизацию необходимых источников информации по определенной теме;

2. Этап планирования деятельности (постановка задания, распределение функций и обязанностей студентов, использование исследовательских методов, оптимальных учебно-познавательных приемов с целью решения поставленной проблемы) предполагал организацию преподавателем самостоятельной работы географов, наблюдение за ней, по необходимости – консультации, обсуждение формы подачи результатов проекта. Географами были распределены функции и обязанности, уточнена информация о выполнении проекта, проведена работа с литературой по теме, выдвинуты гипотезы для решения проблемы, анализа и синтеза идей;

3. На этапе выполнения проекта будущими учителями проводилась работа по оформлению и самоанализу полученных результатов в соответствии к разработанным

критериям. Преподаватель наблюдает за работой будущих специалистов, в случае необходимости проводит консультации;

4. На этапе презентации, защиты и коллективного оценивания результатов проекта (систематизация знаний по теме, во время изучения которой выполняется проект) студенты презентовали и обоснованно защищали полученные результаты по решению представленной проблемы. Нами были оценены логика, последовательность действий, объективные и субъективные причины неудач, участие в коллективном оценивании результатов, подведение итогов работы над проектом.

Внедрение предложенной идеи в процесс профессиональной подготовки будущих учителей географии происходило за счет комплексного, систематического и оправданного применения компьютерно-информационных технологий и традиционных средств, соединенных с активными формами проведения практических занятий на III курсе специальности «География» во время изучения дисциплины «Физическая география Украины». Обогащение активными формами и методами практических занятий по физико-географической дисциплине, подкрепленной использованием компьютера, мультимедийных технологий и телекоммуникационных средств позволило активизировать мышление и побудить географов к самостоятельному овладению знаниями, умениями, а также принятию творческих решений. Это дало возможность будущим учителям географии получить реальную практику формулирования своей точки зрения, осмысления системы аргументации, т. е. превращение информации в знания, а знаний в убеждения и взгляды.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, основным условием эффективного и качественного использования преподавателями компьютерных и мультимедийных технологий в процессе профессиональной подготовки будущих учителей географии является их систематическое и комплексное использование во время учебного процесса. Обогащение активными формами и методами проведения практических занятий по физико-географическим дисциплинам, подкрепленных комплексным использованием компьютера, мультимедийных технологий и сети Интернет позволило активизировать мышление и побуждать студентов к принятию творческих решений, способствовало активности в овладении материалом, а также повышению эффективной деятельности географов. Выполнение будущими учителями географии с помощью средств компьютерно-информационных технологий проекта способствовало развитию познавательных, творческих, коммуникативных способностей, критического мышления, умения самостоятельно конструировать собственные знания и ориентироваться в информационной среде, работать в команде, создало условия для развития личности каждого специалиста, повысило уровень самостоятельности, творческой активности и желания самосовершенствоваться.

Список литературы

1. Вербицкий А. А. Активное обучение в высшей школе: контекстный подход / А. А. Вербицкий. – М.: Высш. шк., 1991. – 207 с.
2. Голов В. П. Средства обучения географии и условия их эффективного использования / В. П. Голов. – М, 1987. – 222 с.
3. Кирикова М. Современные методы обучения в вузе. – Режим доступа: http://sociosphera.com/publication/conference/2012/138/sovremennye_metody_obucheniya_v_vuze/
4. Кондратенко Е. Технологии профессионально-ориентированного обучения в современном вузе. – Режим доступа: <http://gigabaza.ru/doc/41577.html>
5. Мухина С. Современные инновационные технологии обучения / С. А. Мухина, А. А. Соловьева. – М., 2008. – 360 с.
6. Полат Е. С. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования / Е. С. Полат. – М.: «Академия», 2007. – 368 с.
7. Шамис В. Активные методы обучения в вузе. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/aktivnye-metody-obucheniya-v-vuze>

SPECIFIC FEATURES OF APPLYING ACTIVE TEACHING METHODS USING COMPUTER AND INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE CONTEXT OF GEOGRAPHY TEACHERS' PROFESSIONAL TRAINING

Yu. Yu. Chikina

*Luhansk Taras
Shevchenko
National University*

*e-mail:
juliya-julchik@mail.ru*

The publication deals with the peculiarities of professional training of a Geography teacher in the conditions of education informatization. The author proves the topicality of enriching practical classes with the methods of activating Geography teachers' thinking, as well as integrity of using traditional means and computer and information technologies in the educational process. The project method with using the means of computer and information technologies for advanced learning of Geography material by the students, activation of individual and creative activity of teachers-to-be was analyzed.

Keyword: active education, means of computer and information technologies, project method.

ГЕНЕЗИС ФЕНОМЕНА ДУХОВНОСТИ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

Е. Шагардинова

*Московский
государственный
институт
международных
отношений (университет)
Министерства
иностраных дел РФ*

*e-mail:
eldezmata@mail.ru*

В статье осуществлен анализ осмысления понятий «духовность» с педагогической и психологической точки зрения. Представлено определение термина «духовность», раскрываются его основные компоненты и показатели. Автор приходит к выводу о том, что в педагогическом образовательном процессе «духовность» определяется как способность личности оперировать истинными нравственными ценностями, выстраивая образ жизни в соответствии с ними. Духовность есть проявление высших психических способностей человеческого сознания, заложенных природой, но требующих развития посредством периодических усилий и воли. В результате данного процесса, происходит расширение границ сознания и осознанного восприятия жизни, преобразуется характер и душа человека. Материалы статьи могут быть использованы в качестве аксиологического аспекта образовательно-воспитательной подготовки студентов.

Ключевые слова: духовность, воспитание, нравственность, ценности, аксиология.

Введение

Различные научные направления неоднозначно трактуют феномен духовности. По своему происхождению понятия «дух» и «духовность» являются древними и имеют богатые традиции в истории, науке и культуре. Начиная с 1990-х гг. XX в., изменилась научная трактовка данных феноменов. В период существования СССР данные категории были лишены самостоятельного статуса в связи с высокой степенью акцентированности отечественной науки на светский гуманизм и научную методологию в понимании развития человека.

Содержание понятий «духовность», «духовно-нравственное воспитание» на сегодняшний день используются авторами во многих сферах образования, зачастую приравнивая их к религиозности. Это связано с тем, что феномены духовности в своем историческом развитии долгое время были неразделимы. В свою очередь, в большинстве стран мира на протяжении многих веков религиозные структуры были неразрывно связаны с государственной деятельностью, которая и имела непосредственное влияние на развитие и ход исторических, политических процессов, науки, культуры, образования.

Научные представления о духовности, духовно-нравственном воспитании в педагогике

Рассматривая категорию духовности, с точки зрения педагогики, необходимо отметить, что в данной науке не сложилось однозначного понимания феномена духовности. Определение духовности в педагогике рассматривается как в религиозном, так и в светском миропонимании и значении. В светской педагогике не сложилось однозначного понимания духовности. В педагогическом сознании существует стереотип, что духовное воспитание является, прежде всего, воспитанием нравственным. Данный стереотип основополагается на представлении о том, что духовная сфера человека это исключительно сфера нравственных чувств. Бытует мнение, что уровень нравственной культуры и развития является базисным, а то и единственным показателем воспитания, а высоконравственный человек автоматически наделяется в сознании педагога всеми другими достоинствами, в том числе и духовностью. Это обусловлено тем, что в методологических науках, например в философии, по отношению к педагогике, кате-

гория духовности четко не определена. В светском понимании духовно-нравственное воспитание рассматривается в контексте этических взглядов.

Известный советский педагог В. А. Сухомлинский под духовно воспитанным человеком понимал высоконравственную, физически и гуманистически развитую личность, сочувствующую другим людям. Ученый уделял большое значение воспитанию молодежи, воспитательный и педагогический труд которого организовывался посредством формирования духовных ценностей обучающихся. Таким способом у молодежи воспитывалось трудолюбие, творчество, обязательность, самоуправление. Они познавали путь к счастью. В. А. Сухомлинский считал, что счастье юного поколения – это радость, полнота духовной жизни, отдача моральных и духовных сил для созидания гармонии и радости окружающей действительности [10, с. 177].

Суть программы воспитания выдающегося советского педагога-новатора В. А. Сухомлинского заключалась в формировании морального идеала личности, который вырабатывается в активной деятельности, а деятельность одухотворяется идеей, мечтой. Он считал, что именно реальная мечта может подталкивать личность к самосовершенствованию, обогащению духовного мира для осознания величия духа. Духовность, по его мнению, является одним из составляющих элементов ядра личности и его потенциала, без которого не возможна целостность человеческого бытия; духовность – это стремление человека к вечным, истинным для всех народов и времен ценностям.

Как отмечает Л. В. Вершинина, возможность разной направленности духовного становления может раскрываться через триаду базисных аксиологических абсолютных ценностей: истина, добро и красота [3, с. 13].

По ее мнению, аксиологический стержень духовности строится на основе особого типа мировоззрения и мироотношения, который принято называть духовным. Духовность выражается в соблюдении моральных ценностей и традиций. Невозможно изучить и описать духовность с помощью научных методов. Прекращение следования моральным ценностям приводит к потере духовности и самого человека. Аналогично в структуре этической позиции, духовность является вершиной треугольника, в основании которого находятся моральность и нравственность человека. Лишь посредством наблюдения за поступками можно зафиксировать проявление духовности в личности.

В статье другого ученого Н. М. Борытко феномен духовности трактуется как стремление человека возвыситься к личным целям и ценностям ради поиска высшего смысла своего существования. Духовность – это сила характера и следование нравственным принципам, это внутренний волевой стержень, без которого человек не может полностью реализоваться в жизни [2, с. 28].

Светская педагогика, исключая из состава религиозный компонент, не может игнорировать опыт духовного воспитания, выработанный религиозными и духовными деятелями. М. Б. Беляев утверждает, что до 1917 года главным принципом российской педагогики было учение о человеке как «образе и подобию Божию». В этом имеется благодатное поле для педагогов-практиков и ученых-исследователей. Данный тезис не получил полного освещения, глубокого осмысления и использования в педагогической практике, что порождает безрезультативность и недейственность многих воспитательных практик. Современные методики педагогического образования нацелены больше на инновации, чем на традиционные методы воспитания, которые постепенно обесцениваются и забываются. Вследствие этого формируется «свободная личность», не желающая оценивать себя с духовной и нравственной позиции [1, с. 19]. Это приводит к тому, что человек перестает быть готовым к принятию на себя полной ответственности за свои слова и поступки, обязательства по отношению к совести.

По мнению Н. М. Романенко, «содержательно система высших ценностей не может существенно отличаться от ценностей непосредственной жизни индивида, поскольку внешне, человек ориентированный духовно, совершает те же действия, что и

остальные. Различие заключается лишь в их направленности, в том, что образует смысл жизни личности. Говоря о высших ценностях, философская мысль обращается к тем же ценностям земной жизни: любовь, милосердие, добро, верность, надежда, совесть и т. д. Вопрос заключается лишь в том, каково назначение указанных духовных интенций, ради какой цели человек творит добро, проявляет любовь, на что надеется, во что верит» [8, с. 126 – 128].

Нельзя отрицать, что формирование духовных ценностей в православной педагогике представляется возможным путем воссоединения чувственной души с Божественным святым духом. С православной точки зрения, А.И. Осипов характеризует понятие «духовность» как способ приближения к Абсолютной Истине, путем нахождения человека в состоянии «раскаянного сердца», слушая голос своей совести, анализируя поведение и поступки [6, с. 26].

Это подтверждает факт о том, что в православной педагогике воплощением абсолютных ценностей выступает Бог. Духовное становление человека есть результат его волевых усилий, направленных на саморазвитие для преображения человека. В свою очередь, нравственность и духовность раскрываются в человеке по мере его духовного совершенствования.

Вместе с тем, в педагогическом образовательном процессе «духовность» определяется как способность выбирать истинные нравственные ценности и выстраивать образ жизни в соответствии с ними. В статье С. И. Хохлова «К понятию о духовности» данный феномен раскрывается через активную деятельность человека, направленную на самосовершенствование и расширение границ сознания в духовном плане, благодаря простым действиям, поступкам, поведению, которое проявляется в образе жизни [11, с. 34].

Когда человек работает над своим характером и воспитывает в себе добродетели, его духовная воля становится сильнее и крепче. Когда речь, мысли и поступки человека направлены во вред, качества духовности человека ослабевают. Это также происходит, если у человека есть множество пороков. Поэтому важно работать над искоренением пороков и избегать безнравственных поступков, поскольку они вредят душе, отягощая судьбу.

Духовное воспитание общества требует обращения к духовно-нравственным традициям образования. Единственное возражение, считает С. И. Хохлов, среди ученых и педагогов может относиться к включению в содержание духовности среди других нравственных ценностей вершины истинных нравственных ценностей – веру в Бога [11, с. 37]. В педагогическом воспитании важно обучать студентов не проявлять своих дурных наклонностей по отношению к другим, а добрые дела и свои полезные качества использовать во благо. Если применять таланты только для собственного продвижения, а дурные качества использовать для унижения других, этот путь ведет к падению.

С. И. Хохлов выделяет следующие компоненты и показатели духовности:

- стремление к высшим и вечным ценностям человеческого бытия и побуждение к гармоничному развитию;
- наличие таких качеств личности, как: доброта, искренность, воля, любовь к людям, сострадание;
- развитые познавательные качества: мышление, память, речь, внимание;
- потребность в созидательной творческой деятельности, широта интересов, ощущение счастья, положительный энергетический потенциал;
- присутствие внутренней свободы: избавление от страхов, миролюбивость во взаимодействии, жизнь по законам природы [11, с. 36].

Степень развития своей духовности можно определить наличием (отсутствием) у себя следующих добродетелей и достоинств:

- потребность в проявлении своей любви к близким, воспитанникам, людям, природе, животным;

- проявление улыбчивости, благосклонности;
- умение наслаждаться каждым мгновением жизни;
- отсутствие желания идти на конфликты;
- отсутствие интереса к оскорблению других людей;
- непринужденность во внешних обстоятельствах;
- способность мыслить и поступать в соответствии с нравственными принципами;
- умение прощать;
- отсутствие проявления зла, обиды, зависти [10, с. 38].

Феномен духовности в психологии

По мнению М.П. Данилковой, какое бы идеальное общество не пыталось выстроить гармоничное развитие и воспитание человечества, в его основу должны быть положены этические и духовные основания. Основным фактором, определяющим формирование новой ценностной системы личности является духовная деятельность человека, его нравственные идеалы и потребности. Мир ценностей личности отражается в мире его культуре общения и манере поведения. Сфера формирования в себе истинных человеческих ценностей включает в себя процесс духовной деятельности человека, выработку нравственного сознания и поведения, привязанностей, тех оценок, в которых отражается мир духовного богатства [4, с. 58]. При этом автор подчеркивает, что духовная личность созидает духовный мир, ценности, идеалы, смысл жизни самостоятельно, корректируя их с учетом личного опыта, постоянно находясь в процессе духовного поиска. Сфера его активности охватывает мышление, волю, память, чувства, эмоции. Индивид испытывает потребность в самореализации духовной и практической деятельности в отношениях с другими. Бездуховность индивида выражается в отказе от свободного выбора в силу лени, безразличия к духовным ценностям, перед ответственностью за выбор и поступки в силу конформизма, стремления жить как все. Бездуховная личность не имеет индивидуального духовного мира, её внутренний мир полон чужими идеями, мнениями, ценностями и нормами, которые господствуют и подчиняют личность себе.

В научной психологии категория развития души, духа, бытия, представленной в философии, религии, этики и других науках, рассматривается относительно недавно. Касаясь феномена духовности с точки зрения психологии, необходимо подчеркнуть, что длительное время вопросы духовности не считались проблемами научной психологии вследствие идеологического контроля, которому была подчинена отечественная психологическая наука в советское время. По словам Г.Е. Пазековой, основной постулат «бытие определяет сознание», игнорировал силу и реальность обратного, когда сознание определяет бытие» [7, с. 77].

Духовное бытие в психологии рассматривается как одно из состояний ума, нацеленного на приоритет духовных ценностей, свободного от соблазна, желаний и пристрастий. Духовное бытие подразумевает под собой процесс непрерывного формирования духовных потребностей и процесс их удовлетворения. Духовные потребности, отмечает Г. Е. Пазекова, присущи каждому человеку. Но острота этих потребностей и ощущение «духовного голода» у всех различна [7, с. 78].

По своей сути, анализ духовных состояний в психологии связан с поисками корней духовности в глубинах бессознательного «я» человека. Мотивационной основой психологической готовности являются духовные влечения субъекта. Духовными влечениями В.В. Знаков называл «стремление к постижению определенного состояния сознания и к посвящению себя этому состоянию, проявляющемуся в нравственных ценностях – религиозных, эстетических, этических» [5, с. 45]. Духовные влечения отражают сложную психическую реальность, существование фундаментального переживания, проистекающего из преданности человека духовным ценностям; это инстинктивная тоска по ним, когда их не хватает, и ни с чем не сравнимое наслаждение от их удовлетворения. Автор описывает духовное состояние, как психологический фе-

номен, характеризующийся особым состоянием сознания, когда человек «не замечает» внешнего мира, не ощущает своей телесности, а сосредотачивается на осмыслении и переживании духовных ценностей, этических и эстетических аспектов человеческого бытия. Отсюда следует, что связь человека с божественным основывается на глубинных уровнях подсознательного опыта человеческой души.

Аналогичную характеристику данного феномена мы встречаем у С.П. Штумпф. В статье «Творческая составляющая духовности» автором делается вывод о том, что духовность открывает перед человеком безграничные возможности для деятельностного применения в жизни, создавая цели, смыслы, формируя творческие задачи. Духовность есть проявление высших психических способностей человеческого сознания, заложенных природой, но требующих развитие посредством периодических усилий и воли. В результате данного процесса, происходит расширение границ сознания и осознанного восприятия жизни [12, с. 201].

Таким образом, духовность играет роль своеобразного проводника для указания на то, что есть ценно и подлинно, способствует раскрытию талантов. В ней концентрируется сила и потенция, относящаяся к высшему уровню состояния сознания. Духовность – скорее практическая наука, чем теоретическая. Исходя из приведенных педагогических определений и показателей духовности, можно обобщить, что все содержание духовности сводится к руководствованию нравственным поведением для спасения человечества от безнравственности. Человечество не сможет гармонично развиваться и продолжать существовать, если в основе социально-экономического развития будут превалировать зависть, ложь, алчность. По этой причине человек должен двигаться на пути самосовершенствования в духовном плане, отталкиваясь от простых действий, переходящих в более сложные – образ жизни [9].

Человек духовен в той мере, в какой он действует согласно высшим нравственным ценностям. Нравственность есть одно из измерений духовности человека. Без нравственности бесполезны все ученые степени. Духовность – это специфическое человеческое качество, которое формируется в процессе осознания и восприятия определенных общественных норм и ценностей. Данная категория представляет собой способы и методы приобретения качеств, свойств и возможностей личности, которые не появляются просто так, а формируются путём волевых, периодических, целенаправленных усилий.

Необходимо подчеркнуть, что духовное развитие молодого поколения является одним из важнейших и актуальных проблем педагогики. Создается благодатное поле для изучения основ формирования и становления социокультурного феномена духовности, которое требует глубокого осмысления. На сегодняшний день, задачей педагогов является передача знаний высших нравственных ценностей, с целью трансформации качеств личности обучающегося в переживания высокого духовного порядка. Система образования и воспитания на основе усвоения нравственно-этических ценностей призвана формировать духовно-нравственные качества развивающейся личности, создавать необходимые условия для воспитания высоконравственной личности студента. Важно уделять больше внимания повышению культурного, нравственного, этического, религиозного уровней в процессе воспитания. Но для этого важно создать необходимые условия, направленные на формирование духовной сферы молодежи. Общество не нуждается в различных видах информации, оно нуждается в трансформации сознания. В этом и заключается разница между светским и духовным образованием.

Поскольку главнейшим субъектом воспроизводства духовной жизни выступает молодежь, то задача обучающихся заключается в унаследовании культурных образцов и ее ценностей, созданных на основе тех, что ценились в более чем двухтысячной истории развития человеческой культуры. Как результат, это внесет огромный вклад в развитие культуры и формирование общественного сознания на основе духовных идеалов и образцов. Задача юного поколения состоит в наполнении собственной жизни

духовными качествами, постепенно меняясь как внешне, так и внутренне, применяя на практике методы, формы и средства, способствующие росту уровня сознания, формируя духовно-нравственные ценности будущих поколений. Долг студентов состоит в том, чтобы развивать в себе духовное начало и восстанавливать забытые ценности.

Заключение

Духовное развитие личности требует серьезной научной подготовки и технической грамотности. Современный подход к рассмотрению системного подхода воспитания духовных ценностей студентов необходимо сформировать через внедрение знаний, формирующих нравственные принципы. В связи с этим встает вопрос о поиске новых ценностей, которые могли бы стать достойной основой для формирования нравственного поведения молодежи.

Все религии и учения, стремящиеся к улучшению человеческого поведения, пытаются решать эту проблему, призывая к почитанию таких принципов, как истина, сострадание, доброжелательность, преданность возвышенному, стойкость и всепрощение. Однако для того, чтобы применять эти принципы, человеку необходимы практические методы. Одно только понимание таких идеалов отнюдь не делает человека духовно-нравственным. Решение проблемы повышения уровня сознания для выстраивания достойной жизни возможно благодаря восприятию духовных общечеловеческих ценностей, которые являются альтернативными по отношению к потребительским.

Таким образом, необходим переход к выстраиванию прикладного использования идеи осмысления духовных принципов, методик, технологий на язык светской педагогики для их практического использования в учебном процессе.

Список литературы

1. Беляев М. Б. Личность в системе духовно-нравственного воспитания / Известия ВолгГТУ. 2004. – № 5. – С. 19 – 21.
2. Борытко Н. М. Этическая концепция духовно-нравственного воспитания / Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». Волгоград, 2012. – № 3 (17). – С. 29 – 32.
3. Вершинина Л. В. Аксиологическое пространство образования: ценностное сознание учителя: / моногр. Самара, 2003. – С. 148.
4. Данилкова М. П. К вопросу о проблемах духовного обновления общества / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. №1. – С.57-60.
5. Знаков В.В. Духовность человека в зеркале психологического знания и религиозной веры [Текст] / Вопр.психологии 1988. – № 3. – С. 104 – 114.
6. Осипов А. И. Православие и духовная безопасность / – Минск: Белорусская Православная Церковь, 2013. – С. 224.
7. Пазекова Г. Е. Духовность личности как психологический феномен акмеологии / 2005. – № 2. – С. 112 – 118.
8. Романенко Н. М. Духовность как специфика национального менталитета // Вопросы гуманитарных наук. – 2009. – №6. – С. 126 – 128.
9. Романенко Н.М. Воспитание духовной культуры старших школьников: дисс...доктор....пед... наук – М.: 2003. – 320 с.
10. Сухомлинский В.А. Как воспитать настоящего человека / Избранные произведения: в 5-ти т. / редкол.: А. Г. Дзевирин (пред.) и др. – Киев : Рад. шк., 2001
11. Хохлов С.И. К понятию о духовности / Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова Педагогика и психология. 2010. № 4. – С. 34 – 39.
12. Штумпф С. П. Творческая составляющая духовности / Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. №4. – С. 199 – 203.

GENESIS OF SPIRITUALITY PHENOMENON IN PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS OF EDUCATION

E. Shagardinova

*Moscow State
Institute of International
Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs*

*e-mail:
eldezmata@mail.ru*

The article presents the analysis of understanding the concepts of "spirituality" with pedagogical and psychological point of view. Presented by the definition of the term "spirituality", reveals its main components and indicators. The author concludes that in teaching education "spirituality" is defined as a person's ability to operate with true moral values, building a life in accordance with them. Spirituality is a manifestation of the higher mental faculties of the human mind embodied nature, but require development through periodic efforts and will. As a result of this process, there is expansion of the boundaries of consciousness and conscious perception of life is transforming the nature and the soul of a man. Article Submissions may be used as the axiological aspect of students educational-training base.

Keywords: spirituality, education, morals, values, axiology.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ РЕДУКЦИИ ДОСТИЖЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (СОРД): МЕТОДОЛОГИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ СТАНДАРТИЗАЦИИ

В. Б. Никишина
А. А. Кузнецова

*Курский
государственный
медицинский
университет
Минздрава России*

*e-mail:
vbnikishina@mail.ru
kuznetsova.a80@mail.ru*

Концептуализирована и стандартизирована авторская методика оценки редукции достижений в условиях педагогической деятельности (СОРД). Диагностический ресурс методики позволяет выявить наличие или отсутствие редукции достижений и реализуется через количественные показатели, отражающие количество выбранных достигнутых и ожидаемых достижений, субъективную важность достижений, интегральный показатель субъективной оценки степени выраженности редукции достижений, которые содержательно распределялись на три группы: карьерные достижения, достижения саморазвития, финансово-экономические достижения

Ключевые слова: редукция достижений, профессиональная мотивация, состояние выгорания, психодиагностика.

Введение

Реалии современности, реформирование сферы образования, предполагающие изменения не только в сфере общего образования, но также затрагивающими высшее профессиональное образование ориентируют на усиление значимости субъекта педагогической деятельности. В принятой правительством Российской Федерации «Национальной доктрине образования Российской Федерации на период до 2025 года» отмечается, что Российская система высшего образования должна стать конкурентоспособной с системами высшего образования передовых стран. Таким образом, значимость субъекта педагогической деятельности, его психические состояния приобретают статус категорий макросоциального уровня. В педагогической деятельности существует большое количество объективных и субъективных факторов, которые оказывают негативное воздействие как на профессиональную деятельность преподавателя (снижая ее эффективность), так и на субъекта деятельности, активируя психическое выгорание, эмоциональное напряжение и стресс. Состояние психического выгорания представляет собой функциональное состояние, возникающее в условиях профессиональной деятельности и затрагивающее преимущественно эмоциональную и мотивационную сферы.

Полученные результаты эмпирического исследования выявления структурной организации состояния выгорания в условиях педагогической деятельности (Кузнецова А. А., 2012, 2013) указывают на системообразующую роль редукции достижений в структуре психического выгорания в условиях педагогической деятельности [6; 7; 9; 10]. Однако диагностического инструментария, позволяющего выявлять наличие или отсутствие редукции достижений в педагогической деятельности не выявлено.

Теоретически предпосылки методики диагностики редукции достижений в условиях педагогической деятельности

За последнее десятилетие наблюдается неуклонно – возрастающий интерес к проблеме состояния выгорания в условиях педагогической деятельности (Т. В. Форманюк (1994), А. Н. Густелева (2009), А. А. Рукавишников (2003), М. А. Воробьева (2008), М. В. Борисова (2003), А. Н. Коновальчук (2009), И. А. Курапова (2009), О. А. Семиздралова (2006), В. Н. Феофанов (2008), Н. В. Мальцева (2005), И. В. Кочерга (2007), Е. Г. Ожогова (2008), Т. В. Темиров (2011), Н. В. Прокопцева (2013)) [2; 3; 4; 5; 14; 16; 18; 19].

Обращаясь к вопросу о структурной организации психического выгорания, большинство авторов сходятся на его трехкомпонентной структуре с различным содержанием наполнением: физическое, эмоциональное и когнитивное истощение (А. Pines, E. Aronson, 1981) [20]; психоэмоциональное истощение, личностное отдаление и профессиональная мотивация (А. А. Рукавишников, 2001) [17]; эмоциональное истощение, деперсонализация и редукция достижений (С. Maslach, S. E. Jackson, 1984) [21]; физиологические, аффективно-когнитивные и поведенческие реакции (В. Perlman, E. A. Hartman, 1982) [22]. При этом все представленные авторские позиции указывают на мотивационно–поведенческий компонент, реализующийся в поведении и отражающийся на эффективности и результативности профессиональной деятельности.

Профессиональная мотивация А. А. Рукавишниковым (2001) определяется как уровень рабочей мотивации и энтузиазма по отношению к работе альтруистического содержания; характеризуется продуктивностью профессиональной деятельности, оптимизмом и заинтересованностью в работе, самооценкой профессиональной компетентности и степени успешности в работе с людьми. Снижение профессиональной мотивации (демотивация) проявляется на трех уровнях: межличностном (неудовлетворенность работой и отношениями в коллективе); личностном (заниженная самооценка, неудовлетворенность собой как профессионалом, чувство низкой профессиональной эффективности и отдачи); мотивационном (снижение потребности в достижениях) [16]. Профессиональную демотивацию в структуре состояния выгорания описывает В. В. Бойко (1999), обозначая как симптом «редукции профессиональных обязанностей» на фазе резистенции, проявляющийся в попытке облегчения или сокращения обязанностей, которые требуют эмоциональных затрат [1]. По мнению С. Maslach, S. E. Jackson (1984) на высокий уровень выгорания указывают высокие показатели эмоционального истощения и деперсонализации при низкой профессиональной эффективности, характеризующейся редукцией профессиональных достижений (чем ниже человек оценивает свои возможности и достижения, меньше удовлетворен самореализацией в профессиональной сфере, тем больше выражен синдром выгорания) [21].

В результате эмпирического исследования выявления структурной организации состояния выгорания в условиях педагогической деятельности (Кузнецова А. А., 2012, 2013) выявлена общая тенденция преобладания снижения профессиональной мотивации, характеризующейся редукцией профессиональных достижений, обесцениванием профессиональной деятельности у преподавателей высшей школы, учителей общеобразовательных школ [6; 7; 9; 10].

В качестве концептуального основания предлагаемого метода субъективной оценки редукции достижений в условиях педагогической деятельности выступали положения общепсихологической теории деятельности А. Н. Леонтьева (1975), С. Л. Рубинштейна (1940), рассматривающие в качестве результирующей профессиональной деятельности достижения как уже реализованные, так и запланированные [12; 15]. В качестве диагностического показателя метода выступает интегральный показатель субъективной оценки степени выраженности редукции достижений в условиях педагогической деятельности [8].

Концептуализируя диагностический инструментарий мы руководствовались следующими положениями: на редукцию достижений указывает снижение количества

ожидаемых достижений в сравнении с достигнутыми; на редукцию как в актуальном так и ожидаемом времени указывает снижение субъективной ценности достижений; включая в систему субъективной оценки выбор количества достижений и присваивая ему субъективную значимость как в достигнутом, так и в ожидаемом контекстах; достижения являются редуцированными в случае игнорирования их при выборе и (или) обесценивании при присвоении важности.

Процедура стандартизации

Процесс разработки и стандартизации методики осуществлялся поэтапно. На первом этапе с целью формирования списка достижений в условиях педагогической деятельности респондентам предлагалось написать свои достижения в педагогической деятельности (уже достигнутые и потенциально возможные). Далее методом частотного анализа в соответствии с законом нормального распределения ($x \pm \sigma$) были выделены 30 достижений, которые содержательно распределялись на три группы: карьерные достижения, достижения саморазвития, финансово-экономические достижения. Таким образом, в окончательный вариант методики вошли 30 достижений, сгруппированных в три смысловые группы (по 10 достижений в каждой) и включенные в две формы бланка ответов: форму А, характеризующую уже реализованные достижения, и форму Б, характеризующую потенциально возможные достижения в условиях педагогической деятельности.

Процедура исследования субъективной оценки редукции достижений в условиях педагогической деятельности включает в себя два этапа, соответствующие этапам работы с бланковыми формами. На первом этапе испытуемому предлагается заполнить форму А бланка с перечнем возможных достижений, связанных с педагогической деятельностью, выбрав те достижения (не менее одного), которые, по мнению самого испытуемого, являются уже достигнутыми. Далее необходимо оценить важность выбранных достижений в баллах, распределив между ними не более 30 баллов и не менее одного балла по усмотрению испытуемого (например, можно отнести все 30 баллов одному достижению или распределить 30 баллов между всеми выбранными в равных долях или указать баллы не для всех выбранных достижений) (табл. 1).

Таблица 1

Форма А

№	Перечень достигнутых достижений	Отметка о выборе «+»	Оценка важности в баллах
1	2	3	4
1	Вышестоящая должность		
2	Научно-практические стажировки		
3	Получение ученого звания		
4	Освоение новых компьютерных технологий		
5	Сертификация профессиональных компетенций		
6	Приобретение недвижимости		
7	Отдых и путешествия		
8	Получение правительственных наград		
9	Разработка новых учебно-методических материалов		
10	Написание и защита диссертации		
11	Профессиональная переподготовка		
12	Образование своих детей		
13	Создание собственного дела (открытие центра, школы, лаборатории, курсов и т.д.)		
14	Приобретение автомобиля		
15	Получение наград на уровне учебного заведения		
16	Освоение новых интерактивных форм обучения		

Окончание табл. 1

1	2	3	4
17	Создание авторской методики или технологии обучения		
18	Участие и выступление на конференциях различного уровня		
19	Членство в общественных комиссиях		
20	Победы на профессиональных конкурсах		
21	Учредительство в негосударственных образовательных учреждениях		
22	Написание научных трудов (статья, учебник, монография)		
23	Выполнение научно-исследовательских проектов		
24	Получение гранта		
25	Членство в экспертных группах		
26	Стимулирующие надбавки и премии		
27	Внедрение научных разработок		
28	Репетиторская деятельность		
29	Владение иностранным языком		
30	Доход выше среднего прожиточного минимума		

На втором этапе исследования описанная процедура повторяется при работе с формой Б бланка регистрации, он аналогичен с формой бланка А с одним лишь отличием: испытуемым необходимо выбрать из того же списка достижения, которые являются ожидаемыми, потенциально достижимыми в педагогической деятельности и также отметить их в форме и оценить их важность.

Обработка полученных результатов осуществлялась путем переноса полученных баллов на Регистрационный бланк СОРД (табл. 2).

Таблица 2

Регистрационный бланк СОРД

№	Форма А		Форма Б	
	Отметка о выборе «+»	Оценка важности в баллах	Отметка о выборе «+»	Оценка важности в баллах
1				

Далее осуществляется подсчет распределения достижений по сферам, подсчет интегрального показателя субъективной оценки степени выраженности редукции достижений путем заполнения Бланка обработки результатов (табл. 3).

Таблица 3

Бланк обработки результатов

Название	Сокращенное обозначение	Формула	Содержание	Результат
1	2	3	4	5
Количество карьерных достижений	К _{дк}	Количество выборов по 1,3,8,9,15,17,19,20,25,27 (форма А)	Количество достижений, которое Вы считаете достигнутым в карьерной сфере	
Количество достигнутых достижений в сфере саморазвития	К _{дс}	Количество выборов по 2,4,5,10,11,16,18,22,23,29 (форма А)	Количество достижений, которое Вы считаете достигнутым в плане саморазвития	
Количество финансово-экономических достижений	К _{дф-э}	Количество выборов по 6,7,12,13,14,21,24,26,28,20 (форма А)	Количество финансово – экономических достижений, которое Вы считаете достигнутым	

Продолжение табл. 3

1	2	3	4	5
Количество карьерных ожидаемых достижений	$K_{ок}$	Количество выборов по 1,3,8,9,15,17,19,20, 25,27 (форма Б)	Количество достижений, которые вы планируете достичь в сфере карьеры	
Количество ожидаемых достижений в саморазвитии	$K_{ос}$	Количество выборов по 2,4,5,10,11,16,18,22, 23,29 (форма Б)	Количество достижений, которые вы планируете реализовать в будущем в плане саморазвития	
Количество финансово-экономических ожидаемых достижений	$K_{оф-э}$	Количество выборов по 6,7,12,13,14,21,24,26, 28,20 (форма Б)	Количество достижений, которое вы планируете в финансово-экономическом плане	
Вес важности карьерных достигнутых достижений	$V_{дк}$	Сумма баллов по 1,3,8,9,15,17,19,20,25,27 (Форма А)	Субъективная важность карьерных достигнутых достижений по 30 балльной шкале	
Вес важности достигнутых достижений в саморазвитии	$V_{дс}$	Сумма баллов по 2,4,5,10,11,16,18,22, 23,29 (Форма А)	Субъективная важность достигнутых достижений по саморазвитию по 30 балльной шкале	
Вес важности финансово-экономических достигнутых достижений	$V_{дф-э}$	Сумма баллов по 6,7,12,13,14,21,24,26, 28,20 (Форма А)	Субъективная важность финансово – экономических достигнутых достижений по 30 балльной шкале	
Вес важности карьерных ожидаемых достижений	$V_{ок}$	Сумма баллов по 1,3,8,9,15,17,19,20,25, 27 (Форма Б)	Субъективная важность достижений, которые планируете в карьере по 30 балльной шкале	
Вес важности ожидаемых достижений в саморазвитии	$V_{ос}$	Сумма баллов по 2,4,5,10,11,16,18,22, 23,29 (Форма Б)	Субъективная важность достижений, которые планируете в карьере по 30 балльной шкале	
Вес важности финансово-экономических ожидаемых достижений	$V_{оф-э}$	Сумма баллов по 6,7,12,13,14,21,24,26, 28,20 (Форма Б)	Субъективная важность достижений, которые планируете в карьере по 30 балльной шкале	
Общий вес важности достигнутых достижений	$OV_{дд}$	Сумма всех распределенных баллов	Субъективная важность всех достигнутых достижений	
Общий вес важности ожидаемых достижений	$OV_{од}$	Сумма всех распределенных баллов	Субъективная важность всех ожидаемых достижений	
Общее количество достигнутых достижений	$OK_{дд}$	$OK_{дд} = K_{дк} + K_{дс} + K_{дф-э}$	Общее число выбранных достижений, которые Вы считаете достигнутыми в результате педагогической деятельности	

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5
Общее количество ожидаемых достижений	$OK_{од}$	$OK_{од} = K_{ок} + K_{ос} + K_{оф-э}$	Общее число выбранных достижений, которые Вы ожидаете достичь в результате педагогической деятельности	
Интегральный показатель субъективной оценки степени выраженности редукции достижений	РД	$РД = \frac{OK_{дд} * OB_{дд}}{OK_{од} * OB_{од}}$	Числовое выражение наличия/отсутствия редукции профессиональных достижений. Отношение произведения общего количества достигнутых достижений и общего веса достигнутых достижений к произведению общего количества ожидаемых достижений и общего веса ожидаемых достижений	

Далее полученный интегральный показатель субъективной оценки степени выраженности редукции достижений (РД) сравнивается с эталонной таблицей значений (табл. 4).

Таблица 4

Эталонная таблица значений

Показатель РД	Характеристика
< 1	отсутствие редукции достижений в условиях педагогической деятельности, когда личность направлена на расширение диапазона в количественном и качественном выражении достижений в педагогической деятельности, личность характеризуется высоким уровнем мотивации и энтузиазма по отношению к работе альтруистического содержания; характеризуется продуктивностью профессиональной деятельности, оптимизмом и заинтересованностью в работе, самооценкой профессиональной компетентности и степени успешности в работе с людьми
≥ 1	Наличие редукции достижений в педагогической деятельности. С увеличением значения показателя РД увеличиваются и качественные характеристики проявления редукции достижений при которой личность не рассматривает педагогическую деятельность как средство достижений в плане карьеры, саморазвития и финансово-экономическом, снижается потребность в достижениях, происходит снижение профессиональной мотивации (демотивация), которое может выражаться в неудовлетворенности работой и отношениями в коллективе, неудовлетворенности собой как профессионалом, чувством низкой профессиональной эффективности

По коэффициентам количества выбранных достижений строим индивидуальный профиль соотношения ожидаемых и достигнутых достижений, которые содержательно распределяются на три группы: карьерные достижения, достижения саморазвития, финансово-экономические достижения. Оцениваем характер распределения

достижений по группам, гармоничный или деформированный профиль (выпадает какая – то сфера достижений).

Процедура стандартизации методики осуществлена по следующим психометрическим параметрам: конструктивной, содержательной и критериальной валидности.

Выборка стандартизации включала в себя 564 испытуемых в возрасте 22 – 53 лет, осуществляющие педагогическую деятельность в высших и среднеспециальных учебных заведениях, а также в общеобразовательных школах.

Конструктивная валидность оценивалась через процедуру корреляционного анализа (по Пирсону) в качестве валидирующего основания были использованы методика уровня выраженности мотивации к успеху (Т. Элерс), методики определения психического выгорания А. А. Рукавишников, опросника выгорания К. Маслач (в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой). Были выявлены статистически значимые взаимосвязи интегрального показателя субъективной оценки степени выраженности редукиции достижений в условиях педагогической деятельности с уровнем выраженности мотивации к успеху ($0,54^*$, $p < 0,05$) (уровень выраженности мотивации к успеху (Т. Элерс), с параметром редукиция профессиональных достижений ($0,81^*$, $p < 0,05$) (опросник выгорания К. Маслач (в адаптации Н. Е. Водопьяновой, Е. С. Старченковой), с параметром профессиональная мотивация ($0,73^*$, $p < 0,05$) (определение психического выгорания А.А. Рукавишников). Значимость взаимосвязи указывают на их содержательную соотнесенность, указывая на высокий уровень внешней валидности авторской методики.

Процедура психометрической проверки надежности осуществлялась через расчет коэффициента надежности Кронбаха (α). Коэффициент надежности по значению интегрального показателя субъективной оценки степени выраженности редукиции достижений в условиях педагогической деятельности составляет $0,724$, что указывает на достаточность уровня надежности метода субъективной оценки редукиции достижений в условиях педагогической деятельности.

Оценка ретестовой надежности метода субъективной оценки редукиции достижений в условиях педагогической деятельности осуществлялась через 3 месяца с использованием критерия ранговой корреляции r –Спирмена. Объем выборки составил 192 человека из общей исследовательской выборки. Значение коэффициента корреляции интегрального показателя субъективной оценки степени выраженности редукиции достижений в условиях педагогической деятельности составляет $0,74^*$, $p < 0,05$, что указывает на высокий уровень ретестовой надежности авторской методики.

Выводы

По результатам процедуры стандартизации методики исследования метода субъективной оценки редукиции достижений в условиях педагогической деятельности соответствуют высокому уровню надежности, а также конструктивной и критериальной валидности. Выделенный в качестве диагностического параметра интегральный показатель субъективной оценки степени выраженности редукиции достижений в условиях педагогической деятельности реализуется в качестве системообразующего фактора состояния выгорания.

Список литературы

1. Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении / В. В. Бойко. – СПб.: Питер, 1999. – 105 с.
2. Борисова М. В. Психологические детерминанты психического выгорания у педагогов: Дисс. ... канд. психол. наук / М. В. Борисова. – Ярославль., 2003. -190 с.
3. Воробьева М. А. Психолого-педагогические условия преодоления педагогом синдрома эмоционального выгорания: Дисс. ... канд. Психол. наук / М. А. Воробьева. – Екатеринбург, 2008. – 231 с.
4. Густелева А. Н. Личностные факторы устойчивости к синдрому выгорания в профессии учителя: Дисс. ... канд. Психол. Наук. – Хабаровск, 2009. – 204 с.

5. Коновальчук А. Н. Синдром эмоционального выгорания и его профилактика в профессиональной деятельности городских и сельских учителей: Дисс. ... канд. психол. наук / А. Н. Коновальчук. – Нижний Новгород, 2009. – 208 с.
6. Кузнецова А. А. Факторный анализ рефлексивно-смысловых механизмов регуляции состояния выгорания в условиях педагогической деятельности // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2012. Т. 3. – № 155. – С. 56 – 61.
7. Кузнецова А.А. Параметры системы саморегуляции и рефлексивные механизмы регуляции состояния выгорания в условиях педагогической деятельности // Образование и общество. 2012. – № 4 – С. 54 – 59.
8. Никишина В. Б., Кузнецова А. А. Концептуальное обоснование метода субъективной оценки редуции достижений в условиях педагогической деятельности (СОПД) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. – № 8 – 1. – С. 145 – 146.
9. Кузнецова А. А. Рефлексивные механизмы регуляции состояния выгорания у преподавателей высшей школы // Известия Юго-Западного государственного университета, 2012. – № 4 – 3 (43). – С. 214 – 218.
10. Кузнецова А. А Структурно-феноменологические проявления состояния выгорания у преподавателей высшей школы // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. – № 3 – 2. – С. 145 – 152.
11. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: МГУ, 1975. – 276 с.
12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Инфра, 2007.
13. Петровский А. В. Общая психология – М.: Просвещение, 1986.
14. Прокопцева Н. В. Психолого-педагогические условия профилактики профессиональной деформации педагога : Дисс. ... канд. Пед. наук / Н. В. Прокопцева. – Москва, 2010. – 182 с.
15. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Арка, 2009.
16. Рукавишников А. А. Личностные детерминанты и организационные факторы генезиса психического выгорания у педагогов: Дисс. ... канд. психол. наук / А. А. Рукавишников. – Ярославль, 2001. – 158 с.
17. Рукавишников А. А. Опросник «психического выгорания» для учителей. – Ярославль: НЦП «Психодиагностика», 2001. – 14 с.
18. Темиров Т. В. Динамика психологического профессионального выгорания педагога высшей школы в современных социальных условиях: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук / Т. В. Темиров. – Нижний Новгород, 2011. – 45 с.
19. Форманюк Т. В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя / Т. В. Форманюк // Вопр. психологии. – 1994. – № 6. – С. 57 – 64.
20. Pines A. M. Burnout: from tedium to personal growth / A. M. Pines, E. Aronson. – NY., 1981. – 229 p.
21. Maslach C, Jackson S. E., Leiter M.P. Maslach Burnout Inventory Manual (Third Edition). Palo Alto, California: Consulting Psychological Press, Inc., 1996.
22. Perlman B. Burnout: summary and future research / B. Perlman, E.A. Hartman // Human relations. – 1982. – V. 35 (4).

METHOD OF THE SUBJECTIVE ASSESSMENT OF REDUCTION ACHIEVEMENTS IN THE CONDITIONS OF PEDAGOGICAL ACTIVITY (SARA) : METHODOLOGY AND TECHNOLOGY OF STANDARDIZATION

V. B. Nikishina
A. A. Kuznetsova

*Kursk state medical
University of the
Russian Ministry of health*

*e-mail:
vbnikishina@mail.ru
kuznetsova.a80@mail.ru*

The article presents the results of conceptualization and standardization of the method of the subjective assessment of reduction achievements in the conditions of pedagogical activity (SARA). Diagnostic resource method allows to identify the presence or absence of a reduction achievements and implemented through quantitative indicators that reflect the number of selected achieved and expected accomplishments the subjective importance of the achievements, the integral indicator of subjective evaluation of the severity of the reduction of the progress that substantive were divided into three groups: career achievement, self-development, financial-economic achievements

Keywords: reduction achievements, professional motivation, status of burnout, psychodiagnosics.

ВЛИЯНИЕ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ НА ВЫБОР ПОДРОСТКАМИ КОПИНГ-СТРАТЕГИЙ

Е. А. Овсяникова
Н. С. Ткаченко

*Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет*

*e-mail:
ovsyannikova@bsu.edu.ru
tkachenko_n@bsu.edu.ru*

Работа посвящена проблеме детско-родительских отношений, как фактора, влияющего на выбор подростками продуктивных и не продуктивных копинг-стратегий. В статье даётся характеристика детско-родительских отношений глазами подростков и стилей семейного воспитания на основе самооценки родителей, а так же особенностей использования подростками определенных копинг-стратегий. В статье проверяется и обосновывается гипотеза о влиянии детско-родительских отношений на выбор подростками типа определенного совладающего поведения, а именно: принятие родителем подростка, эмпатия, сотрудничество, определенная степень контроля, удовлетворенность отношениями и поощрение автономности, формируют у подростка стратегию планирование решения проблемы, принятие ответственности и положительной переоценки.

Ключевые слова: детско-родительские отношения, стиль воспитания, копинг-стратегии, подростковый возраст.

Введение

Социально-экономические изменения в жизни нашего общества в последние годы поставили острейшие психологические задачи, связанные с выживанием в новых условиях и адаптацией к ним. Среди разных возрастных групп подростки оказались одной из наиболее интолерантных к негативным социально-стрессовым воздействиям, что, вероятно, связано с повышенной чувствительностью подростков к стрессу. Использование продуктивных копинг-стратегий позволит подросткам быть более успешными в различных сферах жизни и деятельности. В связи с этим проблема детско-родительских отношений как фактора влияющего на выбор подростками продуктивных или не продуктивных копинг-стратегий приобретает особую актуальность.

Впервые термин «coping» был использован Мерфи. Затем продолжили изучение такие ученые, как Р. Лазарус и С. Фолкмен, П. Коста и Р. Маккрей, У. Лер и Х. Томэ [1] и другие [2]. В отечественной психологии данной проблемой стали заниматься немного позднее: в аспекте когнитивных и поведенческих структур этот вопрос изучала Л.И. Анцыферова, способы преодоления трудной жизненной ситуации адекватных личностным диспозициям и ситуации исследовала Т. Л. Крюкова [3], такие факторы как личность субъекта и реальная ситуация, определяющие психологическое преодоление сложных ситуаций рассматривала С. К. Нартова–Бочавер [4]. Об определенном механизме, обеспечивающем достижение успеха, – о копинг-стратегии «решения проблем», о семьях, которые могут формировать у членов семьи определенный стиль реагирования в стрессовых ситуациях говорили И. В. Добряков, И. М. Никольская, Э. Г. Эйдемиллер [5]. На основании анализа взаимодействия матери и ребенка при совместном решении задач изучала детско-родительские отношения Е. Т. Соколова [6]. Характер взаимоотношений между родителями и детьми, их психологическое здоровье, зависит от многих взаимодействующих факторов считает Н. Ю. Синягина [7].

В целом, можно сказать, что проблема связи стиля детско-родительских отношений с определенными личностными особенностями подростков изучается многими учеными [8; 9; 10; 11; 12], но, несмотря на убедительность этого факта, данные о характере влияния детско-родительских отношений на использование подростками определенных копинг-стратегий отсутствуют, что обусловило актуальность настоящего исследования.

Цель нашего исследования заключается в определении степени влияния особенностей детско-родительских отношений на использование подростками продуктивных копинг-стратегий.

Гипотеза. Мы предположили, что стиль детско-родительских отношений оказывает влияние на выбор подростками определенного совладающего поведения, а именно: принятие родителем подростка, эмпатия, сотрудничество, определенная степень контроля, удовлетворенность отношениями и поощрение автономности формируют у подростка стратегию планирования решения проблемы, принятия ответственности и положительную переоценку.

В контексте нашего исследования для решения поставленных задач использовались следующие методики: методика «Детско-родительские отношения в подростковом возрасте» – родитель глазами подростка (ДРОП), разработанная П. В. Троянской, О. А. Карабановой, методика Э. Г. Эйдемиллера и В. В. Юстицкиса «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ), Копинг-тест Р. Лазаруса и С. Фолкмана. Статистическая обработка данных проводилась с использованием множественного регрессионного анализа (МРА) на основе пакета статистических программ «SPSS».

Восприятие подростками стилей семейного воспитания

Выборку составили 100 родителей и 100 подростков. В ходе исследования были изучены особенности взаимодействия родителей с детьми подросткового возраста. Большинство современных подростков демонстрируют положительно эмоциональные отношения с родителями. По мнению подростков, родители их в целом принимают (высокие показатели по шкале «принятие» у 86,7 % матерей и 89 % отцов), демонстрируют им свою любовь и внимание, осведомлены о делах и интересах подростков, уверены в своих воспитательных приемах и имеют четкую постоянную линию поведения в воспитании. Ребенок чувствует доброжелательное отношение своих родителей друг к другу. Несмотря на постоянный контроль со стороны родителей по отношению к ребенку, ребенок полностью доволен качеством удовлетворения своих материальных потребностей, потребностей во внимании, в информации и отношениями с ними в целом (высокие значения по шкале «удовлетворение потребностей ребенка»: мать 84,3 %, отец 81,7 %). Отмечается совместное и равноправное выполнение заданий, поручений, помощь оказывается в сложных ситуациях, требующих участия взрослого (высокие показатели по шкале «сотрудничество»: мать 80,7 %, отец 79 %). Варианты решения той или иной возникшей в семье проблемной ситуации обсуждаются вместе с ребенком, принимается во внимание его мнение. Совместная деятельность, общее времяпрепровождение помогают подростку по-новому узнать сотрудничающих с ним взрослых. В результате создаются более глубокие эмоциональные и духовные контакты, поддерживающие подростка в жизни. При этом подросток высоко оценивает качество отношений, как с отцом, так и с матерью (достаточно высокая оценка показателя «удовлетворенность отношениями»: мать 79 %, отец 79 %), понимание ими чувств и состояний ребенка. Высокий показатель по шкале «удовлетворение потребностей ребенка» позволяют нам предположить, что это семьи с преобладанием положительных эмоций при незначительной доле отрицательных, возникающих как непосредственная реакция на запреты родителей, требования дисциплины, порядка, однако не затрагивающих личностных отношений и социальных потребностей ребенка.

Взрослый важен и значим для подростка, родители понимают и принимают чувства и состояние, испытываемое подростком (высокие показатели по шкале «эмпатия»: мать 78,3 %, отец 78,3 %). Любопытно, что многие подростки оценивают схему принятия решений как демократическую (высокие показатели по шкале «принятие решений»: мать 74 %, отец 72,3 %) Родителями поддерживается любая инициатива ребенка (в разумных пределах), ему оказывается всевозможная посильная помощь. Ребенок выступает в качестве полноценного члена семьи, однако, в свою очередь, от него требуется ответственность за свои поступки, дисциплинированность, послушность.

При этом подростки считают, что родители их постоянно контролируют (высокие значения по шкале «контроль»: мать 75,3 %, отец 72 %). Воспитание – главное дело жизни родителей. Но центральная воспитательная линия проявляется в запретах и в манипулировании ребенком практически в половине семей подростков (высокие значения шкалы «авторитарность»: мать 51,3 %, отец 51 %). Результат парадоксален: воспитательного эффекта нет, даже если ребенок подчиняется: он не может сам принимать решения. Оба родителя проявляют полное подавление воли ребенка, полный контроль его действий, ограничение самостоятельности.

Таким образом, по мнению подростков, у их родителей доминирует осведомленность о делах и интересах подростка, передача ответственности, демонстрация любви и внимания, высокое качество удовлетворения материальных потребностей, потребностей во внимании, в информации, совместное и равноправное выполнение заданий, общая удовлетворенность отношениями, понимание родителем чувств и состояний ребенка, наряду с ярко выраженной системой контроля со стороны родителей, не контролируемым количеством и качеством декларируемых требований, тесной эмоциональной связью между родителем и подростком.

Характеристика типов родительского воспитания

По результатам исследования типов родительского воспитания выявлено, что у большинства родителей преобладает такой не продуктивный тип как «гиперпротекция» (Г+ 82,9%). Этот тип проявляется в повышенном, обостренном внимании и заботе, чрезмерной опеке и мелочном контроле поведения, слежке, запретах и ограничениях. Родители, стремятся освободить ребенка от малейших трудностей, потакают его желаниям, чрезмерно обожают и покровительствуют, восхищаются его минимальными успехами и требуют такого же восхищения от других. Такой тип как «минимальность санкций» (С-) предпочитают в своём стиле взаимодействия с подростком 77,5 % родителей, эти данные говорят о том, что родители предпочитают обходиться либо вообще без наказаний, либо применяют их крайне редко. Они уповают на поощрения, сомневаются в результативности любых наказаний. Следующим, наиболее выраженным типом является «чрезмерность санкций» (С+ 70 %). Для родителей характерна приверженность к применению строгих наказаний, чрезмерное реагирование даже на незначительные нарушения поведения.

По шкале «неустойчивость стиля воспитания» (Н) во взаимодействии с подростком высокие показатели обнаружены у 56 % родителей. Это свидетельствуют о резкой смене стиля, приемов воспитания родителей от очень строгого стиля к либеральному и, наоборот, от значительного внимания к ребенку к эмоциональному отвержению. При этом родители, как правило, признают значительные колебания в воспитании ребенка, однако недооценивают размах и частоту этих колебаний.

Порядка половины родителей (53,3 %) имеют высокие показатели по шкале «недостаточность требований-запретов» (З-), в этом случае подростку «все можно». Даже если существуют какие-то запреты, ребенок их легко нарушает, зная, что с него никто не спросит. Подросток сам определяет круг своих друзей, время еды, прогулок, свои занятия. Родители при этом не хотят или не могут установить какие-либо рамки в его поведении.

Тип негармоничного воспитания «чрезмерность требований-обязанностей» (Т+) у 50 % родителей. Именно характеристики данного типа лежат в основе такого стиля неправильного воспитания, как «повышенная моральная ответственность». Требования к подростку в этом случае очень велики, непомерны, не соответствуют его возможностям, не только не содействуют развитию его личности, а напротив, ставят его под угрозу. Такие родители, как правило, осознают, что подросток очень загружен, но не видят в этом чрезмерности нагрузки. Они уверены к тому же, что этого требуют обстоятельства, в которых семья находится в данный момент. От подростка ожидают

значительных и не соответствующих его способностям успехов в учебе или других престижных занятиях.

Таким образом, преобладающими стилями воспитания подростка в семье является гиперпротекция – родители уделяют подростку крайне много времени, минимальность, либо чрезмерность санкций, потворствование – родители стремятся к максимальному удовлетворению любых потребностей подростка, неустойчивость стиля воспитания включает в себя резкую смену приемов в воспитании.

В случае оценки подростком и в анализе своего воспитания родителями наблюдается одинаковая тенденция к противоречивым, разнонаправленным способам взаимодействия родителей с детьми.

По результатам изучения копинг-механизмов поведения подростков, их способностей преодоления трудностей в различных сферах психической деятельности, обнаружен средний уровень напряженности. Это говорит о том, что адаптационный потенциал личности подростка находится в пограничном состоянии между адаптивным вариантом копинга и выраженной дезадаптацией. Адаптивными копинг – стратегиями являются те, которые направлены непосредственно на разрешение проблемной ситуации. Это могут быть активные действия, направленные на разрешение проблемной ситуации, и планирование своих действий, поиск помощи, совета у своего социального окружения, принятие, признание реальности ситуации. Преобладающими способами преодоления трудностей подростками являются планирование решения проблемы (60,6 %), принятие ответственности (59,2 %). Эти стратегии подразумевают, что подросток прикладывает активные усилия, пытаясь самостоятельно изменить ситуацию, и поэтому нуждается в дополнительной информации о ней. В результате он обращает особое внимание на условия взаимодействия, одним из которых является справедливость, и анализирует их. Так же выявлен средний уровень развития самоконтроля (58,1 %) и положительной переоценки (56,7%), эти копинг-стратегии подразумевают контроль подростка за своим состоянием, решение проблемы посредством его изменения. Средний уровень развития стратегии поиска социальной поддержки у 50,6% подростков, хотя и не подразумевает стремления «выйти» из ситуации, но и не предполагает самостоятельного решения возникшей проблемы. Поэтому использующий её подросток не заинтересован в поиске дополнительной информации. И наименее предпочтительными копинг-стратегиями подростков являются дистанцирование (49,4 %), конфронтационный копинг (47,2 %), бегство-избегание (41,7 %) они подразумевают «уход», отказ человека от активного изменения ситуации или своего состояния. Подросткам, использующим эти стратегии, не нужна информация об условиях взаимодействия, от участия в котором они отказываются, поэтому они не придают ей серьезного значения. В результате она не оказывает влияния на их состояние.

Взаимосвязь детско-родительских отношений и копинг-стратегий подростков

Для подтверждения нашей гипотезы мы провели множественный регрессионный анализ с целью углубленного изучения полученных результатов по показателям копинг-стратегий подростков и параметрам детско-родительских отношений. Наглядно результаты представлены ниже в таблице.

Копинг-стратегии выступили в качестве зависимой переменной, а показатели детско-родительских отношений – независимой, т.е. определяющей выбор определенной копинг-стратегии. В результате проведенного множественного регрессионного анализа было получено восемь регрессионных моделей (в соответствии с количеством зависимых переменных копинг-стратегий): планирование решения проблемы, принятие ответственности, поиск социальной поддержки, самоконтроль, положительная переоценка, дистанцирование, бегство-избегание, конфронтация. В модель вошли показатели детско-родительских отношений такие, как эмпатия, сотрудничество, принятие

решений, удовлетворенность отношениями с родителями, удовлетворение потребностей, оказание поощрений, гипопротекция, отсутствие или наличие санкций и др.

Таблица 1

Множественный регрессионный анализ показателей копинг-стратегий и детско-родительских отношений

	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	t	Ур. знч. р
	β	Стандартная ошибка	β		
1. Модель положительная переоценка					
Эмпатия	-8,354	2,759	-1,646	-3,027	,019
Принятие решений	7,651	3,965	,974	1,930	,055
Удовлетворенность отношениями	6,609	3,091	,862	2,138	,056
С минус	-7,246	3,267	-1,678	-2,218	,052
2. Модель планирование					
Эмпатия	-6,352	2,107	-1,308	-3,014	,020
Сотрудничество	-7,516	3,806	-,906	-1,975	,059
Контроль	5,522	2,237	,691	2,469	,043
Удовлетворенность отношениями	7,222	2,360	,985	3,060	,018
Г плюс	26,771	5,917	5,514	4,525	,003
С минус	-11,637	2,495	-2,819	-4,664	,002
3. Модель бегство-избегание					
Конфликт	-6,570	3,654	-1,084	-2,798	,059
Авторитарность	-7,399	3,189	-,888	-2,320	,053
Оказание поощрений	-14,230	5,662	-1,586	-2,513	,040
Удовлетворение потребностей	9,512	4,088	,970	2,326	,053
4. Модель принятие					
Эмпатия	-7,911	2,838	-2,198	-2,788	,027
Контроль	5,732	3,012	,968	1,903	,059

В анализ полученных моделей были включены только те регрессионные β -коэффициенты, показатели детско-родительских отношений (независимые переменные), которые являлись статистически значимыми. При анализе регрессионной модели по копингу «положительная переоценка», мы обнаружили, что по показателям: эмпатия ($\beta=-1,646$ при $p \leq 0,01$), принятие решений ($\beta=0,974$ при $p \leq 0,05$), удовлетворенность отношениями с родителями ($\beta=0,862$ при $p \leq 0,05$) и отсутствие санкций ($\beta=-1,678$ при $p \leq 0,05$) были получены статистически значимые регрессионные β -коэффициенты, этот результат дает нам основание утверждать, что данные показатели оказывают влияние на выбор подростком копинга «положительная переоценка». Демонстрация родителем сопереживания, понимания чувств и состояний подростка, совместное и равноправное принятие каких-либо решений и действий, общая удовлетворенность отношениями родителя с подростком, отсутствие санкций создают условия для выбора стратегии «положительная переоценка», т.е. создание положительного значения с фокусированием на росте собственной личности. При анализе модели по копингу «планирование решения проблемы», мы обнаружили, что по показателям: эмпатия ($\beta=-1,308$ при $p \leq 0,05$), сотрудничество ($\beta=-0,906$ при $p \leq 0,05$), контроль ($\beta=0,691$ при $p \leq 0,05$), удовлетворенность отношениями ($\beta=0,985$ при $p \leq 0,01$), гипо-

протекция ($\beta=5,514$ при $p \leq 0,001$) и отсутствие санкций ($\beta=-2,819$ при $p \leq 0,001$) были получены статистически значимые регрессионные β -коэффициенты, что свидетельствует о том, что данные показатели оказывают влияние на выбор подростком копинга «планирование решения проблемы». Совместное и равноправное принятие каких-либо решений и действий, демонстрация родителем сопереживания, понимание чувств и состояний подростка, общая удовлетворённость отношениями родителя с подростком, отсутствие санкций, контроль со стороны родителей и проявление минимального внимания к интересам и делам подростка, способствуют проявлению у подростка усилий по изменению ситуации, включающие аналитический подход к проблеме. В регрессионную модель по копингу «принятие ответственности» вошли только два показателя детско-родительских отношений, по ним были также получены статистически значимые β -коэффициенты: эмпатия ($\beta=-2,198$ при $p \leq 0,05$) и контроль ($\beta=0,968$ при $p \leq 0,05$). Контроль со стороны родителей, демонстрация сопереживания, понимание чувств и состояний подростка, способствуют тому, что он признает свою роль в проблеме с принимаемыми попытками ее решения.

Необходимо отметить, что в регрессионные модели по всем вышеуказанным продуктивным копинг-стратегиям статистически значимый β -коэффициент был получен по показателю «эмпатия». Этот результат дает нам возможность предположить, что для формирования продуктивной копинг-стратегии необходимо понимание родителем чувств и состояний подростка, понимание путем эмоционального вчувствования в его переживания, демонстрация любви и внимания.

При анализе модели по копингу «бегство-избегание», мы обнаружили, что по показателям: конфликтность ($\beta=-1,0184$ при $p \leq 0,05$), авторитарность ($\beta=-0,888$ при $p \leq 0,05$), оказание поощрения ($\beta=-1,586$ при $p \leq 0,05$), удовлетворение потребностей ($\beta=0,970$ при $p \leq 0,05$), были получены статистически значимые регрессионные β -коэффициенты, этот результат дает нам основание утверждать, что данные показатели оказывают влияние на выбор подростком данного не продуктивного копинга «бегство-избегание». Чем больше родитель производит оценочных действий по отношению к подростку в виде поощрений, чем выше интенсивность конфликтов в семье и стремление родителей к удовлетворению потребностей, полный контроль действий подростка со стороны родителей, ограничение его самостоятельности, полнота и непререкаемость власти родителя, все эти показатели приводят к тому, что подросток прилагает поведенческие усилия и мысленно стремится к бегству или избеганию проблемы.

Заключение

В итоге нашего исследования получено четыре регрессионных модели по копинг-стратегиям: «положительная переоценка», «планирование решения проблемы», «принятие ответственности», «бегство-избегание». На использование подростками продуктивных копинг-стратегий оказывают влияние особенности принятия решений в диаде родитель-ребенок, эмпатия, понимание родителем чувств и состояний подростка, удовлетворенность отношениями, отсутствие санкций, сотрудничество, особенности системы контроля со стороны родителя, гиперпротекция, совместное с подростком принятие решений, а также удовлетворение потребностей ребенка.

Таким образом, гипотеза нашего исследования, заключающаяся в том, что стиль детско-родительских отношений может оказывать влияние на особенности выбора подростками определенного совладающего поведения, а именно: принятие родителем подростка, эмпатия, сотрудничество, определенная степень контроля, удовлетворенность отношениями и поощрение автономности, формируют у подростка стратегию планирования решения проблемы, принятие ответственности и положительную переоценку, подтвердилась. Полученный нами результат требует дополнительной проработки и проверки на большей по объему и более разнообразной выборке (например, подростки из разных по составу и типу семей), с учетом различных дополнительных факторов (индивидуально-типологические особенности, социальное положение

семьи, возраст родителей, стаж супружеской жизни, особенности стиля воспитания матери и отца в отдельности).

Список литературы

1. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс – Л.: Лениздат, 1970. – С. 178 – 208.
2. Carver C. S., Scheier M. F. & Weintraub J. K. Assessing coping strategies: A theoretically based approach. // *J. of Personality and Social...* psyoffice.ru>6-1095-metodika-cope.htm. Feb; 56(2), 1989. – P. 67-83.
3. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения: Монография. – Кострома, 2004. – 473 с.
4. Нартова-Бочавер С. К. «Coping behavior» в системе понятий психологии личности. // Психологический журнал № 18 (5), 1997. – С. 20 – 30.
5. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. Учебное пособие для врачей и психологов / Э. Г. Эйдемиллер, И. В. Добряков, И. М. Никольская – СПб: Изд-во Речь, 2007. – 352 с.
6. Соколова В. Н., Юзефович Г. Я. Отцы и дети в меняющемся мире / В. Н. Соколова, Г. Я. Юзефович – Москва: Просвещение, 1991. – 224 с.
7. Синягина Н. Ю. Психолого-педагогическая коррекция детско-родительских отношений / Н. Ю. Синягин – Москва: ВЛАДОС, 2003. – 96 с.
8. Родители и дети: психология взаимоотношений / Под ред. Е. А. Савиной, Е. О. Смирновой. – М.: Когито-Центр, 2003. – 230 с.
9. Feinberg M., Hetherington E. Differential Parenting as a Within-Family Variable // *Journal of Family Psychology*, 2001. Vol. 15, N 1. – P. 22 – 37.
10. Gunnoe M.L., Hetherington E.M., Reiss D. Differential Impact of Fathers' Authoritarian Parenting on Early Adolescent Adjustment in Conservative Protestant Versus Other Families // *Journal of Family Psychology*, 2006. Vol. 20. – N 4. – P. 589–596.
11. Timko C, Cronkite R, Swindle R, et al; Parental depression as a moderator of secondary deficits of depression in adult offspring. *Child Psychiatry Hum Dev*, 2009 Dec;40(4). – P. 575-88.
12. Child-parent Relationship and Potential Problems. Date views 17.03.2014. <http://www.patient.co.uk/doctor/child-parent-relationship-and-potential-problems/>

INFLUENCE OF PARENT'S ATTITUDE ON TEENAGER'S CHOICE OF COPING-STRATEGY

E. A. Ovsyanikova
N. S. Tkachenko

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
ovsyannikova@bsu.edu.ru
tkachenko_n@bsu.edu.ru*

The work is devoted to the parent-child relationship as a factor influencing the choice of teenagers productive and non-productive coping – strategies. The article gives a description of parent-child relationship through the eyes of teenagers and styles of family education on the basis of self-esteem of parents, as well as some features of using certain coping-strategies by teenagers.

The article gives a description of parent-child relationship through the eyes of teenagers and styles of family education on the basis of self-esteem of parents, as well as certain features that adolescents coping strategies. The article is verified and substantiated the hypothesis about the impact of parent-child relationship to choose a certain type of teenagers could use behavior, namely the adoption of the parent of a teenager, empathy, cooperation, a certain degree of control, relationship satisfaction and promotion of autonomy, form a teenager planning strategies to solve the problem, the adoption of responsibility and positive reevaluation.

Keywords: child-parent relationships, parenting, coping-strategies, adolescence.

ФОРМИРОВАНИЕ МАНИПУЛЯЦИОННЫХ УЯЗВИМОСТЕЙ В СОЗНАНИИ ПОДРОСТКОВ С ПОМОЩЬЮ СОВРЕМЕННЫХ ВИРТУАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫХ СРЕДСТВ

А. Ю. Петухов
Н. С. Чупракова

*Нижегородский
государственный
университет
им. Н.И. Лобачевского*

*e-mail:
Lectorr@yandex.ru*

Статья посвящена проблеме информационно-психологического влияния современных средств массовой коммуникации на подростков и формированию с их помощью манипуляционных уязвимостей. Авторы проводят экспериментальное исследование влияния современных виртуально-коммуникативных средств на основные психологические и психофизические характеристики школьников 12-13 лет. Выявлено, что такие параметры, как личностная тревожность, эмоциональное напряжение и возбудимость правого полушария в значительной степени подвержены изменениям в зависимости от поступающей информации и её интенсивности. В ходе анализа результатов эксперимента заключается, что в результате информационно-психологического воздействия с помощью виртуально-коммуникативных средств подростки становятся в значительной степени более восприимчивыми к манипуляциям сознания.

Ключевые слова: средства массовой коммуникации, виртуальная реальность, межполушарная асимметрия, личностная тревожность, политическое сознание, интернет, манипуляции сознанием.

Введение

Формирование политических взглядов личности обусловлено влиянием социальных институтов и средств массовой информации. Сегодня новые информационно-коммуникационные технологии многократно усилили воздействие на граждан, в том числе, и на молодежь [1 – 2].

Такое обилие информационных потоков позволяет вести полноценные информационные войны.

Если ранее целью было корректировка взглядов объекта, создания кратковременных эмоций, то сегодня информационное поле способно внести значительные изменения в картину мироощущений и мировоззрений человека, меняя его когнитивные установки, особенно эффективно это проявляется при воздействии на часть населения, не обладающую сформировавшейся устойчивой психикой – молодежь [1 – 2].

Война идеологий и культур приняла глобальные формы, не стесняясь ни каких способов. Совершенствуются методики и схемы, целые институты, например, в США заняты проработкой новых способов проведения психологических операций (манипуляций) и методам защиты от них.

Интернет как инструмент психологических операций

Доступ к сети интернет в настоящий момент имеет значительный процент населения планеты. В отчете аналитической корпорации ГОС "Прогноз и модель цифрового рынка", данные из которого приводит PC World, говорится, что в 2012 году число пользователей Интернета превысило 30 % от общего населения Земли, что составило 1,9 миллиарда человек. По результатам исследования Internet World Stats (международной организации, которая предоставляет статистику использования сети Интернет по 233 странам и регионам мира), на сегодняшний день количество пользователей Интернета в России составляет более 60 миллионов человек [2].

Вследствие глобального увеличения численности пользователей международной сети, с помощью средств массовых коммуникаций стало гораздо легче осуществлять психологические операции, таким образом, информационные ресурсы стали инструментом, используемым в политическом противостоянии. В этой связи, следует от-

метить, что в Российской Федерации была утверждена доктрина информационной безопасности.

Развитие информационных технологий привело к тому, что процесс передачи и обработки данных трансформировался для людей в новую, виртуальную реальность, новую среду обитания, которую человек осваивает сегодня не только в силу интереса, а все чаще в связи с очевидной необходимостью [3 – 7].

Массовость распространения виртуальных технологий достигла такого уровня, который позволяет с уверенностью говорить об их влиянии на личность [8 – 9]. Таким образом, возникает о том, является ли современная виртуальная реальность источником не только возможностей, но и рисков. Несомненно, современный образ жизни с использованием новых технологий не может не оказывать влияние на психофизиологические особенности индивида. Безусловно, немаловажным является воздействие средств массовой информации, а именно интернет ресурсов на детей, в особенности подросткового возраста. Восприятие подростками определенных стимулов или оценочных суждений относительно каких-либо явлений или событий может постепенно формировать отношение личности к политической обстановке в стране. Целенаправленное использование такого информационно-психологического воздействия может быть опасным, так как молодежь представляет собой потенциал перемен и возможный фактор политической нестабильности.

Масс-медиа не только участвуют в формировании устойчивых представлений, но и обладают способностью оказывать воздействие на степень и характер их проявления, в том числе и в политической деятельности. Так, организаторами акций протеста в Египте в январе 2011 г., активной участницей которых являлась и радикально настроенная молодежь, использовались интернет-ресурсы и сотовая связь. Реализуя манипуляционные коммуникационные стратегии, СМИ способны формировать шкалу ложных духовных ценностей, навязывать представления о социально-политических, экономических, духовных процессах, манипулировать общественным мнением, поведением молодежи. Путем манипулирования еще несформированным сознанием подростков можно добиться ее превращения либо в агрессивную, либо в безликую, политически индифферентную массу [3]. Это обусловлено воздействием на психофизиологические характеристики, образов, воспринимаемых подростками из средств массовой коммуникации. Общение в условиях виртуальности сопровождается возникновением ряда новых психологических феноменов, на данный момент не получивших общепринятого объяснения, что остро ставит проблему научной оценки пределов и характера влияния на личность опосредованной компьютером коммуникации. На настоящий момент большое количество публикаций посвящено проблеме киберзависимостей. Практическая значимость данных работ бесспорна, однако интерес представляет не только категория девиаций, но и область нормы. А так же, целесообразно обращать внимание не только на сам факт обнаружения подобной девиации, но и на её последствия, с точки зрения функционирования индивида в социуме.

Также большинство исследований основываются на данных, полученных исключительно с использованием психологических методик, которые не позволяют изучить проблему со всех сторон. Поэтому необходимость комплексного подхода к данной проблеме очевидна. В нашем экспериментальном исследовании мы реализовали этот принцип, применив не только стандартные психологические методики, но и методы психофизиологической диагностики функционального состояния. В качестве таких методов был выбран метод компьютерной латерометрии. Так же использовались опросник Айзенка, опросник Силбергера-Ханина и метод интервью [9 – 10].

Модель эксперимента

Целью проведения эксперимента является исследование психофизиологических характеристик школьников 12-13 лет с целью выявления связи между различными спектрами деятельности в компьютерной виртуальной реальности и психофизиоло-

гическим профилем школьников. Данное исследование является лангитюдным, так как эксперимент проводился в течение двух лет, в котором участвовали одни и те же школьники (два класса по 25 и 27 человек соответственно). Таким образом, была поставлена задача определения изменений психофизиологических характеристик под воздействием виртуальной реальности. Особенно важно определить характеристики информационного воздействия, оказывающее влияние на подростков, таким образом, что школьники становятся более подвержены манипулятивному воздействию.

Методы исследования – интервью, опросник Айзенка (подростковый вариант), опросник тревожности Спилбергера-Ханина, технологии компьютерной латерометрии.

Компьютерная технология латерометрии позволяет формировать разнообразные амплитудно-временные структуры звуковых шумовых прямоугольных импульсов и обеспечивает широкий спектр стратегий предъявления сигнала и регистрации реакции.

Стимул может предъявляться как моноаурально, так и бинаурально, когда эквивалентные короткие звуковые щелчки с регулируемой задержкой во времени подаются в каждое ухо отдельно через стереофонические наушники [9].

Процедура тестирования включает два этапа: обучение и измерение. Для обучения распознаванию пространственных координат звукового образа в условиях дихотической стимуляции испытуемому предлагается указать положение источника звука при моноауральном сигнале справа, слева и при одновременном бинауральном раздражении, соответствующем локализации звукового образа в центре межшумной дуги. Таким образом осуществляется подключение субъективной модели звукового пространства к распознаванию локализации иллюзорного источника звука при дихотической стимуляции. Для измерения в качестве стимула используется серия дихотических импульсов частотой 3 Гц с шагом нарастания межшумной задержки 23 мкс. Направление сальтаторного движения звукового образа определяется стороной опережающего сигнала. Испытуемому дается установка фиксировать положение «звука» нажатием на кнопку джойстика для трех моментов (Рис. 3,А): момента смещения из «центра» ($dt_{min_лев}$, $dt_{min_пр}$), момента остановки в крайнем латеральном положении: для опережения на левое ухо – слева ($dt_{max_лев}$), для опережения на правое ухо – справа ($dt_{max_пр}$), а также момента появления вместе с громким сигналом со стороны опережения четкого тихого сигнала с противоположной стороны ($dt_{расщ_лев}$, $dt_{расщ_пр}$). [9]

Пороговые межшумные задержки, измеренные при иллюзии смещения источника звука вправо, характеризуют разные степени доминирования левого полушария, а для движения влево – правого полушария. Сопоставляя пороги для одних и тех же моментов латерализации звукового образа, можно вычислить коэффициенты функциональной межполушарной асимметрии:

1. $K_{min} = (\Delta t_{min_пр} - \Delta t_{min_лев}) / (\Delta t_{min_пр} + \Delta t_{min_лев})$
2. $K_{max} = (\Delta t_{max_пр} - \Delta t_{max_лев}) / (\Delta t_{max_пр} + \Delta t_{max_лев})$
3. $K_{расщ} = (\Delta t_{расщ_лев} - \Delta t_{расщ_пр}) / (\Delta t_{расщ_лев} + \Delta t_{расщ_пр})$
4. $K_{ас_общ} = \sqrt{AS_{min}^2 + AS_{max}^2 + AS_{расщ}^2}$

Тест ситуативной и личностной тревожности Спилбергера-Ханина

Цель: дифференцированное измерение тревожности как состояния (ситуационная тревожность – СТ) и как личностного свойства (личностная тревожность – ЛТ).

Опросник по исследованию тревожности состоит из 40 утверждений: 20 предназначены для оценки СТ и 20 для оценки ЛТ. Соответственно эти утверждения представлены в 2-х бланках с разными инструкциями.

Подростковый опросник Айзенка

Один из вариантов опросника, разработанный для детей и подростков в возрасте от 10 до 15 лет – подростковый опросник Айзенка. Данный личностный опросник

предназначен для диагностики и изучения индивидуально-психологических особенностей и характерологических проявлений лиц подросткового возраста.

Для выявления видов поведения в компьютерной виртуальной реальности и их особенностей с каждым учащимся было проведено интервью.

Обработка данных

Статистическая обработка полученных результатов бала проведена методом дисперсионного (различия считались значимыми при значениях двухстороннего критерия достоверности $p \leq 0,05$), корреляционного и регрессионного анализа в электронных таблицах EXCEL8.0 и в программе STATISTIKA.

Анализ результатов эксперимента

Спектры поведения в виртуальной реальности.

Для выявления спектров деятельности в виртуальной среде в рамках данного исследования были сопоставлены количество времени, уделяемое определенной деятельности в компьютерной виртуальной реальности и общее время, проводимое за компьютером в неделю.

В результате выявилось, что в 2014 году 100 % из числа респондентов проводят время за общением в социальных сетях. Количество часов в день варьируется от 1 до 16 часов. Стоит отметить только, что 5 человек проводят так много времени в социальных сетях, что касается остальных опрошенных, время колеблется между 8 и 2 часами в день. В отличие от результатов представленных в 2013 году 20% из опрошенных не общались в социальных сетях. Таким образом доля детей, активностью в виртуальном мире которых являются социальные сети увеличилась на 20 % и достигла своего максимального значения. Данные результаты говорят о том, что возможность для использования методов информационно-психологического воздействия, благодаря росту активности населения в социальных сетях, существенно увеличивается.

Рис. 1. Распределение по времени общения в социальных сетях.

В результате проведенного корреляционного анализа были выявлены следующие высокие значимые корреляции: между количеством часов за компьютером и временем в социальных сетях (0,86). Данная взаимосвязь отразилась в уравнении регрессии (рис. 2).

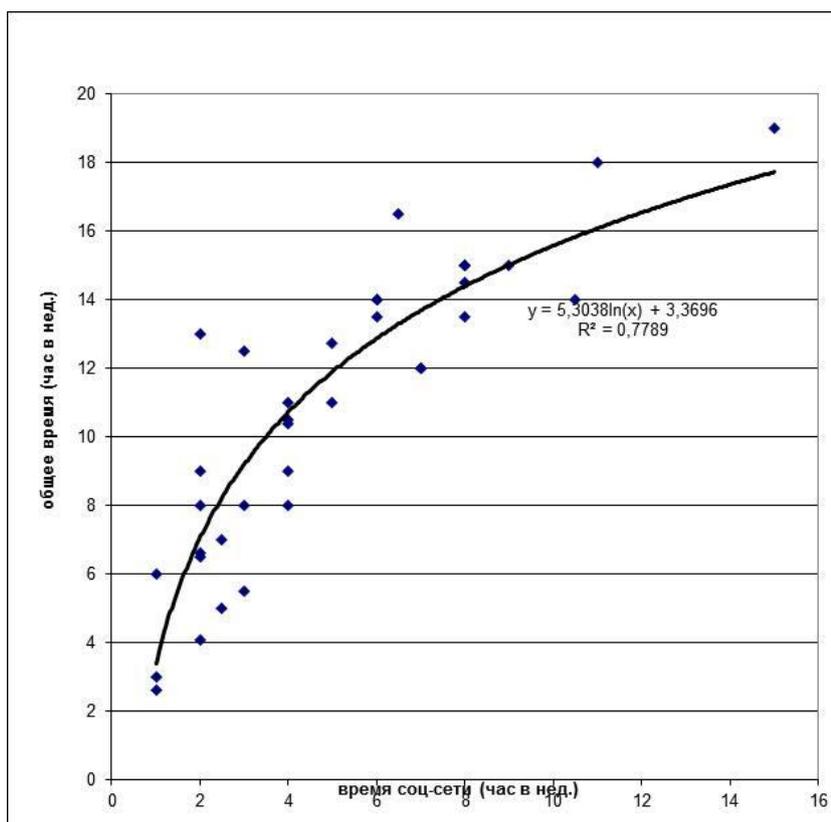

Рис. 2. Регрессионное уравнение.
Зависимость общего времени в неделю за компьютером от часов проведенных в социальных сетях

Связь между психофизиологическими показателями эмоционального напряжения и формами поведения в виртуальной среде.

Проанализировав данные, характеризующие состояние эмоциональной системы подростков, мы отметили, что такие показатели, как уровень личностной тревожности, формы поведения в виртуальной среде и межполушарная асимметрия взаимосвязаны.

Так участники исследования в 2013 году с высоким уровнем личностной тревожности больше общаются в социальных сетях. Кроме того, высокая личностная тревожность положительно коррелировала с количеством часов online. (Повышение личностной тревожности – способствует подверженности манипуляциям)

В 2014 году респонденты с высоким уровнем личностной тревожности больше проводят времени online. Данный результат оказался достоверно значимым ($p = 0,02$). У детей с высоким уровнем личностной тревожности выше уровень возбудимости для правого полушария, чем у детей с умеренным уровнем личностной тревожности. В результате анализа данных исследования по компьютерной латерометрии, выявились тенденции зависимости межполушарной асимметрии и вида поведения online. Такие виды деятельности, как просмотр фильмов, поиск информации и социальные сети повышают лабильность правого полушария. Уровень возбудимости правого полушария повышается при просмотре фильмов, поиске информации и общении в социальных сетях. (см. Рис.2). Это говорит о том, что дети привыкают воспринимать образы извне, а не конструировать новые в своем воображении.

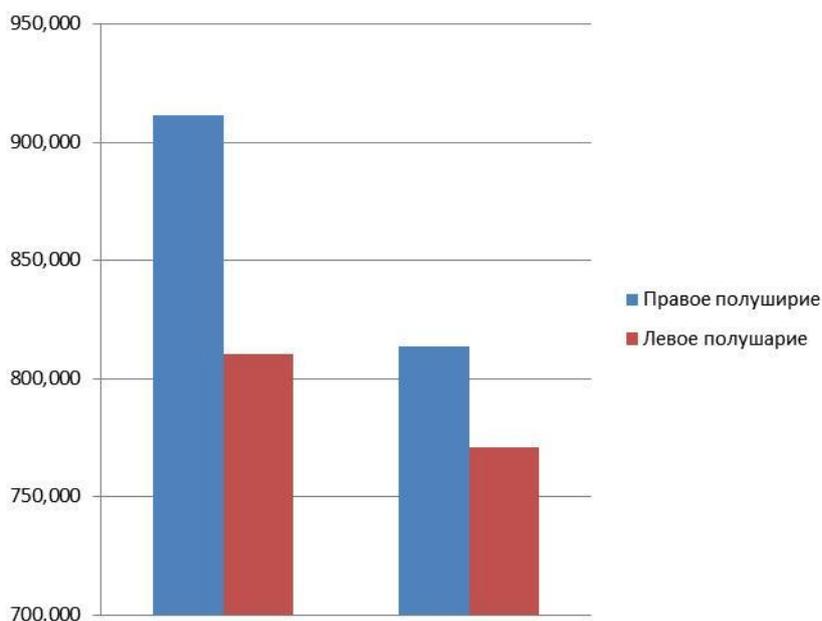

Рис. 3. Взаимосвязь уровня личностной тревожности и межполушарной асимметрии

Таким образом, активность в виртуальной реальности оказывает значительное влияние на правое полушарие.

Связь психофизиологических показателей данных полученных методом кампиметрии.

Заключение

В результате проведенного эксперимента выявлено влияние на изменения психофизиологических характеристик личности и поведения пользователей интернета.

Для выявления спектров деятельности в виртуальной среде в рамках данного исследования были сопоставлены количество времени, уделяемое определенной деятельности в компьютерной виртуальной реальности и общее время, проводимое за компьютером в неделю. Доля детей, активностью в виртуальном мире которых являются социальные сети увеличилась на 20 % и достигла своего максимального значения. В результате проведенного корреляционного анализа были выявлены высокие значимые корреляции между количеством часов за компьютером и временем в социальных сетях. Это свидетельствует о том, что влияние на политическое сознание подростков легко осуществлять через социальные сети.

В результате анализа данных исследования по компьютерной латерометрии, выявились тенденции зависимости межполушарной асимметрии и вида поведения online. Уровень возбудимости правого полушария повышается при поиске информации и общении в социальных сетях. Повышенная возбудимость правого полушария говорит о снижении способности самостоятельно конструировать новые образы. Подростки привыкают к получению информации извне, что оказывает негативное влияние на развитие образного мышления.

По итогам лонгитюдного исследования респонденты в 2014 году, по сравнению с аналогичной выборкой в 2013 г. с высоким уровнем личностной тревожности стали больше проводить времени online. Повышение личностной тревожности детей является сопутствующим фактором восприимчивости к поступающей информации.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что средства массовой коммуникации, такие как интернет, а в особенности социальные сети оказывают влия-

ние на изменение психофизиологических характеристик индивида. Повышение возбудимости правого полушария, увеличение эмоционального напряжения и повышения уровня личностной тревожности приводят к уязвимости подростков информационно-психологическому воздействию. Это определяет негативную тенденцию роста подросткового невротизма, общей неудовлетворённости, социально-психологической дидаптации [14-17], что в итоге закладывает протестную базу для умелых манипуляторов в будущем.

Список литературы

1. Войскунский А. Е. Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. Т. 25, – № 1. – С. 90 – 100.
2. Давыдова-Мартынова Е.И. Проблемы влияния ресурсов сети Интернет на политическую активность молодежи в современной России.: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 25с.
3. Зети П. П. Проблемы информационного воздействия на молодежь на юге России // Вестник южного научного центра РАН. 2012. Т.8, № 1. – С. 76-79.
4. Колодин Д. В. Основные подходы к изучению виртуальной реальности в современных научных контекстах // Вестник ТОГУ. Социология и политология. 2011. Т. 3, №22. С. 165-170.
5. Леутин В. П., Николаева Е. И. Психофизиологические механизмы адаптации и функциональная асимметрия мозга. Новосибирск: Наука СО, 1988. 192 с.
6. Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: Человек. Общество. Государство. СПб.: Фонд «Университет», 2000, 433с.
7. Мураткина Ю.Н. Взаимосвязь компьютерной зависимости и совладающего поведения подростков.: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Сургут, 2010. 21 с.
8. Носов Н. А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 152-164.
9. Полевая С.А. Интеграция эндогенных факторов в систему обработки экстероцептивных сигналов.: автореф. дис. докт.биол.наук. П. 2009. 38с.
10. Полевая С.А., Парин С.Б., Зелинская А.В., Дормидонтова М.С., Еремин Е.В. Распознавание цветовой информации как функция психофизиологического состояния человека VIII всероссийская научно-техническая конференция "Нейроинформатика-2006". Сб. науч. тр. – Москва. – 2006. – ч.1. – с. 124-130
11. Почепцов Г.Г. Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований. М.: Рефл-бук: К.Ваклер, 2000, 578 с.
12. Greenfield P. M. Mind and Media. The Effects of Television, Video Games, and Computers. Harvard.: Cambridge Mass, 1984. 232 p.
13. Ostwald M. J. Virtual Urban Futures. Virtual Politics. Identity and Community in Cyberspace / ed. D. Holmes // SAGE Publications. 1997. №3 P. 125–144
14. Петухов А.Ю. Моделирование манипуляций сознанием масс в политическом процессе с помощью коммуникационного поля // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, 2011, вып 6. С. 326-331
15. Петухов А.Ю., Чупракова Н.С. Моделирование пороговых эффектов в социальных и политических процессах. Социально-энергетический подход. // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2013. № 8(28), 69. <http://dx.doi.org/10.12731/2218-7405-2013-8-69>
16. Petukhov A.Y. 2014. Branched chain reactions in social systems. Life Sci J; 11(8): 950-953
17. Petukhov A. 2014. Threshold effects in the social and political processes. Social-energy approach. World Applied Sciences Journal, Volume 30 (10), p. 1340-1345. DOI: 10.5829/idosi.wasj.2014.30.10.14147

CONSTRUCTING MANIPULATION VULNERABILITIES IN THE MINDS OF YOUNG PEOPLE WITH MODERN VIRTUAL-COMMUNICATION TOOLS

**A. Y. Petukhov
N. S. Chuprakova**

*Lobachevsky State
University of Nizhni Novgorod*

*e-mail:
Lectorr@yandex.ru*

This article is devoted to the problem of information-psychological influence of modern means of mass-communication on adolescents and development with their help vulnerabilities to manipulations. The authors carried out an experimental research of the influence of modern means of mass-communication on basic psychophysiological characteristics of schoolchildren 12-13 years old. It was found out during the research, that such factors as personal anxiety, emotional tension and excitability of the right hemisphere determine susceptibility to the influence of the incoming information. Thus, adolescents become considerably more susceptible to manipulations of consciousness as a result of information-psychological influence by using virtual-communicative means.

Keywords: Means of mass-communication, virtual reality, hemispheric asymmetry, personal anxiety, political consciousness, internet, manipulations of consciousness.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Андрега Д. С.** – ассистент кафедры психологии и педагогики Уральского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации
- Анненкова И. В.** – профессор кафедры стилистики русского языка Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор филологических наук, доктор философских наук
- Бардыкова И. В.** – доцент кафедры культурологии и политологии социально-теологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат философских наук
- Бардыкова Н. В.** – профессор кафедры филологии историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Буглак К. И.** – аспирант кафедры английского языка и методики преподавания факультета иностранных языков педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Воробьева Т. А.** – старший преподаватель кафедры социально-массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета
- Горячев А. А.** – старший преподаватель кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат филологических наук
- Доборович А. Н.** – доцент кафедры теории и практики перевода института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Дускаева Л. Р.** – зав. кафедрой речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета, доктор филологических наук, профессор
- Каракулова С. Ш.** – аспирант кафедры профессиональной иноязычной коммуникации Волгоградского государственного университета
- Карпов В. И.** – старший научный сотрудник, ученый секретарь Института языкознания Российской академии наук, кандидат филологических наук
- Коняева Ю. М.** – старший преподаватель кафедры речевой коммуникации Санкт-Петербургского государственного университета
- Котляр В. Н.** – доцент кафедры организации режима и надзора в Академии Федеральной службы исполнения наказаний России, г. Рязань, кандидат педагогических наук, доцент
- Красикова Т. Р.** – ассистент кафедры коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кузнецова А. А.** – старший преподаватель кафедры психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета Минздрава России

- Кузьмичева В. А.** – доцент кафедры теории и практики перевода института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Лагоденко Ж. М.** – доцент кафедры английского языка и методики преподавания факультета иностранных языков Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук, доцент
- Мельникова В. А.** – магистрант кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Мельникова Л. А.** – аспирант кафедры литературы Балашовского института Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского
- Меринов В. Ю.** – доцент кафедры журналистики факультета журналистики Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат философских наук
- Нагорная С. Ю.** – доцент кафедры филологии историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат филологических наук
- Нагорный И. А.** – профессор кафедры русского языка и методики преподавания историко-филологического факультета Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук
- Никишина В. Б.** – зав. кафедрой психологии здоровья и коррекционной психологии Курского государственного медицинского университета, доктор психологических наук, профессор
- Носкова М. В.** – доцент кафедры психологии и педагогики Уральского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, кандидат психологических наук
- Овсяникова Е. А.** – доцент кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат психологических наук
- Петухов А. Ю.** – доцент кафедры истории и теории международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат политических наук
- Проскурнина Л. В.** – делопроизводитель кафедры филологии историко-филологического факультета педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Ткаченко Н. С.** – доцент кафедры возрастной и социальной психологии факультета психологии педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, кандидат психологических наук, доцент
- Тришина Г. В.** – аспирант кафедры педагогики педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета

- Чикина Ю. Ю.** – ассистент Луганского национального университета им. Тараса Шевченко, Украина
- Чупракова Н. С.** – магистрант 2-го года обучения Нижегородского государственного университета им Н. И. Лобачевского
- Шагардинова Е.** – аспирант кафедры педагогики и психологии Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации
- Шихова Е. П.** – доцент кафедры психологии и педагогики Уральского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, кандидат социологических наук

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в двух экземплярах:

1) по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный национальный исследовательский университет;

2) по электронной почте редакторам разделов: «Русская филология» – nagorny@bsu.edu.ru (Нагорный Игорь Анатольевич – заместитель главного редактора); «Романо-германская филология» – prokhorova@bsu.edu.ru (Прохорова Ольга Николаевна – заместитель главного редактора); «Методологические проблемы гуманитарных наук» и «Журналистика и связи с общественностью» – korochensky@bsu.edu.ru (Короченский Александр Петрович – главный редактор); «Педагогика» – Isaev@bsu.edu.ru (Исаев Илья Федорович – заместитель главного редактора); «Психология» – grebneva@bsu.edu.ru (Гребнева Валентина Викторовна – заместитель главного редактора).

Ответственный секретарь серии журнала – vedomosti@nm.ru (Карпенко Ирина Ивановна); сайт журнала: <http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php>.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ» СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология»

В материалы включается следующая информация:

- 1) УДК научной статьи;
- 2) аннотация статьи (не более 1200 знаков);
- 3) ключевые слова;
- 4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны);
- 5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук);
- 6) текст статьи;
- 7) ссылки.

*на русском
и английском
языках*

*на русском
языке*

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4. Без переносов.

2. Поля:

- правое – 1,5 см;
- левое – 3,0 см;
- нижнее – 2,0 см;
- верхнее – 2,0 см.

3. Шрифт:

- гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
- размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт**.

4. Абзац:

- отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
- межстрочный интервал – одинарный.

5. Ссылки:

• номер ссылки размещается в квадратных скобках перед знаком препинания (перед запятой, точкой);

• нумерация – автоматическая, сквозная;

• текст сноски внизу каждой страницы;

• размер шрифта – **10 пт.**

6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт).**

7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.

8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 808.2-318+802.0-318

**КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДИХОТОМИЯ
ЗНАКОВ ЯЗЫКА И РЕЧИ¹****Н. Ф. Алефиренко***Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет**e-mail:
alefirenko@bsu.edu.ru*

Вопреки принятой в современной лингвистике знаковой теории языка в статье предлагается решение одной из важнейших проблем теоретического языкознания: разграничение знаков языка и знаков речи. Методологической основой такого разграничения служит концепция языка как явления психики и опирается на дихотомию «язык – речь».

Ключевые слова: язык, речь, знак, функции языка и речь, когнитивно-дискурсивная деятельность.

Если исходить из основного положения дихотомии языка и речи, утверждающего, что единицы речи объективируют (реализуют) единицы языка, будет уместно, как мне представляется, использовать данную аксиому во благо развития современной лингвосомиотической теории. Кстати, не лишним было бы упомянуть, что, пожалуй, впервые идею о целесообразности различения знаков языка и знаков речи высказал Ф.Ф. Фортунатов...

COGNITIVE-DISCURSIVE DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH SIGNS**N. F. Alefirenko***Belgorod National
Research University**e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru*

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Keywords: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**Алефиренко Н.Ф.**

– профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного национального исследовательского университета, доктор филологических наук.

¹ Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на двух страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская обл.	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская обл.	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Продолжение той же таблицы, расположенной на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и подрисуночную подпись, расположенные ниже рисунка и отцентрированные.

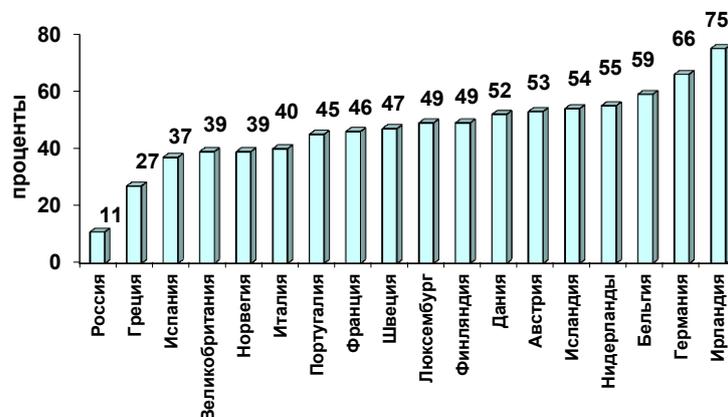

Рис. 1. Уровень активности медиапотребителей в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

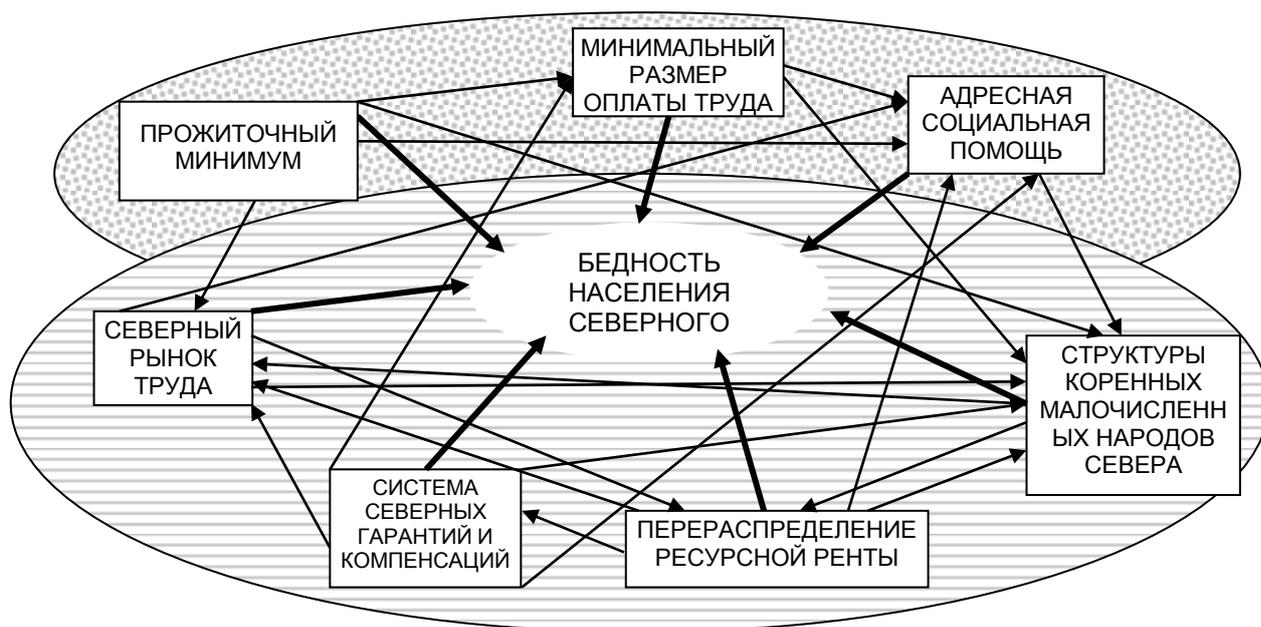

Рис. 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.